

ISSN 2409-336X

9 772409 336004

2 3 0 0 2

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (62)
2023

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д. С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р экан. навук прафесар Н. У. Макоўская (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я. Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. гіст. навук А. І. Галавач (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д. У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К. М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І. А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М. І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар Г. А. Круглова (Мінск)
д-р філас. навук прафесар В. В. Плябанек (Санкт-Пецярбург, Расія)
д-р філас. навук прафесар С. М. Астапаў (Растоў-на-Доне, Расія)
канд. філас. навук дацэнт В. У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А. В. Дзячэнка (Мінск)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А. М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т. М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т. Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А. С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А. В. Доўгаль (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series A. HUMANITIES
(History, Philosophy, Philology)

Published twice per year

2 (62)
2023

Editorial Board:

Lavrinovich D. S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Makovskaya N. V., Deputy Chief Editor, Doctor of Economic Sciences, Professor
Riyer Y. G., Chairman of the Editorial Committee (Series A),
Doctor of Historical Sciences, Professor
Golovach E. I., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D.

History:

Duk D. V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Bondarenko K. M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Marzaliuk I. A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)

Philosophy:

Vishnevsky M. I., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Mogilev)
Kruglova G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk)
Plebanek O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ostapov S. N., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Rostov-na-Donu, Russia)
Starostenko V. V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dyachenko O. V., Ph.D., Associate Professor (Minsk)

Philology:

Makarevich A. N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Mogilev)
Volynets T. N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Minsk)
Mikhalchuk T. G., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Lavshuk A. S., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dovgal A. V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

СТАРОСТЕНКО Э. В. О роли «Вестника военного и морского духовенства» в воспитательной работе священников в российской армии в годы Первой мировой войны.....	7
ВАСИЛЕНКО В. В. Борьба с дороговизной и решение продовольственного вопроса в Могилёве в 1915 г.	12
БАРОЎСКАЯ В. М. Узамаадносіны Народнага камісарыята знешняга гандлю БССР з гандлёвым прадстаўніцтвам РСФСР у Польшчы ў 1921–1923 гг.....	17
КОЛОСОВ А. В. Мезолит Верхнего Поднепровья в исследованиях В. Ф. Копытина.....	22
КОСЕНКО А. А. Влияние революции 1905–1907 гг. на состояние преступности в Могилевской губернии	28
СМІРНОЎ С. М. Сатурн і Dea Caelestis: рэлігійны сінкрэтызм рымскай Афрыкі эпохі прынцыпату	34
РАЕМСКИЙ Ю. А. К вопросу об атрибуции очерка «Ставка Верховного Главнокомандующего. Два приказа».....	39
АПЕКУНОВ В. А. Основные направления общественно-политической и публицистической деятельности П. А. Кулаковского	44
СТАРОСТЕНКО В. В. Динамика развития Белорусской православной церкви в Гродненской области Республики Беларусь	50
ГАБРУСЕВИЧ О. В. История зарождения и развития адвентизма на Могилевщине: 1906–1991 гг.....	56
БАРКОВИЧ А. А., МАРКОВСКАЯ Е. В. Особенности метаязыковой обработки интернет-контента посредством регулярных выражений языка <i>python</i>	62
РЕВУЦКАЯ Е. А. Поэтическое слово как инструмент познания (на примере образных моделей инокультурного пространства в лирике Марии Павликовской-Ясножевской).....	67
ШАЛАДОНАВА Ж. С. Мастацка-паэтычнае асэнсаванне топаса лесу ў творах Я. Коласа і А. Куляшова	72
ДАНИЛОВИЧ Т. В. Автор и читатель в представлении русских писателей – сторонников чистого искусства	77
МИХАЛЬЧУК Н. А. Непрямые реализации речевой интенции приказа в статусно-маркированном диалоге в художественном тексте (на материале романов М. Булгакова «Белая гвардия» и З. Прилепина «Патологии»).....	82
ПАПЕЙКО А. А. Лексическая реализация ключевых концептов русской поэзии на рубеже XX–XXI веков: частотная характеристика	87
БОЛТОВСКАЯ Е. А. Динамика морфологической нормы в русском литературном языке (на примере вариантов рода склоняемых имен существительных).....	93
СЕРДЮКОВА Е. И. Античный мир в поэтическом пространстве русскоязычной поэзии Беларуси второй половины XX – начала XXI в.	99
КАНЮТА В. І. Інфармацыйная прастора Рэспублікі Беларусь: актуальныя тэндэнцыі і перспектывы.....	104
МАРЧЕНКО О. В. Модели развития диалогического взаимодействия в ситуации отказа от реализации коммуникативного замысла	109

CONTENTS

STAROSTENKO E. V. The Role of “The Bulletin of the Military and Naval Clergy” in the Educational Work of Priests in the Russian Army during World War I.....	7
VASILENKO V. V. Fighting High Prices and Solving the Food Issue in Mogilev in 1915	12
BOROVSKAYA V. N. Relations of the People’s Commissariat of Foreign Trade of the BSSR with the Trade Office in Poland in 1921–1923	17
KOLOSOV A. V. The Mesolithic of the Upper Dnieper Region in the Studies by V. F. Kopytin	22
KOSENKO A. A. The Impact of the Revolution of 1905–1907 on the State of Crime in Mogilev Province.....	28
SMIRNOU S. M. Saturn and Dea Caelestis: Religious Syncretism in Roman Africa in the Principate Period.....	34
RAYEMSKI Y. A. On the Issue of Attribution of the Essay “The Supreme Commander’s Headquarters. Two Orders”.....	39
APEKUNOV V. A. Main Directions of P. A. Kulakovsky’s Socio-Political and Journalistic Activity	44
STAROSTENKO V. V. Dynamics of Development of the Belarusian Orthodox Church in Grodno Region of the Republic of Belarus	50
GABRUSEVICH O. V. The History of the Origin and Development of Adventism in Mogilev Region: 1906–1991	56
BARKOVICH A. A., MARKOUSKAYA A. V. Peculiarities of Internet Content Metalanguage Processing Using Python’s Regular Expressions.....	62
REVUTSKAYA A. A. Poetic Word as a Cognitive Instrument: a Case Study of the Metaphorical Patterns for ‘Foreign Culture Space’ in Maria Pawlikowska-Jasnorzewska’s Lyric Poetry.....	67
SHALADONAVA ZH. S. Artistic and Poetic Comprehension of Forest’s Topos in the Fiction of Y. Kolas and A. Kulyashov.....	72
DANILOVICH T. V. Author and Reader in the Presentation of Russian Writers – Supporters of Pure Art	77
MIKHALCHUK N. A. Indirect Realizations of Speech Intention of Order in Status-Marked Dialogue in Artistic Text (Based on the Material of the Novels “the White Guard” by M. Bulgakov and “Pathologies” by Z. Prilepin).....	82
PAPEIKO A. A. Lexical Realization of the Key Concepts of Russian Poetry at the Turn of the XX–XXI centuries: Frequency Description	87
BOLTOVSKAYA E. A. Morphological Norm Dynamics in Russian Literary Language (based on the Example of Gender Variants of Declinable Nouns)	93
SERDYUKOVA E. I. The Ancient World in the Poetic Dimension of Russian-Language Poetry of Belarus during the Second Half of the XX – the Beginning of the XXI Century.....	99
KANIUTA V. I. The Media Landscape of the Republic of Belarus: Current Tendencies and Perspectives.....	104
Marchanka v. U. The Models of Dialogue Interaction in the Situation of the Refusal to Realize the Communicative Intention.....	109

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(47)»1914/1918»

О РОЛИ «ВЕСТНИКА ВОЕННОГО И МОРСКОГО ДУХОВЕНСТВА» В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СВЯЩЕННИКОВ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

Э. В. Старостенко

кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет

«Вестник военного и морского духовенства» был важным источником информации для священнослужителей, находящихся в действующей армии. В статье рассматривается, какая роль отводилась журналу в воспитательной работе военного духовенства и какие факторы повлияли на его значение в годы войны. Для этого дан краткий обзор содержания неофициальной части «Вестника» и «Воскресных листков», определены основные проблемы, связанные с формированием и распространением номеров журнала во время войны. Установлено, что в 1917 г. содержание журнала самим военным духовенством было признано неудовлетворительным, что привело к его реорганизации. Автор делает выводы о том, что проблемы, возникшие с изданием журнала, не позволили ему в полной мере стать «помощником» священника на войне.

Ключевые слова: военное духовенство, «Вестник военного и морского духовенства», воспитательная работа, армия, Первая мировая война.

Введение

Частью деятельности православного военного духовенства в российской армии во время Первой мировой войны было проведение внебогослужебных бесед, произнесение поучений и проповедей. Для их составления пастыри черпали информацию из разных источников, в том числе из печатного органа ведомства протопресвитера «Вестник военного и морского духовенства» (далее «Вестник»). Журнал выходил два раза в месяц и состоял из официальной и неофициальной частей. Официальная часть содержала циркуляры и обращения протопресвитера, сведения

о назначениях, перемещениях, увольнениях и наградах военного духовенства, данные о благотворительных сборах, списки пострадавших в годы войны священников и другую официальную информацию [1, с. 171]. В неофициальной части в основном помещались материалы о деятельности военных священников, заметки, касающиеся богословских, философских, исторических вопросов, некрологи и другое. В качестве приложения к «Вестнику» издавался «Воскресный листок». В статье предлагается рассмотреть, какая роль отводилась журналу в воспитательной и идеологической работе священников в российской армии и какие факторы повлияли на его значение в годы Первой мировой войны. В качестве источниковой базы исследования выступили материалы, опубликованные в неофициальной части «Вестника», «Воскресные листки», архивные документы.

Основная часть

«Вестник» приобрел особое значение во время Первой мировой войны. Многие военные священники, в первую очередь те, кого в годы войны мобилизовали из епархий, не имели опыта работы с военнослужащими и черпали из этого издания информацию об особенностях деятельности в армии, узнавали о самых важных распоряжениях протопресвитера, имели возможность на основе опубликованных материалов составлять проповеди и тексты бесед. Вероятно, в ведомстве протопресвитера считали, что информация, помещенная на страницах журнала, будет полезна всем военным священникам, в особенности тем, кто трудился на фронте. Так, если первоначально на журнал действовала обязательная подписка для священников первоочередных воинских частей, то с января 1916 г. она была распространена на священнослужителей второочередных полков, запасных батальонов,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках проекта «Идеологическая и воспитательная работа православного военного духовенства на восточноевропейском театре Первой мировой войны (1914–1918 гг.)», договор № Г21М-115.

ополченских бригад, военно-санитарных поездов, полевых подвижных и запасных госпиталей, военно-местных лазаретов и сводных госпиталей [2, л. 70].

Дадим лишь краткий обзор материалам, которые публиковались в неофициальной части «Вестника» и могли быть использованы священниками в идеологической и воспитательной работе с военнослужащими. Несомненно, в период 1914–1917 гг. в неофициальной части преобладали материалы, так или иначе связанные с текущей войной: значительное число заметок было посвящено воинскому долгу, объяснению причин войны и ее оправданию. Они зачастую составлялись на основе исторических справок, обращений к церковной истории и библейским сюжетам, позже при их подготовке стали использовать свидетельства с фронта, поступающие из разных источников, в том числе и от самих военных священников. Публиковались статьи, в которых рассказывалось о нехристианском поведении противника: поругании храмов, жестоком убийстве и истязании попавших в плен русских солдат. Эта информация могла быть использована в беседах с солдатами при объяснении им необходимости вступать в бой с немцами и австрийцами, в большинстве своем также являющимися христианами. Во время войны на страницах «Вестника» появлялись материалы, посвященные так называемым «сектантам», в которых их часто обвиняли в прогерманской ориентации: появление таких статей было связано с проведением работы по недопущению религиозной пропаганды в армии [3].

В рамках выполнения проекта БРФФИ было проанализировано содержание «Воскресных листков», хранящихся в фондах Российской национальной библиотеки: №№ 29–44 (1914 г., начиная с 1 августа), №№ 1–48 (1915 г.), №№ 37–40 (1916 г.). По форме подачи материал в «Воскресных листках» обычно имел вид художественных рассказов, пересказов библейских сюжетов и истории православной церкви, воззваний и поучений, обращенных к воину. В листках также помещались стихи, молитвы, псалмы. Авторами нередко являлись сами военные священники, члены редакции журнала. Часть материалов бралась из периодической печати (например, из епархиальных ведомостей). Анализ листков позволяет судить, какие темы редакция считала наиболее востребованными в воспитательной работе. Значительное число листков посвящено

темам патриотизма, преданности государству, солдатскому долгу, необходимости продолжения войны (например, «Любовь к отечеству и ее основания», «Любовь к отечеству и ее прицатели», «Как православный русский воин должен готовиться к бою», «Служба военная – Божья служба», «Великая война», «Православным христолюбивым воинам», «Ценность жизни и христианская кончина», «Любовь к отечеству, патриотизм – чувство святое», «Пастырское слово воину, вступающему в действующую армию», «Пастырское слово воину, на брани подвизающемуся», «Пока немец не побежден, не видать нам светлых дней» и прочее). Определенное количество листков было посвящено теме «сектантства»: «Наказание Божие за издевательство над святым постом», «Сектант», «О храмах божьих», «Война и сектантство». Были и материалы, связанные с пороками, имеющими место в солдатской среде (пьянство, курение, злословие). Например, листки «Не гляди на вино, как змей укусит оно», «О солдатской болтливости».

Исходя из отчетов военного духовенства, листки часто оказывались в полковых и госпитальных библиотеках, раздавались солдатам. Они особенно были удобны для священников полков, участвующих в боевых действиях. Например, благочинный 2-й гвардейской кавалерийской дивизии протоиерей В. Малаховский так писал о листках для чтения: «Удалось добыть религиозно-нравственных листков соответствующего обстоятельствам войны содержания; получил я и «Воскресные листки» Вестника военного духовенства и стал все это, с ведома командира полка, распространять между солдатами... Охотно читали. По-моему, это единственный вид литературы, пригодный для кавалериста на войне. Книжки мало пригодны: переходы большие, движения вообще масса; набирать с собой лишние предметы трудно и даже невозможно» [4, л. 31-31 об.].

И неофициальная часть журнала, и «Воскресные листки» в целом соответствовали рекомендациям протопресвитера о тематике проводимых бесед с солдатами. Однако следует рассмотреть те проблемы, которые не позволили «Вестнику» стать полноценным помощником священника на войне.

Несмотря на то что журнал выходил регулярно (некоторые номера были сдвоенными (например, №№ 11–12, 13–14, 15–16 в 1915 г.), уже на этапе его доставки подписчикам возникали проблемы. Напечатанные номера могли задерживаться и даже не доходить до получа-

теля ввиду разбросанности воинских частей и учреждений, удаленности от путей сообщения, перемещения полков. На протяжении войны военное духовенство жаловалось на несвоевременное поступление журнала. Например, благочинный 6-й пехотной дивизии Н. Переверзев писал главному священнику армий Северо-Западного фронта что «журнал ввиду военного времени получается неаккуратно, а некоторые номера его совсем не получаются» (11 января 1915 г.); благочинный 20-й пехотной дивизии М. Радугин сообщал, что в 1914 г. и 1915 г. выпуски журнала получались духовенством неисправно (не более 6–7 номеров в год), а «Воскресные листки» и вовсе не более двух-трех раз за всю войну (3 июня 1915 г.); в отчете благочинного 2-й кавалерийской дивизии И. Трейерова за 1916 г. говорится, что «Вестник» получался далеко не полностью [5, л. 345-345 об; 6, л. 22; 7, л. 572 об.]. Неполучение номеров приводило к несвоевременному информированию духовенства о принятых в ведомстве решениях, изменениях в воспитательной работе, лишало его одного из источников информации для составления бесед и поучений, организации своей деятельности на войне.

Вторая проблема связана с содержательной стороной «Вестника». Военные священники делились своим опытом на страницах журнала, что было особенно необходимо в условиях войны. С ее начала в «Вестнике» публиковали записки, дневники, письма пастырей из действующей армии. В числе таких публикаций можно назвать, например, «Записки о походе» А. Горбачевича, «Записки военного священника» О. Адамовича, «Письма из действующей армии» М. Щербакова, «С войны» З. Кромского, «Из дневника священника» Н. Яхонтова, «На ратных полях» П. Руфимского и другие. Эти материалы были полезны для священников ведомства, особенно неопытных: они содержали описания организации культурной и внекультурной деятельности, особенности взаимодействия с солдатами и офицерами, местным населением, примеры проповедей и бесед. Проблема заключалась в том, что такие ценные материалы, из-за обстоятельств военного времени, порой поступали в редакцию с задержкой, и на момент попадания журнала в руки священника могли терять актуальность.

О несовершенстве содержания неофициальной части журнала и «Воскресных листков» говорили на фронтовых съездах военного духовенства весной-летом 1917 г. В протоколе

съезда священников армий Западного фронта (24–28 мая 1917 г., Минск) говорилось о неудовлетворительности издания «Вестника» и предлагалась организация нового периодического издания при Духовном правлении или при управлении главного священника Западного фронта [8, л. 47]. Резким выглядит постановление съезда духовенства армий Северного фронта: «Выразить порицание редакторам-издателям за *несвоевременный выпуск номеров журнала* (здесь и далее выделено курсивом нами), за крайне запоздалые и неполные сообщения сведений его официальной части и *лицемерно-угодливое направление неофициальной части*; рекомендовать редакции издавать лишь официальную часть еженедельными выпусками со своевременным и полным помещением сведений; *печатание листков при «Вестнике» прекратить*» [9, л. 139 об.]. Таким образом, представители духовенства армий Северного фронта раскритиковали журнал, а необходимость в приложении просто отвергли. На съезде военного духовенства армий Юго-Западного фронта обсуждался вопрос о реорганизации существующего печатного органа ввиду его *малосодержательности и технических шероховатостей*: съезд постановил коренным образом изменить издание «Вестника военного и морского духовенства», организовав надлежащим образом редакционную и экспедиторскую части [8, л. 76].

Вопрос о журнале обсуждался на Втором Всероссийском съезде военного и морского духовенства в Могилеве. Интересно, что в протоколах не отражены решения фронтовых съездов, а лишь говорится об упадке журнала после Февральской революции из-за задержки корреспонденции с театра боевых действий, отъезда сотрудников из Петрограда и значительного роста цен на типографские работы [8, л. 153].

Собравшимся был предложен проект реорганизации «Вестника». Новый журнал должен был стать *руководящим в пастырской деятельности для военных священников*: на страницах журнала читатель должен был находить ответы на все вопросы современной церковной и политической жизни страны [8, л. 153]. В качестве приложения к каждому номеру предлагалось добавлять 2 проповеди и 2 листовки.

Предлагалась новая структура журнала. Из ведомственного он становился церковно-общественным, поэтому официальную часть, как предназначенную исключительно

для военного духовенства, предлагалось выпускать отдельно. Было решено отказаться от разрыва одного материала на несколько номеров (что часто практиковалось на страницах «Вестника»).

Участники съезда долго спорили о периодичности нового журнала. Было решено, что журнал будет выходить раз в две недели. Хотя некоторые делегаты предлагали сделать выпуски раз в неделю (священник А. Шабашев), превратить журнал в ежедневную газету (священники В. Егоров и Д. Андреев). Противоположную точку зрения выразил протоиерей И. Матиков, заявивший, что «Вестник» воскресить невозможно, а потому лучше отказаться от издания своего журнала. В контексте заявленной темы обращают на себя внимание доводы в пользу журнала протоиерея И. Трейерова: «Жизнь требует от фронтового священника больших знаний – богословских, философских, исторических. Откуда мы, фронтовые священники, возьмем ответ на эти вопросы... Необходим журнал, который бы помогал нам, фронтовым священникам, пополнять и освежать свой умственный багаж» [8, л. 154 об.]. Этот комментарий еще раз подтверждает, что священники действующей армии нуждались в рекомендациях, вспомогательных материалах, и для них «Вестник» был одним из источников такой информации.

Еще один интересный момент, который позволяет сделать выводы о том, что с материалами, публикуемыми в журнале, знакомились далеко не все военные священники. На съезде выяснилось, что за подпиской на номера журнала не велся контроль. Г. Шавельский был удивлен, узнав реальную ситуацию: «Я слышал ранее в докладах редакции, что у нас подписчиков 3000, а теперь, оказывается, их не более 2000» [9, л. 51 об.]. Позже будут озвучены точные цифры: 1648 подписчиков. Это много меньше количества священнослужителей, обслуживающих действующую армию во время войны.

Реорганизованный журнал получил новое название. На съезде предлагалось переименовать его в «Церковно-общественное слово» с подзаголовком «прогрессивный орган военно-морского духовенства под редакцией протопресвитера Г. И. Шавельского». Однако на обложке первого номера помещено скорректированное название «Церковно-общественная мысль: прогрессивный орган военного и морского духовенства». Первый номер вышел 25 июля 1917 г. Содержание обновлен-

ного журнала было рассчитано на широкую аудиторию: он стал платформой, где военные священники получили возможность выражать свое мнение по актуальным для российского общества вопросам, а также высказываться о проблемах, с которыми они сталкивались по службе [10, с. 132–133]. Опубликованные материалы были посвящены вопросам восстановления патриаршества, отношениям государства и церкви, атеизму, образованию и религии. Во всех номерах (кроме № 1) имелось приложение с листками. Однако в стремительно развивающихся событиях общественно-политической жизни России новому изданию, за короткое время его существования, не удалось, как заявлялось на съезде, стать руководящим в пастырской деятельности для военного духовенства.

Заключение

В «Вестнике» в годы Первой мировой войны публиковались материалы, посвященные самым разным проблемам, поднимаемым священнослужителями в беседах с солдатами и офицерами. Журнал мог стать помощником пастыря, служащего в действующей армии. Однако во время войны возникали сложности с получением на фронте журнала и приложений к нему, ввиду чего часть священников не имела возможности ознакомиться с содержанием и воспользоваться им в своей работе. Кроме того, присылаемые священниками материалы долго доставлялись в редакцию, и на момент публикации материал мог терять актуальность. Представители фронтового духовенства на своих съездах в 1917 г. также заявили о несовершенстве содержания журнала и организации его производства и распространения. Было принято решение о реорганизации: перезапуск издания стал предметом обсуждения Второго Всероссийского съезда военного и морского духовенства, где выяснилось, что число подписчиков было значительно меньшим, нежели считали в ведомстве протопресвитера. Все это позволяет говорить о том, что журнал, адресованный военному духовенству, в годы Первой мировой войны, не смог в полной мере стать помощником для всего духовенства, служащего в российской армии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Старостенко, Э. В.* Отражение деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны в периодической

печати Российской империи / Э. В. Старостенко // Раманаўскія чытанні – XI : зб. арт. Міжнар. навук. канф., Магілёў, 26–27 лістап. 2015 г. / Магілёўс. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Я. Р. Рыер (старш.) [і інш.]. – Магілёў, 2016. – С. 171–173.

2. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2044. Оп. 5. Д. 5.

3. **Старостенко, Э. В.** Православное военное духовенство и проповедь евангельских христиан в российской армии в годы Первой мировой войны / Э. В. Старостенко // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2021. – № 2. – С. 45–49.

4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10085.

5. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9435.

6. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 9756 А.

7. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026 Г.

8. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 Б.

9. РГИА. – Ф. 806. Оп. 5. Д. 10140 В.

10. **Старостенко, Э. В.** Второй Всероссийский съезд военного и морского духовенства : монография / Э. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – 196 с. : ил.

Starostenko E. V. THE ROLE OF “THE BULLETIN OF THE MILITARY AND NAVAL CLERGY” IN THE EDUCATIONAL WORK OF PRIESTS IN THE RUSSIAN ARMY DURING WORLD WAR I

“The Bulletin of the Military and Naval Clergy” was an important source of information for the clergy in the armed forces. The article considers what role was assigned to the bulletin in the educational work of the military clergy and what factors influenced the decline in its importance during the war years. A brief review of the content of the unofficial part of “The Bulletin” and “The Sunday Leaflets” is given, and the main problems associated with the formation and distribution of their issues during the war are identified. It is stated that in 1917 the content of the bulletin was considered unsatisfactory by the military clergy which led to its reorganization. The author concludes that the problems that arose with its publication did not allow the bulletin to become an “assistant” of the military chaplains.

Keywords: military clergy, “The Bulletin of the Military and Naval Clergy”, educational work, army, World War I.

Поступила в редакцию: 27.04.2023 г.

Контакты: eleonorastarostenko@mail.ru

(Старостенко Элеонора Викторовна)

УДК 94(476) «1915»

БОРЬБА С ДОРОГОВИЗНОЙ И РЕШЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА В МОГИЛЁВЕ В 1915 г.**В. В. Василенко**

кандидат исторических наук

Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается проблема роста цен на товары первой необходимости и снабжение ими города Могилёва во время Первой мировой войны. Показаны меры, которые принимали городские органы самоуправления для борьбы с дороговизной и товарным голодом.

Ключевые слова: Первая мировая война, Могилёв, продовольствие, товары первой необходимости, дороговизна, дефицит, такса, железная дорога.

Введение

Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. экономическая ситуация в Российской империи ухудшалась с каждым годом. Большие расходы на ведение войны, обеспечение многомиллионной российской армии всем необходимым привели к перераспределению материальных, сырьевых и продовольственных ресурсов в пользу военных. Это сказалось на обеспечении населения, прежде всего городского, товарами первой необходимости и продуктами питания. Уже в начале 1915 г. появились проблемы с их поставками в города Российской империи. Они стали недополучать необходимые объёмы продукции. Обеспеченность всем необходимым населения ухудшилась. Стало не хватать как групп продовольственных, так и непродовольственных товаров. Наблюдался рост цен на все виды продукции.

Дороговизна и проблемы в снабжении также были актуальны для белорусских городов, в том числе и Могилёва. Первые факты товарного голода стали фиксировать в городе в начале 1915 года. В феврале наблюдался дефицит соли, пшена, пшеничной муки всех сортов, разных видов круп, овса, сельди, ржаной муки [1, с. 3]. Цены на дефицитные товары повышались постоянно.

Основная часть

За время войны проблему роста цен на товары первой необходимости и продовольствие местные власти пытались решать различными

способами. Одной из мер борьбы с дороговизной в городах стало установление фиксированных цен – такс на продукты первой необходимости. Как правило, этим занимались городские самоуправления. Этот вопрос был в ведении городской управы, которая привлекала соответствующих специалистов в области экономики и торгового дела, или специально создавались «комиссии по регулированию цен». Таксы утверждали на заседаниях городской думы [2, с. 306]. Так было и в Могилёве, где на март 1915 г. таксы на предметы и продукты первой необходимости установила городская дума [3, с. 3]. Утверждал их, как правило, губернатор. На апрель им были утверждены цены, установленные городской думой Могилёва [4, с. 2].

Чтобы в губернии не возникло дефицита каких-либо продуктов или товаров, вводились запреты на вывоз из губернии тех или иных групп продовольственных или непродовольственных товаров, сырья. Широкие полномочия в этой сфере были у начальников военных округов. В феврале 1915 г. в объявлении могилёвского губернатора населению сообщалось о постановлении главного начальника Минского военного округа о запрете вывоза за пределы губернии крупного и мелкого скота и убойного мяса [5, с. 1]. В марте его же распоряжением запрещалось вывозить частным владельцам за пределы губернии дрова, а сено – за пределы округа [6, л. 115, 162]. Такие запреты были временными и через некоторое время отменялись. Они не оказывали существенного влияния на изменение цен.

Власти Могилёва предпринимали меры для борьбы с дефицитом товаров и обеспечением ими городского населения. Самая простая и распространённая мера – это закупка и создание запасов нужных товаров народного потребления и продуктов питания. Но решение этой проблемы упиралось в наличие финансовых средств. С ухудшением экономической ситуации в стране и увеличением расходов городского бюджета средств не хватало. Могилёв был не единственным, конечно, городом

в Российской империи, кто столкнулся с такой проблемой. Деньги на закупку продовольствия городам в виде ссуд выдавались специальными государственными органами. Таким в области регулирования продовольственного вопроса было Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу, созданное в августе 1915 года. Оно курировало вопросы продовольственной политики в стране в целом. В составе совещания действовали комиссии: 1) о снабжении армии и флота, а также сельского и городского населения хлебом и зерновым фуражом; 2) о снабжении армии и флота и городского населения мясом, маслом и сеном; 3) о мерах борьбы с дороговизной предметов первой необходимости. Особое совещание устанавливало предельные цены на продовольствие, следило за соблюдением такс, выясняло запасы и потребности в продовольствии [7]. Именно сюда обращались власти городов Российской империи с ходатайствами о выделении средств на закупку продовольствия.

К октябрю 1915 г. в Могилёве остро встал проблема нехватки продуктов, роста цен, а также отсутствия средств в городской казне. На собрании городской думы 7 октября по вопросу принятия мер борьбы с дороговизной было решено уполномочить городскую управу ходатайствовать перед органами власти о выделении городу на проведение продовольственных закупок правительственной ссуды на 500 тысяч рублей [8, л. 20]. Городской голова С. И. Казанович 8 октября отправил на имя министра финансов телеграмму, в которой доложил об острой нехватке в городе предметов первой необходимости и продуктов и росте цен. Единственным решением указанных проблем было приобретение товаров и создание необходимого их запаса. Для этого он ходатайствовал об отпуске городу правительственной ссуды в 500 тысяч рублей [8, л. 6]. Могилёвский губернатор А. И. Пильц отправил телеграмму в адрес министра внутренних дел с поддержкой ходатайства могилёвской думы о выделении правительственной ссуды [8, л. 2]. Ходатайства были направлены в Особое совещание по продовольственному делу. Комиссия о мерах борьбы с дороговизной предметов первой необходимости, рассмотрев 20 октября ходатайство могилёвской городской думы, постановила выделить городскому управлению на заготовку продовольствия авансом ссуду в 250 тысяч рублей. Деньги были переведены сразу же. Городская управа должна была

представить в комиссию план и расчёты по намеченным закупочным операциям, а также сведения о численности всего населения, включая беженцев, военных, раненых, пленных. Кроме этого нужно было предоставить данные о финансовом положении городского управления, об условиях подвоза продуктов в город, о возможности взять заём на недостающую сумму в кредитных учреждениях при условии гарантии правительства [8, л. 12].

В заседании городской думы 4 ноября было объявлено о выделении Могилёву 500 тысяч рублей на продовольственные закупки и переводе аванса в 250 тысяч рублей. Остальная часть средств будет выделена после предоставления городским управлением плана продовольственных закупок, сведений о численности населения города, финансовом положении, условий подвоза. При обсуждении продовольственного вопроса было предложено назначить ответственное лицо, которое занималось бы закупками. На эту должность решили утвердить члена городской управы И. А. Хозерова, так как он уже занимался такой работой. Также поступило предложение открыть городскую лавку для продажи населению предметов первой необходимости, в том числе молока, топлива и фуража [9, с. 3].

Работа по приобретению различной продукции для города началась незамедлительно. Хозеров закупил в Киеве 15000 пудов товаров первой необходимости. Среди продуктов были: пшеничная мука – 6000 пудов, мука сеянка – 500, гречневая крупа – 1000, манная крупа – 500, горох очищенный и обыкновенный – 300, соль – больше 3000 пудов. Остальные товары – это перловая крупа, мыло, табак, сельдь и разная бакалея [10, с. 3]. В скором времени в город из Белой Церкви прибыли по железной дороге вагоны с пшеничной мукой, а также 1 вагон с пшеном и 4 с мукой сеянкой. Всего же прибыло и находилось в пути 20 вагонов с продуктами, или 20000 пудов грузом [11, с. 3].

Закупками занимались также потребительские общества – добровольные объединения граждан или граждан и юридических лиц в форме потребительского кооператива с целью удовлетворения их материальных и иных потребностей. Могилёвское потребительское общество закупило у фирмы «Нобель» 6 вагонов керосина, который по прибытию продавался в магазинах общества по 7 копеек за фунт [12, с. 3].

Для регулирования перевозок товаров первой необходимости и продовольствия по

железной дороге «Распорядительным комитетом» на каждый месяц составлялся план. Под определённые объёмы грузов отпускалось соответствующее количество вагонов согласно заявкам городов. Для Могилёва на ноябрь 1915 г. план перевозок предусматривал доставку с различных станций Российской империи следующего числа вагонов с грузами: 23 вагона соли, 45 – пшеничной муки, 24 – ржаной муки, 34 – сахара, 5 – бакалейных и колониальных товаров, 4 – молочных скоп (различные продукты из молока. – *В. В.*), 4 – растительного масла, 20 – рыбы, 1 – соды, 6 – крупы, 28 – ржи, 16 – ячменя и овса, 12 – отрубей, 15 – сена, 34 – керосина, 10 – нефти, 5 – антрацита, 1 – спичек, 3 – мыла, 1 – свечей, 3 – табака, 1 – смазочного масла, 1 – алебастра, 6 – железа, 6 – цемента. На первую половину ноября для доставки в Могилёв были предоставлены по разным товарам от половины и менее от заказанного числа вагонов [13, л. 4–5]. Из указанной номенклатуры продукции и числа вагонов видно, что для снабжения населения Могилёва ежемесячно требовались большие объёмы товаров народного потребления. Но не всегда город получал всё, что было закуплено. Недопоставки приводили к дефициту и росту цен.

Причины, вызвавшие подорожание товаров народного потребления, были разные. На подъём цен влияли: повышение акциза, введение новых налогов и, главным образом, военно-грузового, увеличившего плату за провоз грузов по железным дорогам в среднем на 30% [2, с. 258]. Кроме этого, дороговизна продуктов на рынках Могилёва была следствием спекуляций перекупщиков, которые на разнице цен зарабатывали большие деньги. Так, например, в базарные дни на дорогах, ведущих в город, они под разными предлогами и ухищрениями скупали по низким ценам у крестьян продукты, которые те везли на продажу в город. Затем продукты перепродавались городским жителям намного дороже [14, с. 3].

Рост цен на различные продукты во время войны не прекращался. Мясные продукты дорожали, и их не хватало по причине сокращения поголовья крупного рогатого скота и овец. В 1913 г. было 52,2 млн голов крупного рогатого скота, а в 1917 г. уже 48,2 млн; количество овец уменьшилось с 80,7 млн голов в 1913 г. до 69,1 млн в 1917 г. [15, с. 197]. Повышение цен на зерновые хлеба, а вследствие и на муку, было связано с началом закупок хлеба для армии. Кроме этого, урожай 1914 г. был ниже

урожая 1913 г. [16, с. 20]. Уменьшались посевные площади. На второй год войны в Новороссийской, Самарской, Саратовской, Уфимской, Оренбургской губерниях посевы озимых хлебов сократились на 25–50 %. По сведениям министерства земледелия, в Донецкой области недосев хлебов составил 37 %, в Кубанской – 33 %, в Ставропольской – 26,5 %, в Черноярском уезде Астраханской губернии – 50 %, в Симферопольском уезде Таврической губернии – 50 %, в Царицынском уезде Саратовской губернии – 50 %. На Северном Кавказе сокращение посевов зерновых хлебов произошло на 44 %, в Новороссии – на 40 %, в Нижне-Волжском районе – на 35 %, Средне-Волжском – на 25 % [17, с. 64–65]. Указанные выше регионы были основными центрами выращивания зерновых. Уменьшение площадей и недосев привели к снижению объёмов заготовки зерна и вследствие чего – производства муки.

В 1914–1917 гг. в Российской империи сокращение посевных площадей произошло по всем сельскохозяйственным культурам. В 1913 г. засевалось 93,5 млн гектаров земель, а в 1917 г. уже только 78. Сбор продовольственных культур сократился на 23 %, крупяных – на 15 %, масличных – на 14 %, кормовых – на 43 %, картофеля – на 24 % [15, с. 196]. Это было следствием нехватки рабочих рук в сельском хозяйстве, так как значительная часть мужского населения была призвана в армию и некому было обрабатывать землю.

В Могилёвской губернии посевные площади тоже уменьшились за 1914–1916 гг. на 15,6 %. Сокращались посевы под продовольственные культуры: рожь – на 20,6 %, пшеницу – на 23,3 %, картофель – на 37,7 % [18, с. 202]. Это сказалось на поставках на внутренний рынок продовольствия. Уменьшение предложений подстёгивало дефицит продовольственных товаров в Могилёвской губернии.

Помимо проблем в сельском хозяйстве, были проблемы на транспорте, в первую очередь на железной дороге. Причиной задержек и недопоставок продовольствия в города были военные перевозки и загруженность железнодорожной сети. Транспортировка военных грузов была на первом месте и выросла с 1 % в 1913 г. до 50 % в 1916 г. в общем объёме всех перевозок [19, с. 209]. Приоритет в обеспечении всем необходимым в первую очередь отдавался армии. Приём гражданских грузов станциями был ограничен. Поэтому уже в первой половине 1915 г. в белорусских губерниях

стал ощущаться недостаток товаров, привоз которых осуществлялся из внутренних губерний Российской империи [19, с. 269]. Железнодорожные вагоны в первую очередь представлялись под военные грузы. В первый год войны для перевозки интендантских грузов было задействовано не менее 110 тыс. вагонов. В первом полугодии 1915 г. под военные перевозки использовалось на дорогах в тылу 145 тыс. вагонов, что составляло свыше 40% всего вагонного парка. Для нужд коммерческих перевозок в 1915 г. было предоставлено 153 тыс. вагонов, тогда как до войны в два раза больше – 308 тыс. [20, с. 129].

Заключение

Дефицит товаров первой необходимости и их дороговизна во время войны стали проблемой для Могилёва с начала 1915 г. Городские власти для их решения принимали все доступные меры. Для обеспечения города товарами народного потребления проводилась их закупка в различных регионах Российской империи. Они доставлялись в основном по железной дороге. Вводились запреты на вывоз различных групп продовольствия и сырья за пределы губернии. Но проблемы на транспорте – загруженность железнодорожной сети, приоритет в перевозках военных грузов, нехватка вагонов – приводили к перебоям в снабжении и недопоставке в Могилёв, закупленной продукции. Это спровоцировало дефицит и подорожание основных видов товаров первой необходимости. С дороговизной боролись с помощью установления фиксированных цен. Но таксировка не оказывала существенного влияния на сдерживание роста стоимости товаров и продуктов. Рост цен на продовольствие был обусловлен повышением властями налогов, акцизов, а также спекуляцией торговцев на рынке. Кроме этого, сказались общие тенденции в сельском хозяйстве Российской империи: сокращение поголовья скота, уменьшение посевных площадей под продовольственные культуры, неурожай. Это приводило к уменьшению объёмов произведённой продукции в стране, что сказывалось на росте цен. Экономические проблемы, удорожание жизни влияли на формирование бюджета города. Не всегда хватало средств на приобретение товаров и продовольствия для населения. С осени 1915 г. для проведения закупок власти Могилёва стали обращаться в Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному

делу за ссудами. На выделяемые средства они закупали все необходимые товары для города.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хроника. Предметы первой необходимости // Полесский курьер. – 1915. – 17 февраля. – С. 3.
2. **Ковальская, Л. М.** Дороговизна жизни и борьба с ней / Л. М. Ковальская. – М. : Типо-лит Рус. Т-ва печатного и изд. дела, 1917. – [2], VIII, 352 с.
3. Местные известия // Могилёвский вестник. – 1915. – 3 марта. – С. 3.
4. Хроника. Утверждение таксы // Полесский курьер. – 1915. – 7 апреля. – С. 2.
5. Хроника. Запрещение вывоза скота // Гомельская копейка. – 1915. – 26 февраля. – С. 1.
6. НИАБ. – Ф. 300. Оп. 1. Д. 65.
7. Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу 17 августа 1915 г. – 17 февраля 1916 г. / Упр. делами Особого совещания по продовольствию. – Пг., 1916. – 410 с.
8. РГИА. – Ф. 457. Оп. 1. Д. 741.
9. **Он.** В городской думе. Заседание 4 ноября (Окончание) / Он // Могилёвский вестник. – 1915. – 7 ноября. – С. 3.
10. Местные известия // Могилёвский вестник. – 1915. – 5 ноября. – С. 3.
11. Местные известия // Могилёвский вестник. – 1915. – 6 ноября. – С. 3.
12. Местные известия // Могилёвский вестник. – 1915. – 29 октября. – С. 3.
13. РГИА. – Ф. 457. Оп. 1. Д. 381.
14. Местные известия // Могилёвский вестник. – 1915. – 5 августа. – С. 3.
15. **Шигалин, Г. И.** Военная экономика в Первую мировую войну / Г. И. Шигалин. – М. : Воениздат, 1956. – 332 с.
16. Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны. – Петроград : Типография Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1916. – 110 с.
17. **Симонов, Н. В.** Сельское хозяйство России в годы Первой мировой войны / Н. В. Симонов // Вопросы истории. – 1955. – № 3. – С. 60–70.
18. Эканамічная гісторыя Беларусі: вучэбны дапаможнік / пад агул. рэд. В. І. Галубовіча; 2-е выд. дап. і перапрац. – Мн. : Экаперспектыва, 1995. – 432 с.
19. Экономика Белоруссии в эпоху эмпириализма 1900–1917. – Мн. : АН БССР, 1963. – 422 с.
20. Первая мировая война: влияние на экономику России и мира: Коллективная монография / О. Н. Емельянова [и др.]. – М. : Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. – 200 с.

Поступила в редакцию: 23.03.2023 г.
Контакты: vasilenko06@rambler.ru
(Василенко Василий Викторович)

Vasilenko V. V. FIGHTING HIGH PRICES AND SOLVING THE FOOD ISSUE IN MOGILEV IN 1915

The article deals with the problem of rising prices for essential goods and their supply in the city of Mogilev during World War I. The measures taken by the city self-government bodies to combat the high cost and commodity hunger are shown.

Keywords: World War I, Mogilev, food, essential goods, high cost, shortage, tax, railway.

УДК 327 (476:4-470)''1921/1923''

УЗАЕМААДНОСІНЫ НАРОДНАГА КАМІСАРЫЯТА ЗНЕШНЯГА ГАНДЛЮ БССР З ГАНДЛЁВЫМ ПРАДСТАЎНІЦТВАМ РСФСР У ПОЛЬШЧЫ Ў 1921–1923 ГГ.

В. М. Бароўская

кандыдат гістарычных навук

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

У артыкуле разгледжана праблема ўзаемаадносін паміж Упраўленнем упаўнаважанага РСФСР пры СНК БССР і Гандлёвым прадстаўніцтвам РСФСР (СССР) у Польшчы ў 1921–1923 гг. Галоўным спрэчным момантам паміж бакамі стала пытанне выплаты камісійнага ўзнагароджання і ўключэння беларускага эксперта ў склад Гандлёвага прадстаўніцтва РСФСР у Польшчы. Урэгуляванне адзначаных вышэй праблем адбывалася пры ўдзеле прадстаўніка Народнага камісарыята знешняга гандлю РСФСР. У выніку заключэння спецыяльнага пагаднення працэнт камісійных адлічэнняў быў павялічаны, а БССР атрымала права накіроўваць свайго эксперта ў склад прадстаўніцтва ў Польшчы.

Ключавыя словы: камісійнае ўзнагароджанне, экспартна-імпартныя аперацыі, Гандлёвае прадстаўніцтва, гандаль.

Уводзіны

Рыжскі мірны дагавор быў сродкам пацыфікацыі ўсходнееўрапейскага рэгіёна, фінальнай кропкай ваенных дзеянняў, якія спусташалі беларускія землі на працягу амаль васьмі гадоў. Дагавор залажыў асновы мірнага будаўніцтва і развіцця тэрыторыі Беларусі. Згодна з гэтым дыпламатычным дакументам адбылося афіцыйнае прызнанне ў якасці самастойных суб'ектаў міжнароднага права БССР і УССР, вызначыліся шляхі вырашэння многіх спрэчных пытанняў, у тым ліку і заключэнне гандлёвага дагавора, і шляхі пабудовы эфектыўнага эканамічнага супрацоўніцтва.

У гістарыяграфіі пытанне ўзаемаадносін БССР і Польшчы не станавілася самастойным аб'ектам даследаванняў. Першапачатковае асэнсаванне тэмы адбываецца ў рамках публіцыстычных артыкулаў [1, 2] і на старонках штогадовых аглядаў дзейнасці Упраўлення ўпаўнаважанага народнага камісара знешняга гандлю (НКЗГ) РСФСР пры СНК БССР [3]. У савецкай гістарыяграфіі варта вылучыць дысертацыю П. К. Краўчанкі [4], які абыходзіць сваёй увагай пытанне спрэчных момантаў паміж Упраўленнем упаўна-

важанага НКЗГ РСФСР пры СНК БССР. Сучасная расійская і беларуская гістарыяграфія адзначана распрацоўкамі А. В. Барыкіна [5] і Д. У. Раманоўскага [6]. Адсутнасць прац, прысвечаных непасрэдна вывучэнню знешнеэканамічных адносін БССР і Польшчы міжваеннага перыяду, наяўнасць дастатковай базы крыніц павышае актуальнасць прадстаўленай праблемы.

Асноўная частка

Для кіраўніцтва нацыяналізаванага знешняга гандлю і тавараабмена РСФСР, згодна з дэкрэтам СНК РСФСР ад 11 чэрвеня 1920 г., быў створаны Народны камісарыят знешняга гандлю (НКЗГ) РСФСР. Пытаннімі знешняга гандлю ў межах Беларусі ведала Упраўленне Упаўнаважанага НКЗГ РСФСР пры СНК БССР (Белзнешгандаль), якое пачало функцыянаваць з 16 чэрвеня 1921 г. Пры ўпраўленні дзейнічаў савет знешняга гандлю. Палажэнне аб савеце зацверджана СНК БССР 3 верасня 1921 г. У яго кампентэнцыю ўваходзілі папярэдні разгляд агульнага экспартна-імпартнага плану на вызначаны перыяд часу, усталяванне чарговасці выканання ўсіх заявак, якія паступалі ад наркаматаў і іншых устаноў на неабходныя тавары замежнага паходжання, разгляд і вырашэнне пытанняў, якія ўзніклі на практыцы. У склад савета ўваходзілі ўпаўнаважаны ўпраўлення, народны камісар фінансаў, старшыня Савета народнай гаспадаркі БССР.

1 ліпеня 1922 г. пры Белзнешгандлі была створана Дзяржаўная экспартна-імпартная гандлёвая кантора (Дзяржгандальбел), у вядзенні якой знаходзіліся знешнегандлёвыя аперацыі ўпраўлення. У вядзенні Белзнешгандлю заставаўся кантроль за выкананнем знешняга гандлёвага палітыкі. НКЗГ ажыццяўляў сваю дзейнасць за мяжой праз пасрэдніцтва гандлёвых прадстаўніцтваў РСФСР, якія, у сваю чаргу, з'яўляюцца складаючай часткай паўнамоцнага прадстаўніцтва РСФСР у кожнай асобнай краіне. Усе камерцыйныя аперацыі-

ныя органы, а таксама асобныя прадстаўнікі народных камісарыятаў, ведамстваў і устаноў, якія накіроўваюцца за мяжу для ажыццяўлення гандлёвых аперацый, дзейнічалі пад непасрэдным кіраўніцтвам і кантролем гандлёвых прадстаўнікоў у гэтай краіне.

Дакладна вызначаным па асобым спісе дзяржаўным, цэнтральным і мясцовым гаспадарчым органам пры ўмове дакладнага выконвання манаполіі знешняга гандлю дазвалялася самім весці гандлёвыя аперацыі з замежжам праз пасрэдніцтва спецыяльных сваіх прадстаўнікоў.

Органамі НКЗГ СССР у асобных рэспубліках з'яўляліся Упаўнаважаныя агульнасаюзнага Наркамата пры СНК саюзных рэспублік. Агульныя заканадаўчыя нормы, якія вызначалі правы і абавязкі Упаўнаважаных, утрымліваліся як у Канстытуцыі СССР (арт. 53, 67), так і ў Палажэнні аб НКЗГ ад 12 лістапада 1923 г. Згодна з гэтымі нормамі Упаўнаважаныя ўваходзіць у склад СНК адпаведнай саюзнай рэспублікі з правам дарадчага ці рашаючага голасу па рашэнні ЦВК дадзенай рэспублікі. Упаўнаважаны выконваў на тэрыторыі дадзенай рэспублікі ў межах распаўсюджання НКЗГ асобныя рэгулюючыя функцыі, аналагічныя тым, што здзяйсняліся цэнтральнымі органамі НКЗГ у агульнасаюзным маштабе. З дазволу НКЗГ у мэтах назірання і садзейнічання пры правядзенні за межамі аперацый па знешнім гандлі, звязаных з абслугоўваннем патрэб даннай саюзнай рэспублікі ўпаўнаважаныя могуць пазначаць сваіх прадстаўнікоў у склад адпаведных гандлёвых прадстаўніцтваў. У складзе рэспубліканскіх НКЗГ па лініі знешняга гандлю ствараліся экспартна-імпартныя ўпраўленні.

У задачы Гандлёвых прадстаўніцтваў уваходзіла вывучэнне рынку і рэалізацыя экспартнага фонду, закупка імпартных тавараў, назіранне, кантроль і зацвярджэнне дазволаў на ліцэнзаваныя закупкі для дзяржаўных, кааператыўных і грамадскіх арганізацый, якія карыстаюцца правам закупак у ліцэнзаваным парадку; вядзенне перагавораў па гандлёвых і фінансавых справах НКЗГ БССР у Польшчы, уключаючы пошук крэдыту арганізацыямі змешаных таварыстваў і г.д. Гандлёвыя прадстаўніцтвы за мяжой з'яўляліся органамі, якія аб'ядноўваюць гандлёвую дзейнасць устаноў і арганізацый СССР, якія выступаюць на замежных рынках. Рэгуляванне імпартных аперацый адбывалася шляхам укаранення ліцэнзійнай сістэмы, правядзення мер якаснага рэгуляван-

ня імпарту, праверкі правамернасці ўвозу праз мытны апарат [7, арк. 48–50].

Ліцэнзія – дакументальнае пацверджанне дазволу дзяржаўным органам, кааператыўным аб'яднанням ці прыватнай асобе на права самастойнай закупкі ці продажу тавараў за мяжой толькі пад кантролем адпаведнага Гандлёвага прадстаўніцтва. Пры камісійных жа угодах продажу належачага кліенту тавару ці купля тавараў па яго заказе даручалася НКЗГ ці адпаведнаму замежнаму Гандлёваму прадстаўніцтву і ажыццяўлялася апаратам апошняга за кошт заказчыка з утрыманнем на карысць НКЗГ камісійнага ўзнагароджання. За выдачу ліцэнзіі быў усталяваны спецыяльны ліцэнзійны збор на карысць дзяржавы (першапачаткова ў памеры 2%, а пасля павялічаны да 5%).

Згодна з пратаколам нарады прадстаўнікоў Белзнешгандлю (І. В. Ленскі), Гандлёвага прадстаўніка РСФСР у Польшчы (С. Г. Гарчакоў) і Рэвізійнай камісіі НКЗГ БССР у кастрычніку 1922 г. было заслухана пытанне аб вызначэнні абавязкаў Гандлёвага прадстаўніка ў Польшчы па заданням БССР. У выніку было вырашана, што асноўны кантынгент тавараў, якія закупліваюцца ў Польшчы, павінны быць польскай вытворчасці. Тавары не польскага паходжання могуць закуплівацца ў Польшчы ў двух выпадках: а) французскай вытворчасці, б) вытворчасці сярэднеўрапейскіх краін па ўзгадненні з Берлінскім гандлёвым прадстаўніком. У гэтых выпадках закупка можа ажыццяўляцца ў непасрэдных прадстаўнікоў вытворчых фірмаў [8, арк. 5]. Па ўсіх даручэннях НКЗГ БССР Гандлёвым прадстаўніком у Польшчы ажыццяўляюцца 5%-ныя адлічэнні. Гандлёвы прадстаўнік у Польшчы прымаў да выканання заказы ад арганізацый і прыватных асоб з Беларусі, выключна праз НКЗГ БССР ці са згоды апошняга [8, арк. 52].

У жніўні 1922 г. узнікла спрэчная сітуацыя адносна памеру выплаты беларускім бокам камісійнага ўзнагароджання за ажыццяўленне экспартных аперацый на карысць Гандлёвага прадстаўніцтва РСФСР у Польшчы. Па прычыне таго, што не была ўсталявана фіксаваная працэнтная стаўка, сума выплат часта дасягала 22,5%, што прыводзіла да выстаўлення прэтэнзій Белзнешгандлем. Гэта пытанне стала тэмай асобнай нарады НКЗГ РСФСР, на якой прысутнічалі старшыня СНК БССР А. Р. Чарвякоў і ўпаўнаважаны Белзнешгандлю І. У. Ленскі.

Згодна з тэлеграмай Белзнешгандлю ў Гандлёвае прадстаўніцтва РСФСР у Польшчы (С. Г. Гарчакову) ад 30 жніўня 1922 г. указвалася на рознагалосці, якія ўзніклі паміж беларускім савецкім кіраўніцтвам («мясцовай уладай», сканструяванай як самастойная Рэспубліка») і НКЗГ РСФСР. Вынікам гэтых спрэчак стаў візіт А. Р. Чарвякова і І. У. Ленскага (упаўнаважаны Упраўлення НКЗГ РСФСР пры СНК БССР) ў Маскву для тлумачэння сітуацыі і «дакладнага афармлення становішча Знешгандлю Беларусі» [9, арк. 37].

У лісце ад 15 верасня 1922 г. І. У. Ленскага да М. І. Фрумкіна, намесніка народнага камісара знешняга гандлю РСФСР, указвалася, што асноўнай прычынай указанай праблемы з'яўляліся павышаныя амбіцыі «новага гандлёвага прадстаўніка ў Польшчы» – С. Г. Гарчакова [9, арк. 17–19], які імкнецца за кошт «контрагентаў» палепшыць эканамічнае становішча прадстаўніцтва.

З пераліскі сярэдзіны верасня 1922 г. Белзнешгандлю з Гандлёвым прадстаўніцтвам РСФСР у Польшчы ёсць толькі паўнамоцны орган Народнага камісарыята знешняга гандлю РСФСР, які выконваў заданні ад НКЗГ і яго мясцовых органаў. Але пры гэтым яно хацела атрымоўваць 50% з агульнай сумы камісійнага збору ад узнагароджвання, якое належала беларускаму боку. Белзнешгандль канстатаваў: «Намі выконваюцца даручэнні па ўсталяванні пэўных ліцэнзаваных збораў, і любыя адлічэнні вышэй гэтых сум мы лічым незаконнымі». Вядзенне якіх-небудзь перамоў з прадстаўнікамі фірм без ведама НКЗГ БССР ідзе ў разрез з існуючымі дагаворамі [10, арк. 425].

28 верасня 1922 г. падчас нарады у НКЗГ РСФСР пры прысутнасці намесніка народнага камісара знешняга гандлю М. І. Фрумкіна і ўпаўнаважанага ў БССР І. У. Ленскага быў выпрацаваны дакумент «Аб парадку спагнання камісійнага ўзнагароджання Белзнешгандлем і Гандлёвым прадстаўніцтвам». У ім адзначаецца, што «па ўсіх даручэннях Белзнешгандлю Гандлёвым прадстаўніком у Польшчы спаганяецца 5% адлічэнняў, якія ажыццяўляюцца з асобага рахунку Белзнешгандлю ў Варшаве; па ўсім заказам камісійнага характару на ім-партныя тавары Белзнешгандлем прадстаўляецца на карысць Гандлёвага прадстаўніка ў Польшчы 1/3 спаганяемага Белзнешгандлем камісійнага ўзнагароджання. Пры ўстанаўленні Белзнешгандлем камісійнага ўзнагароджан-

ня ў таварным выглядзе Гандлёвае прадстаўніцтва РСФСР у Польшчы пералічвае камісійнае ўзнагароджанне ў памеры 1/3 ўзнагароджання Белзнешгандлю, пры гэтым % у таварнай форме прыраўноўваецца да падвойнага грашовага эквіваленту [11, арк. 57]. Пры гэтым адзначаецца, што «пытанне аб прадстаўніцтве Белзнешгандлю ў апарце прадстаўніцтва ў Польшчы пакінуць адкрытым».

20 кастрычніка 1922 г. было заключана пагадненне паміж Гандлёвым прадстаўніцтвам РСФСР у Польшчы і Белзнешгандлем адносна размеркавання паміж імі ўзнагароджвання па камісійных заказах. У выніку было вырашана, што ўсе камісійныя адлічэнні спаганяюцца Гандлёвым прадстаўніцтвам, а працэнтнае ўзнагароджанне, якое належала беларускаму боку, пераводзілася на рахункі прадстаўніцтва ці спаганялася Упраўленнем непасрэдна з контрагентаў у Варшаве. Камісійнае ўзнагароджванне на той момант складала 30 % грашымі ці таварамі ў натуре [12, арк. 37].

16 студзеня 1923 г. пытанне асобнага беларускага членства ў рамках Гандлёвага прадстаўніцтва СССР у Польшчы было вырашана станоўча для БССР. У Варшаву быў накіраваны А. Д. Гальперын. Ён упаўнаважваўся весці перагаворы як з дзяржаўнымі ўстановамі, так і з прыватнымі асобамі і прадпрыемствамі па гандлёвым аперацыям, прадаваць і купляць пры пасярэдніцтве апарату Гандлёвага прадстаўніцтва тавары, як экспартныя, так і імпортныя, за наяўныя і ў крэдыт, атрымоўваць для названага Упраўлення ад усіх асоб і ўстаноў рухомую маёмасць, тавары, грошы. А таксама заключаць ад імя названага Упраўлення і ў згодзе з Гандлёвым прадстаўніцтвам дагаворы аб куплі і продажы тавараў і іх пастаўцы, атрымоўваць плацяжы і грашовыя сумы, якіялежаць упраўленню, у тым ліку па пераводах, трансферах, тэлеграмах, талонах, а таксама ажыццяўляць плацяжы і інш. [13, арк. 3–3 ад.]. Такім чынам, калі ў кастрычніку 1922 г. пытанне беларускага прадстаўніцтва ў межах Гандлёвага прадстаўніцтва было расцэнена як заўчаснае, то ўжо ў студзені 1923 г. яно было вырашана на карысць беларускага боку.

Згодна з тэлеграмай Гандлёвага прадстаўніцтва СССР у Польшчы ад 5 лютага 1923 г. у Дзяржгандльбел зноў было ўзнята пытанне выплаты камісійнага збору. Указвалася, што «гандлёвае прадстаўніцтва ў Польшчы на аснове ўсталяванага нарадай ад 20 кастрыч-

ніка 1922 г. у Мінску парадку спагнання працэнтнага збору і камісійнага ўзнагароджання спаганяла іх у памеры, указаным у п. 1, 2 і 3 II аддзела ў пратаколе адзначанай нарады, непасрэдна з контрагента ў Варшаве, як гэта было прадугледжана апошняй часткай 4 п. II аддзела таго самага пратакола». Пасля ўнясення контрагентамі ўзнагароджання, якое яны павінны выплаціць Гандлёваму прадстаўніцтву ў Польшчы, ім выдаваліся афіцыйныя квітанцыі. Аднак квітанцыі не прымаліся ва ўвагу Дзяржгандльбелам, які патрабаваў пры канчатковым разліку апошняга з контрагентамі выплату камісійнага ўзнагароджання цалкам. Гандлёвае прадстаўніцтва ўказвала: «Мы лічым, што непрызнанне Вамі нашых квітанцый і паўторнае ўзыманне з контрагентаў неабходнага нам узнагароджання і імі аплочанага, парушэнне парадку, усталяванага пратаколам нарады ад 20 кастрычніка 1922 г., і далейшыя такія адносіны да нашых дзеянняў і афіцыйных дакументаў недапушчальны і дыскрэдытуюць Гандлёвае прадстаўніцтва ў Польшчы як орган савецкай ўлады» [14, арк. 7].

У ходзе нарады упаўнаважанага Белзнешгандлю, дырэктара-распарадчыка Дзяржгандльбела, Гандлёвага прадстаўніка СССР у Польшчы 13 красавіка 1923 г. было разгледжана пытанне аб папаўненні апарату Гандлёвага прадстаўніцтва СССР у Польшчы неабходнымі спецыялістамі па імпарце і экспарце. Было вырашана, што прысутнасць прадстаўніка, адказнага за імпорт, з'яўляецца немэтазгодным, бо «асноўны кантынгент закупляемых тавараў у значнай ступені складаецца з запатэнтаваных прадметаў пэўнай фірмы, маркі». Што тычыцца спецыяліста па экспарце, пытанне было вынесена на абмеркаванне. Таксама было зноў узнята пытанне аб камісійным узнагароджанні Гандлёвага прадстаўніцтва па зделкам Дзяржгандльбела. На аснове пастанова Праўлення Дзяржгандлю ад 11 лістапада 1922 г., зацверджанага цыркулярным распараджэннем Праўлення Дзяржгандлю № 18 і № 21, вырашылі лічыць камісійнае ўзнагароджанне Гандлёвага прадстаўніцтва па аперацыям Дзяржгандльбела для сябе і для трэціх асоб (дзяржаўных органаў) у памеры 2% з 1 ліпеня 1922 г. [15, арк. 2].

Заклучэнне

Пры ажыццяўленні экспертна-імпартных аперацый паміж Белзнешгандлем і Гандлёвым прадстаўніцтвам РСФСР (СССР) у Польшчы ўзніклі спрэчныя моманты: пытанне вызначэн-

ня працэнтнага камісійнага ўзнагароджання, які павінен быў выплачвацца беларускім бокам на карысць прадстаўніцтва; пытанне допуску беларускага эксперта ў склад экспертна-імпартнага савета прадстаўніцтва. Медыятарства ў азначаных вышэй спрэчках ажыццяўляў Народны камісарыят знешняга гандлю РСФСР (СССР). У выніку заключэння спецыяльнай дамовы «Аб парадку спагнання камісійнага ўзнагароджання Белзнешгандлем і Гандлёвым прадстаўніцтвам» працэнт выплат быў павялічаны. Аднак беларускі бок атрымаў магчымасць накіраваць свайго эксперта ў склад Гандлёвага прадстаўніцтва РСФСР (СССР) у Польшчы.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Адамайтис, И.* Наш экспорт и внешний рынок (По материалам заграничной командировки) / И. Адамайтис // Савецкае будаўніцтва. – 1928. – № 5. – С. 2–5.
2. *Теумин, И.* Объединение Западной области с точки зрения внешней торговли / И. Теумин // Народное хозяйство Белоруссии. – 1922. – № 2–3. – С. 42–47.
3. Внешняя торговля Белоруссии в 1923–1924 хоз. году: Очерк деятельности Управления уполномоченного Наркомвнешторга при СНК БССР и Государственной экспортно-импортной конторы «Госторгбел». – Минск, 1925. – 74 с.
4. *Кравченко, П. К.* Экономические и культурные связи БССР с зарубежными странами (1921–1932 гг.): автореферат дисс. канд. ист. наук / П. К. Кравченко. – Минск, 1976. – 31 с.
5. *Барыкин, А. В.* Польша во внешнеполитической стратегии Советской России (1918–1919 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / А. В. Барыкин. – Санкт-Петербург, 2013. – 54 с.
6. *Романовский, Д. В.* Внешнеэкономические связи БССР с зарубежными странами (на примере работы Госторгбела в 1922–1931 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. В. Романовский. – Минск, 2003. – 37 с.
7. НАРБ. – Ф. 126. Воп. 1. Спр. 292.
8. НАРБ. – Ф. 126. Воп. 1. Спр. 81.
9. НАРБ. – Ф. 491. Воп. 1. Спр. 166.
10. НАРБ. – Ф. 491. Воп. 1. Спр. 111.
11. НАРБ. – Ф. 491. Воп. 1. Спр. 176.
12. НАРБ. – Ф. 126. Воп. 1. Спр. 174.
13. НАРБ. – Ф. 491. Воп. 1. Спр. 259.
14. НАРБ. – Ф. 491. Воп. 1. Спр. 390.
15. НАРБ. – Ф. 492. Воп. 1. Спр. 242.

Паступіў у друк 9.02.2023 г.
Кантакты: bogovskaya-olga@mail.ru
(Бароўская Вольга Мікалаеўна)

Borovskaya V. N. RELATIONS OF THE PEOPLE'S COMMISSARIAT OF FOREIGN TRADE OF THE BSSR WITH THE TRADE OFFICE IN POLAND IN 1921–1923

The article deals with the problem of relations between the Office of the Commissioner of the RSFSR under the Council of People's Commissars of the BSSR and the Trade Representation of the RSFSR (USSR) in Poland in 1921–1923. The main points of contention between the parties were the issues of paying a commission and including a

Belarusian expert in the Trade Representation of the RSFSR in Poland. The above-mentioned problems were settled with the participation of a representative of the People's Commissariat of Foreign Trade of the RSFSR. As a result of the conclusion of a special agreement, the percentage of commission payments was increased, the BSSR received the right to send its expert to the trade office in Poland.

Keywords: commission, export-import operations, trade office, trade.

МЕЗОЛИТ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ В. Ф. КОПЫТИНА¹

А. В. Колосов

кандидат исторических наук, доцент, докторант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматриваются основные результаты научной деятельности В. Ф. Копытина, связанные с изучением мезолита Верхнего Поднепровья. Раскопки памятников, осуществленные ученым на протяжении 1970–1990-х гг., позволили создать фундаментальную базу для изучения вопросов заселения Верхнего Поднепровья в раннем голоцене. Обобщение полученного материала позволило В. Ф. Копытину разработать концепцию автохтонного развития культуры мезолита. На примере выделенной им сожской культуры было обосновано локальное своеобразие эпохи, демонстрировавшее факт взаимодействия населения предшествовавших по времени культур – гренской и свидерской.

Ключевые слова: мезолит, Верхнее Поднепровье, В. Ф. Копытин, концепция автохтонного развития культуры, гренская культура, свидерская культура, сожская культура.

Введение

70–80-е годы прошлого столетия стали поворотным моментом в изучении мезолита Беларуси. Разработка проблемы раннеголоценового этапа заселения территории нашей страны стала возможной благодаря работам целого поколения белорусских ученых, среди которых особо выделяется фигура Вячеслава Федоровича Копытина. Ему удалось создать стройную концепцию развития мезолитических культур, которая легла в основу фундаментальных исследований по археологии каменного века Беларуси и, в частности, Верхнего Поднепровья.

Имя В.Ф. Копытина и его деятельность на поприще науки и образования неоднократно становились предметом отдельных публикаций. Это и ряд статей энциклопедического плана, и публикации, посвященные памяти исследователя, и информация, представленная в разделах обобщающих работ по археологии Беларуси. В качестве примера приведем только некоторые из этих публикаций [1–3]. Со-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта БРФФИ «Мезолитоведение Верхнего Поднепровья: источниковая база, этапы развития, ключевые проблемы» (№ Г23ИП-018)

бранный в целом материал по научной биографии В. Ф. Копытина весьма значителен, более слабо в литературе отражена оценка взглядов ученого на мезолит Верхнего Поднепровья.

В. Ф. Копытин,
исследователь мезолита Верхнего Поднепровья

Мы не ставим задачу полного аналитического рассмотрения работ В. Ф. Копытина. Избавим читателя и от детализации событий, связанных с биографией ученого, изучением им памятников археологии. Основное внимание будет уделено вопросам развития тех теоретических и методологических установок, которые, собственно, и определили научный подход ученого к изучению проблем мезолита Верхнего Поднепровья.

Основная часть

Отправной точкой научных изысканий В. Ф. Копытина можно считать 1970 г. В этом году он становится аспирантом Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, где под руководством Н. Н. Гуриной начинает работу над кандидатской диссертацией «Мезолит Юго-Восточной Белоруссии». Выбор темы исследования по мезолитической проблематике был не случайным. Развернувшаяся еще в 1950-е гг. критика стадийного схематизма [4] привела к формированию новой исследовательской парадигмы, которая признала неравномерный характер развития культуры в каменном веке и, таким образом, в советской

науке закрепляла за мезолитом статус отдельной археологической эпохи. Однако уже в начале 1960-х гг. развернулась острая полемика по поводу правомерности выделения мезолита в отдельную эпоху [5; 6]. Решение этой проблемы требовало разработки критериев выделения мезолитической эпохи и, естественно, было направлено на поиск необходимых материалов.

Что же касается Верхнего Поднепровья, то к началу 1970-х гг. в изучении мезолита здесь наметилось два основных подхода. С одной стороны, эта территория рассматривалась как зона контактов различных культур (линий развития) [7; 8], с другой – подчеркивалось локальное своеобразие мезолитических памятников в рамках выделенной здесь области макролитов [9]. Пересмотру был подвергнут и возраст некоторых памятников, считавшихся ранее мезолитическими. Так, стоянки Гренск и Коромка, включенные В. Д. Будько в состав свидерско-грэнской культуры, были отнесены к верхнему палеолиту и датированы позднеледниковым временем [10].

Раскопки стоянки Горки, 1978 г. Оставленные на земляных столбиках находки из кремня наглядно демонстрируют их локализации в пределах вскрытой площади (фото из архива В. Ф. Копытина)

Благодаря этому до защиты диссертации им были проведены стационарные работы на стоянках Гренск (1972, 1974), Журавель (1972–1973), Коромка (1972), Лудчицы (1972–1973), Печенеж (1972), Яново-1 (1972–1973), Горки (1974–1977). Многотысячные коллек-

Общее состояние источниковедческой базы, представленной материалами поверхностных сборов и за редким исключением – шурфовки и раскопок некоторых стоянок, ограничивало возможности авторов в изучении проблем генезиса и хронологии мезолита Верхнего Поднепровья. Отсутствие в Беларуси на тот момент специальных исследований по мезолитической проблематике открывали перспективы в решении этих вопросов. Диссертация В. Ф. Копытина и ее защита в 1977 г. [11] оказались делом своевременным для белорусской науки.

Разработка новой темы требовала привлечения нового фактического материала и изменения стратегии его изучения. В основу последней легли раскопки памятников на широкой площади с детализацией планиграфии находок, их поквартной фиксации, нивелировкой нуклеусов и орудий труда в пределах культурного горизонта. Здесь, видимо, сказались опыт участия В. Ф. Копытина в экспедиции по изучению палеолита в Костёнках.

ции были собраны на стоянках Баркалабово, Дальнее Лядо и Боровка [11; 12].

После защиты диссертации активность полевых исследований В. Ф. Копытина набирала обороты [12–18]. К списку работ добавились раскопки стоянок Хвойная (1979, 1985–

1989), Гренск (1980–1981), Нераж (1980–1983), Шклов Заречный (1980, 1982), Новый Быхов-2 (1982–1983), Виричев (1982, 1986–1988), Криничная (1984, 1986), Могилевская (1985–1986), Боровка (1987), Дальнее Лядо (1988), Баркалабово (1989), Чигиринка (1991), Дедня (1992–1993). Продолжены стационарные исследования стоянок Горки (1978–1980, 1985, 1986, 1989) и Коромка (1990).

Внедрение методики раскопок на широкой площади позволило В. Ф. Копытину выделить на мезолитических стоянках производственные участки, связанные с первичной обработкой кремня. В результате практически все изученные памятники были отнесены к стоянкам-мастерским [12; 19; 20]. На стоянке Лудчица удалось обнаружить остатки округлого жилища и очага с расположенным рядом скоплением камней, интерпретированных

В. Ф. Копытиным как развал ветрового заслона [12, с. 38–40].

Колоссальный приток археологических материалов, последующее их осмысление дали возможность В. Ф. Копытину выразить собственный взгляд на мезолит Верхнего Поднепровья. В предлагаемой концепции центральное место отводилось вопросу формирования локальной специфики мезолита, а вместе с ним – определению временных рамок этого процесса. Решение этих вопросов нашло свое воплощение в системе относительной хронологии, которая позволяла проследить преемственность в развитии каменных индустрий мезолитической эпохи на протяжении двух этапов. Предложенная ученым схема периодизации мезолита Верхнего Поднепровья и краткая характеристика связанных с нею культур отражена мною в таблице.

Периодизация мезолита Верхнего Поднепровья по В. Ф. Копытину [12]

Этапы	Датировка	Культура (памятники)	Характерные черты
Ранний	10–8 тыс. л.н., (пребореал – бореал)	Гренская культура, второй этап развития (Гренск, Дальнее Лядо, Лудчица, Могилевская)	1) абсолютная высота памятников – ниже 150 м над уровнем моря; 2) преобладают одноплощадочные нуклеусы с параллельной и монофронтальной системой скалывания заготовок, сохранением естественного контрфронта; 3) орудийный комплекс – скребки (доминируют) и резцы, острия, проколки, изделия с выемкой, вкладыши из сечений пластин, овальные и с перехватом топорики; 4) наконечники стрел – черешковые с обработанным пером и ассиметричные с боковой выемкой (гренский тип); 5) не характерны изделия геометрических форм, единичны пластинки с притупленным краем
		Свидерская культура (Баркалабово)	1) абсолютная высота памятников – 150 м над уровнем моря; 2) преобладает одностороннее снятие заготовок с двухплощадочных нуклеусов; 3) орудийный комплекс – скребки (доминируют), выемчатые орудия, острия и резцы (в основном на сломе заготовки), немногочисленны топорики с перехватом; 4) наконечники стрел листовидной формы и со слабовыделенным черешком, обработанным плоской ретушью с брюшка
Поздний	8–7 тыс. л.н., (конец бореала – начало атлантика)	Сожская культура (Горки, Журавель, Присно, Глыбовка, Новые Громыки, Столбун, Береговая Слобода, Новый Быхов-2, Рдица, Городок, Василевичи-2, Михайловка)	1) абсолютная высота памятников – ниже 150 м над уровнем моря; 2) одно- и двухплощадочные нуклеусы с параллельной и монофронтальной системой скалывания, сохранением естественного контрфронта; 3) комплекс орудий – скребки (преобладают), резцы, острия, сверла и проколки, изделия с выемкой, вкладыши из сечений пластин, овальные, трапециевидные острообушные и с перехватом топорики, встречаются скребловидные орудия; 4) наконечники стрел с четко и слабовыделенным черешком, обработанным плоской ретушью с брюшка; 5) редкими являются находки трапеций и пластинок с притупленным краем.

В таблице представлен окончательный вариант периодизации, опубликованный В. Ф. Копытиным в начале 1990-х гг. [12], когда к исследованиям по мезолиту Верхнего Поднепровья добавилась проблематика финального палеолита. Ряд стоянок, считавшихся прежде раннемезолитическими (Боровка, Коромка, Хвойная, Яново-1), были датированы позднеледниковым временем. Но, несмотря на это, критерии периодизации, принятые В. Ф. Копытиным, остались неизменными – геоморфология и типологический состав кремневого инвентаря изученных стоянок. Стратиграфический метод для датировки памятников оказался бесполезным, так как культурный слой, залегающий в современной подпочве, проследить не удалось. Единственным исключением стала стоянка Хвойная, возраст которой был установлен В. Ф. Копытиным на основании геологических данных [12, с. 25–26].

Типологический состав коллекций кремневого инвентаря демонстрировал единство материальной культуры, что особенно наблюдалось, по мнению В. Ф. Копытина, среди мезолитических памятников Посожья [19; 20]. Это единство удалось обнаружить благодаря внедрению методов типолого-статистического анализа в изучении двух взаимосвязанных между собой групп кремневого инвентаря – продуктов расщепления и орудий труда [19; 18; 20]. Весь массив данных был обработан с помощью ЭВМ, что для белорусской археологии 70–80-х годов стало своего рода новацией.

Во время камеральной обработки материалов.
Экспедиция в Горках, 1980 г.
(фото из архива В. Ф. Копытина)

В итоге мезолитические стоянки Верхнего Поднепровья характеризовали технику расщепления кремня, в основе которой лежали принципы параллельного и монофронтального скалывания заготовок, широкое использование отщепов для производства орудий, количественное преобладание в орудийном комплексе скребков и резцов при очевидном доминировании первых. Различия между памятниками проявлялись в формах наконечников стрел, процентном соотношении между отдельными типами нуклеусов и орудий, практически полном отсутствии геометрических микролитов. В последнем случае В. Ф. Копытин выражал полное несогласие с мнением В. П. Ксензова, для которого появление трапеций, наоборот, служило индикатором позднемезолитического возраста памятников независимо от их культурной принадлежности [12, с. 14, 47; 21; 22].

В своих теоретических разработках ученый отстаивал идею об автохтонном пути развития мезолитической культуры. Ярким его проявлением на верхнем Днепре считалась гренская культура. По мнению В. Ф. Копытина, именно это культурное явление демонстрировало «глубокие местные традиции верхнепалеолитической индустрии», более конкретно – связь с памятниками среднеднепровской культурной общности верхнего палеолита (Мезин, Межиричи, Добраничевка) [12, с. 11–47]. При этом В. Ф. Копытина несколько не смущал достаточно большой временной разрыв между Мезином и Боровкой, Добраничевкой и Коромкой. Наоборот, очевидное сходство между ними он объяснял преемственностью «культурной традиции, передаваемой из поколения в поколение в течение нескольких тысячелетий, не меняя основных своих черт» [18, с. 127]. С началом отступления ледника культурные трансформации, как полагал В. Ф. Копытин, были вызваны постепенной адаптацией мигрирующих с юга охотников к местным условиям [18, с. 125].

В этой связи В. Ф. Копытин крайне скептически относился к идее о возможных миграциях с запада населения лингбийской и (или) аренбургской культур в Верхнее Поднепровье, их участия в формировании гренской культуры, несмотря на возражения его главных оппонентов по этому вопросу – Л. Л. Зализняка [23] и В. П. Ксензова [21; 22, с. 7–11]. Распространение на гренских стоянках черешковых наконечников, столь похожих по своей форме на предметы вооружения лингбийского и аренбургского типов, объяснялось исследо-

вателем явлением конвергенции [18, с. 134–135]. «Кажущееся сходство этих культур, – писал В. Ф. Копытин, – можно объяснить сходной организацией жизни охотников на северного оленя в сходных природных условиях, которые занимались сходными видами хозяйственной деятельности, что предполагает сходное решение определенных технических задач в создании охотничьего вооружения... на обширной территории» [18, с. 135].

В вопросах хронологии гренской культуры В. Ф. Копытин первоначально придерживался взгляда о ее мезолитическом возрасте [11]. Даже Гренская стоянка, датированная В. Д. Будько позднеледниковым временем, была отнесена к позднему мезолиту [11; 20]. В конце 1980 – начале 1990-х гг., когда появилась возможность на материалах Верхнего Поднепровья обосновать финальный палеолит, В. Ф. Копытину пришлось де-факто признать позднеледниковый этап в развитии гренской культуры [12]. Возраст некоторых стоянок (Боровка, Коромка и Хвойная) был определен в диапазоне 12–10 тыс. л.н. Продолжение культуры демонстрировал раннемезолитический этап (10–8 тыс. л.н.), который характеризовали стоянки Гренск, Дальнее Лядо, Лудчицы, Могилевская (см. таблицу).

Формирование локального своеобразия мезолита Верхнего Поднепровья В. Ф. Копытин связывал еще с одной культурой – свидерской [11; 12]. Она, пожалуй, была единственным примером, который позволял судить о западных миграциях охотничьих коллективов, начавшихся еще в позднеледниковое время. Сведения о свидерской культуре ограничивались бассейном Днепра, и это было не случайно. Именно на свидерской основе, как полагал В. Ф. Копытин, в позднем мезолите (8–6 тыс. л.н.) сформировалась сожская культура [12, с. 48–58]. Последняя мыслилась как симбиоз свидерских и гренских традиций, как результат взаимодействия и взаимовлияния населения двух предшествующих по времени культур в условиях стабилизации окружающей среды в начале атлантического периода. Свидерские черты проявлялись в наконечниках стрел с плоской подтеской черешка. Технику расщепления кремня, отдельные типы орудий, по мнению В. Ф. Копытина, сожская культура унаследовала от гренской. Просуществовав примерно полторы – две тысячи лет, сожское население приняло участие в формировании верхнеднепровской неолитической культуры [12, с. 49].

Таким образом, свидерская культура, демонстрировавшая первоначально миграции населения извне, в конечном счете оказалась вплетена в ткань автохтонной модели развития верхнеднепровского мезолита. Ее концептуальным проводником стала идея об аккультурации традиций синхронных и в то же время разных в этническом плане культур. Археологически культурное взаимодействие подтверждали памятники с синкретическими комплексами. В свете современных исследований установлено, что синкретизм находок в составе сожской культуры является результатом механического смешения разнокультурных материалов [24].

Заключение

В истории белорусской науки В. Ф. Копытину суждено было стать одним из авторитетных специалистов в области изучения проблем первобытной археологии Беларуси. Раскопки памятников Верхнего Поднепровья в 1970–1990-е гг. дали возможность ученому впервые в нашей науке концептуально обосновать региональную специфику мезолита, которая подчеркивала преемственность традиций между культурами на протяжении нескольких тысячелетий.

В этой связи В. Ф. Копытина можно считать последовательным сторонником идей автохтонизма, подчиненных единой методологии. На уровне раскопок она предусматривала фиксацию всех материалов в пределах вскрытой площади, на уровне классификации – учет всей совокупности находок, на уровне интерпретации – отражение всего набора признаков, подчеркивающих локальное своеобразие в рамках исследованных памятников, культур и мезолитической эпохи в целом. Отсюда появлялась возможность проследить непрерывный процесс развития культуры, обнаружить примеры взаимодействия разных культурных традиций.

Не все идеи В. Ф. Копытина оказались живучими, некоторые его выводы потребовали кардинального пересмотра на современном этапе. Однако ясно одно: исследования В. Ф. Копытина заложили прочную теоретическую базу для изучения вопросов генезиса и хронологии мезолита Верхнего Поднепровья. Благодаря им с начала 1990-х гг. в белорусской археологии началась разработка проблематики финального палеолита, позволившая выделить позднеледниковый этап заселения территории нашей страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ

1. *Дзмітрачкоў, П.* Няўрымслівы даследчык беларускай мінуўшчыны Капыцін Вячаслаў Фёдаравіч / П. Дзмітрачкоў, І. Марзалюк // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 5. – С. 45–46.
2. *Марзалюк, І. А.* Памяці Капыціна Вячаслава Фёдаравіча / І. А. Марзалюк // Проблемы археологии и древней истории Верхнего Поднепровья и соседних территорий : доклады и сообщения Междунар. науч. конф., Могилев, 30 янв. – 1 февр. 2002 г. / МГУ им. А. А. Кулешова ; редкол.: А. Г. Агеев [и др.]. – Могилев, 2002. – С. 3–4.
3. *Колосов, А. В.* Быть преданным делу, верить в будущее археологии (Памяти Вячеслава Федоровича Копытина) / А. В. Колосов // МАБ. – Минск, 2012. – Вып. 23. – С. 384–385.
4. *Воеводский, М. В.* Мезолитические культуры Восточной Европы / М. В. Воеводский // КСИИМК. – 1950. – Вып. XXXI. – С. 96–120.
5. *Рогачев, А. Н.* Некоторые вопросы изучения эпипалеолита Восточной Европы / А. Н. Рогачев // МИА. – 1966. – № 126. – С. 9–13.
6. *Формозов, А. А.* О термине «мезолит» и его эквивалентах / А. А. Формозов // СА. – 1970. – № 3. – С. 6–11.
7. *Формозов, А. А.* Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР / А. А. Формозов // Советская археология. – 1954. – Т. 21. – С. 38–51.
8. *Левенок, В. П.* Мезолит среднерусского Днепровско-Донского междуречья и его роль в сложении неолитической культуры / В. П. Левенок // МИА. – 1966. – № 126. – С. 89–98.
9. Очерки по археологии Белоруссии / редкол.: В. Ф. Исаенко [и др.]. – Мн. : Наука и техника, 1970. – 272 с.
10. *Будько, В. Д.* Памятники свидерско-грэнскай культуры на тэрыторыі Беларусіі / В. Д. Будзько // МИА. – 1966. – № 126. – С. 35–46.
11. *Копытин, В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / В. Ф. Копытин ; ЛОИА. – Л., 1977. – 24 с.
12. *Копытин, В. Ф.* Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев : МОУТ, 1992. – 86 с.
13. *Копытин, В. Ф.* Работы по изучению мезолита в Белорусском Поднепровье / В. Ф. Копытин // Археологические открытия (далее – АО) 1980 года. – М. : Наука, 1981. – С. 339–340.
14. *Копытин, В. Ф.* Мезолитическая стоянка Криничная / В. Ф. Копытин // АО 1984 года. – М. : Наука, 1986. – С. 345.
15. *Копытин, В. Ф.* Изучение мезолита в Верхнем Поднепровье / В. Ф. Копытин // АО 1985 года. – М. : Наука, 1987. – С. 454.
16. *Копытин, В. Ф.* Раскопки памятников в Верхнем Поднепровье / В. Ф. Копытин // АО 1986 года. – М. : Наука, 1988. – С. 367–368.
17. *Копытин, В. Ф.* Дедня – новый памятник мезолита в бассейне реки Проня / В. Ф. Копытин // Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя : у 2 ч. – Магілёў : МОУТ, 1995. – Ч. 1 : Археалогія. – С. 3–13.
18. *Копытин, В. Ф.* У истоков грэнскай культуры. Боровка / В. Ф. Копытин. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2000. – 143 с.
19. *Копытин, В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии / В. Ф. Копытин // КСИА. – М., 1977. – Вып. 149. – С. 60–65.
20. *Копытин, В. Ф.* Поздний мезолит Посожья / В. Ф. Копытин // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – Л. : ЛОИА, 1983. – С. 44–51.
21. *Ксензов, В. П.* Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В. П. Ксензов. – Мн. : Наука и техника, 1988. – 134 с.
22. *Ксензов, В. П.* Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В. П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5–20.
23. *Залізняк, Л. Л.* Фінальны палеоліт і мезоліт кантынентальнай Украіны. Культурны паділ та перыядызацыя / Л. Л. Залізняк // Кам'яна доба Украіны. – Київ : Шлях, 2005. – Вып. 8. – 184 с.
24. *Колосов, А. В.* Финальный палеолит и мезолит Посожья / А. В. Колосов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 176 с. : ил.

Поступила в редакцию 16.02.2023 г.

Контакты: kolosov_arc@mail.ru

(Колосов Александр Владимирович)

Kolosov A. V. THE MESOLITHIC OF THE UPPER DNIEPER REGION IN THE STUDIES BY V. F. KOPYTIN

The article deals with the main results of V. F. Kopytin's research of the Mesolithic of the Upper Dnieper region. His excavations of the sites carried out in the 1970s–1990s made it possible to create a fundamental basis for studying the issues of the settlement of the Upper Dnieper region in the early Holocene. The generalization of the obtained material allowed V. F. Kopytin to develop the concept of the autochthonous development of the Mesolithic culture. He identified the Sozh culture using it as the ground for the substantiation of the local originality of the epoch, and demonstrating the fact of the interaction of the population of the preceding Grensk and Swiderian cultures.

Keywords: Mesolithic, the Upper Dnieper region, V. F. Kopytin, the concept of the autochthonous development of the culture, Grensk culture, Swiderian culture, Sozh culture.

ВЛИЯНИЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг. НА СОСТОЯНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ В МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ

А. А. Косенко

ст. преподаватель кафедры административной деятельности факультета милиции
Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь

В статье рассматриваются вопросы о влиянии революционных событий 1905–1907 годов на структуру и состояние преступности на примере Могилевской губернии.

Анализируются статистические данные о совершенных в губернии преступлениях и проступках в 1904–1907 годах, приводятся наиболее яркие примеры преступлений, получивших большой общественный резонанс.

Также в статье рассмотрены способы, которые предпринимались со стороны правительственных структур в целях стабилизации криминогенной обстановки и обеспечения общественной безопасности.

Ключевые слова: преступность, полиция, Могилевская губерния, Российская империя, революция, общественная безопасность.

Введение

К началу 1905 года в Российской империи сложилась достаточно сложная социально-политическая ситуация, что и привело в итоге к первой русской революции. Буржуазные преобразования 1860–1870-х годов и развитие классического капиталистического строя не могли не сказаться на жизни всей страны. Постепенному усилению социальной напряженности способствовали такие факторы, как нерешенность аграрного вопроса, выделение пролетариата как нового социального слоя населения, объективная заинтересованность новой промышленной элиты в непосредственном участии в управлении всеми значимыми государственными процессами, необходимость коренной перестройки всей политической системы в соответствии с текущими реалиями. Наряду с этим отмечалось постепенное изменение самосознания широких слоев населения, повсеместное, особенно в крупных населенных пунктах, распространение оппозиционных либеральных и социал-демократических идей. Все эти изменения, поразившие общество, естественно, отражались в отдельных сферах жизни. Самыми значимыми индикаторами общественно-политического и социально-экономического

состояния государства и общества являлись, да и в настоящий момент являются, уровень и структура преступности. Неудивительно, что последовавшие вскоре революционные события значительно повлияли на данный критерий состояния страны.

Основная часть

Для Российской империи революция 1905–1907 годов явилась временем сильных общественно-политических потрясений и, по мнению автора, своеобразным прологом краха государства как такового. Даже современники отмечали достаточно быстрое падение нравов населения, отказ от признания традиционных общепринятых ценностей, рост правового нигилизма. Данные проявления тесно связывали с состоянием и структурой преступности. Отмечалось, что «чем более разгорается и шире распространяется революционное движение в стране, тем более перед глазами граждан ее проходит ярких картин самых возмутительных преступных действий: грубейшим образом нарушается повсеместно право собственности... наглым неповиновением законным властям и открытыми бунтами против них колеблется священный принцип власти; открытым нарушением существующих законов, систематическим походом против них расшатывается понятие о законности вообще; обезценивается совершенно самое высшее благо – жизнь человеческая...» [1, с. 3].

Подобные высказывания имели и свое документальное подтверждение. Так, в 1904 году в Могилевской губернии было совершено 3307 преступлений, подсудных окружному суду, т.е., по сегодняшней терминологии, относящихся к категории тяжких, к тому же имеющих особый порядок процессуального рассмотрения. В 1905 году таких преступлений было рассмотрено уже 3531, в 1906 году – 4152 и в 1907 году – 3941 преступление соответственно [2, с. 55–56; 3, с. 50–51; 4, с. 52; 5, с. 58].

Одновременно отмечалась тенденция увеличения количества совершенных тяжких преступлений против порядка управления, к

которым относились такие преступления, как сопротивление распоряжениям правительства и неповиновение установленным от онога властям; оскорбление и явное неуважение к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности; самовольное присвоение власти и составление подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг; похищение бумаг или вещей из присутственных мест, срыв печатей и уничтожение поставленных или приложенных по распоряжению правительства знаков; взлом тюрем, увод и побег находящихся под стражей или надзором. Так, Могилевским окружным судом подобного рода преступлений в 1904 году было рассмотрено 164, в 1905 – 132, в 1906 – 256, а в 1907 – 423 преступления. Показателен и тот факт, что в официальной статистике с 1907 года в самостоятельный вид были выделены преступления «против священной особы», 24 из которых в указанном году также было рассмотрено Могилевским окружным судом [2, с. 56–57; 3, с. 50–51; 4, с. 52; 5, с. 58].

В целом же состояние криминогенной обстановки на территории губернии характеризовалось постепенным ростом совершенных преступлений и проступков. По официальным сведениям уездных членов окружного суда, уездных съездов, земских начальников, а также волостных судов, в губернии ими в 1904 году было рассмотрено 74603 преступления и проступка без учета преступлений, рассмотренных Могилевским окружным судом, в 1905 году – 75073, в 1906 году – 73703, в 1907 году – 77155 [2, с. 58–59; 3, с. 52–53; 4, с. 53–56; 5, с. 60–61]. Снижение количества рассмотренных преступлений и проступков в 1906 году объясняется тем, что весь архив одного из 11 уездов губернии, а именно Горецкого, был полностью уничтожен пожаром, вследствие чего по работе Горецких уездных государственных органов никаких статистических данных за 1906 год в Могилевский губернский статистический комитет не предоставлялось [4, с. 53].

На территории губернии был совершен и ряд вооруженных нападений, имеющих ярко выраженные признаки террористических актов, на классных чинов полиции и высокопоставленных чиновников. Так, 14 октября 1905 года в г. Гомель было произведено покушение на убийство Гомельского полицмейстера Н.К. Чешко, в результате чего последний был убит, согласно собственному проше-

нию, в отставку [6, с. 39]. 29 октября 1905 года в ходе осуществления личного приема граждан в г. Могилеве Могилевский губернатор Н. М. Клинберг получил два огнестрельных ранения в руку и бедро. Здесь стоит отметить, что в августе 1905 года на губернатора уже производилось покушение с применением взрывного устройства, которое по каким-то причинам не сработало [7, с. 728].

В тот же день, 29 октября 1905 года, в г. Гомель были совершены вооруженные покушения на Гомельского уездного исправника И. Р. Еленского и частного пристава Гомельского городского полицейского управления И. И. Каминского [8, с. 39]. Подобные преступления, вызывающие большой общественный резонанс, совершались и в дальнейшем. К примеру, 8 января 1907 года в г. Могилев было совершено групповое вооруженное нападение на полицмейстера г. Могилева Я. В. Родионова, при этом, наряду с огнестрельным оружием, было использовано и взрывное устройство [9, с. 9].

Также в губернии происходили массовые нарушения общественного порядка и вооруженные столкновения с полицией. Наиболее резонансными из такого рода преступлений стали еврейские погромы, совершенные 21 октября 1905 года в г. Орша и 14 января 1906 года в г. Гомель, а также вооруженное нападение на имение Софиево Оршанского уезда и вооруженное сопротивление чинам полиции на железнодорожной станции Славное [8, с. 39; 9, с. 12].

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что криминогенная обстановка в Могилевской губернии в 1905–1907 годах характеризовалась как общим увеличением количества совершаемых преступлений и проступков, так и значительным ухудшением состояния общественной безопасности, обусловленным совершением тяжких и особо тяжких преступлений против государства и порядка управления.

Естественно, что такое положение дел не могло удовлетворять ни Российское правительство, ни руководство губернии. Одной из организационных мер борьбы с преступностью стало создание новой полицейской службы, являющейся прообразом современных строевых подразделений милиции, а именно полицейской стражи, главной задачей которой являлось «охранение благочиния, общаго спокойствия, безопасности и порядка в местностях, подведомственных уездной полиции»

[10, с. 477]. В Могилевской губернии полицейская стража была создана, по разным источникам, либо 15 сентября 1905 года [8, с. 39], либо в начале 1906 года [11, с. 261]. Как показало время, с поставленной задачей по стабилизации состояния общественного порядка и общественной безопасности в местах своей дислокации полицейская стража справилась вполне удовлетворительно.

Другим немаловажным аспектом по противодействию преступности стало введение определенных ограничений для населения на законодательном уровне. Так, 15 июня 1908 года исполняющим должность Могилевского губернатора Д. Ф. фон Гагманом было подписано два обязательных постановления, распространяющих свое действие на территорию г. Гомеля и Гомельского уезда Могилевской губернии.

По первому из них вводились запреты на:

«1. самовольное вторжение в чужия жилища или другие помещения, огороженные места и усадьбы...;

2. всякия сходбища и собрания... в общественных местах... без особого на то разрешения администрации, а также всякия невызываемья необходимостью остановки и сборища, независимо от цели таковых...;

3. производить без надлежащего разрешения всякаго рода сборы на какия бы то ни было цели;

4. ...всякое насильственное или посредством угроз посягательство по отношению к другому лицу с целью воспрепятствовать производить ему работу или исполнять свои обязанности...;

5. самовольный созыв волостных и сельских сходов для обсуждения неподлежащих их ведению вопросов, а равно присутствие на сходах посторонних лиц, принуждение должностных лиц к составлению записей незаконных приговоров и выдача копий с приговоров посторонним лицам;

6. созыв народа в набат с целью противодействия распоряжениям полиции и других должностных лиц;

7. оглашение или публичное распространение каких-либо статей или иных сообщений, возбуждающих враждебное отношение к правительству;

8. распространять произведения печати, подвергнутые аресту установленным в законе порядком;

9. публичное восхваление преступного деяния, равно как распространение или пу-

бличное выставление сочинения, либо изображения, восхваляющих такое деяние;

10. оглашение или публичное распространение:

– ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица... сведений, возбуждающих в населении враждебное к ним отношение;

– ложных, возбуждающих общественную тревогу слухов о правительственном распоряжении, общественном бедствии или ином событии;

11. постоянным жителям, так и временно пребывающим в губернию, торговлю, содержание у себя и ношение всякаго оружия без особого разрешения Губернатора;

12. продавать (из заведений, получивших разрешение на право торговли оружием) такое лицам, не имеющим свидетельства от полиции на право его приобретения;

13. содержателям... заведений, торгующих крепкими напитками... допускать в свои заведения воспитанников средних и низших учебных заведений и производить им продажу крепких напитков...;

14. прогуливаться и останавливаться около тюрем, переговариваться при этом с заключенными какими-либо знаками или иным способом» [12, с. 560–562].

Введением данных запретов, по мнению автора, властями была предпринята попытка к устранению основных причин и условий, которые могли способствовать групповым нарушениям общественного порядка и массовым беспорядкам, дальнейшему разжиганию недовольства среди населения действиями должностных лиц, в том числе и полицейских, а следовательно, и проводимой внутренней государственной политикой в целом, совершению преступлений с применением оружия и т.п.

По второму обязательному постановлению «содержателям гостиниц, постоялых домов, заезжих дворов, меблированных комнат и др. помещений, предназначенных для временного пребывания приезжающих в эти местности лиц», вменялось в обязанность:

– на входе в заведение установить своеобразный информационный стенд, где должны быть указаны личные данные всех лиц, остановившихся в данном заведении;

– два раза в день, а именно до 23:00 часов и до 07:00 часов, передавать сведения о вновь поступивших постояльцах в полицейское управление либо становому приставу.

Далее, все «домовладельцы, арендаторы или заведующие домами, казенными, городскими, общественными, фабричными, заводскими, церковными и монастырскими зданиями в городе, а также содержатели гостиниц и постоялых дворов в городах и местечках» были обязаны завести домовые книги, в которых должны были отражаться подробные установочные данные на каждое проживающее лицо. При внесении записи о вновь поступившем лице домовая книга и паспорт данного лица в 3-дневный срок предоставлялись местным чинам полиции. При этом информация о дате прописки лица и данные о том, когда и куда зарегистрированное лицо выбыло, должны были быть заверены подписью местных чинов полиции.

Кроме того «в непрременную обязанность владельцам недвижимых имуществ, их управляющим, а также лицам, снимающим в аренду дома и отдающих их под отдельные квартиры, (вменяется) немедленно установить действительный внутренний надзор в пределах их владений и о всяких явлениях, угрожающих общественному порядку и спокойствию... немедленно извещать местную полицию» [12, с. 563–565].

Т.е. значительно ужесточался контроль за свободным передвижением граждан, обеспечивалась незамедлительная передача информации о посторонних лицах, прибывших из других регионов страны. Домовладельцы, как наиболее заинтересованные лица в сохранении положительной репутации принадлежащих им доходных мест, привлекались к негласному установлению мест незаконного хранения оружия и других запрещенных предметов и вещей, в том числе и литературы, а также мест сбора лиц, чье поведение вызывало обоснованное подозрение в их антиобщественной деятельности.

Стоит отметить, что за нарушение выше-рассмотренных обязательных постановлений предусматривались достаточно серьезные санкции в виде денежного штрафа в размере до 500 рублей или ареста на срок до 3 месяцев [12, с. 562, 565]. В дальнейшем, 26 сентября 1908 года, идентичные обязательные постановления, действие которых распространялось уже на всю территорию Могилевской губернии, были приняты исполняющим должность губернатора С. А. Шидловским [12, с. 567–572].

Предпринятыми мерами властям в целом удалось обуздать рост преступности, однако

на территории губернии продолжали периодически совершаться преступления, порождающие большой общественный резонанс. Некоторые представители преступного мира, совершающие преступления в Могилевской губернии, вообще получили общероссийскую известность.

К примеру, 30 апреля 1909 года около с. Красное Гомельского уезда сотрудниками полиции была обезврежена банда «легендарного» бандита и налетчика А. Савицкого, занимавшегося во время первой русской революции разбойными нападениями якобы в интересах партии эсеров, которого пресса характеризовала как «героя большой дороги, разбоями, грабежами и зверством создавшим себе репутацию неуловимого зверя» [13, с. 4]. Розыск банды начался 23 апреля 1909 года, после совершения ими «часа в два дня» разбойного нападения в имении Борки на арендатора Арона Цирилина, а также на его родственников и иных лиц. Во время данного нападения был убит полицейский стражник Газай, у которого преступники завладели двумя винтовками и кинжалом. О чувстве полной безнаказанности преступников говорит тот факт, что, «совершив эти преступления, Савицкий даже не поторопился скрыться, а приказал запречь в два фэтона по паре лошадей и, разпросив рабочих имения, коих было около 50 человек, о том, довольны ли они хозяином, небольшой рысцой уехал по направлению к соседней деревне...» [13, с. 4]. Далее, преступники, несмотря на то, что их активно разыскивала местная полиция, не скрылись в какой-либо труднодоступной местности или на территории смежной губернии, что тоже говорит о многом, а направились к г. Гомелю, второму к тому времени по величине городу губернии. По «горячим» следам чинами полиции был задержан один из членов банды, некий С. Кайков, которого опознали как одного из участников разбойного нападения на имение Борки. По полученным от него сведениям, остальных участников банды локализовали в одном из гумен в с. Красное, где их спрятал один из местных жителей. В ходе проведения поисковых мероприятий преступники были обнаружены и вступили в перестрелку с сотрудниками полиции, которая продолжалась около 4-х часов. В результате трое преступников, в том числе и сам А. Савицкий, были уничтожены, со стороны полиции был убит стражник Дробышевский. При осмотре места происшествия у убитых преступников, кроме всего прочего,

было обнаружено два револьвера «Браунинг», карабин «Маузер», большое количество боеприпасов, а также бутылка ртути и 10 ампул стрихнина, т.е. сильнодействующие ядовитые вещества [13, с. 4–5].

О значительном падении нравов населения свидетельствуют и факты разбойных нападений на священников, что до революции фактически невозможно было себе представить. Так, 22 июля 1909 года в с. Колесники Мстиславского уезда шесть грабителей напали на священника Садовского, убив последнего и его старшего сына, а также смертельно ранив младшего. В том же Мстиславском уезде в с. Колодезки 8 августа 1909 года трое грабителей совершили нападение на дом священника А. Шпаковского, в ходе которого сам священник и его сестра были смертельно ранены и умерли в тот же день [7, с. 545–546, 680].

23 октября 1909 года, после вооруженного ограбления в с. Крупец Гомельского уезда казенной винной лавки, преступниками из числа крестьян было совершено нападение на семью местного священника Чулицкого, где пять человек было убито, а еще четверо ранено. В ходе проведения розыскных мероприятий сотрудниками полиции было установлено, что преступление совершено «из мести к отцу Чулицкому за содействие его выяснению чинами полиции вредной деятельности некоторых крестьян села Перероста, впоследствии и высланных административным порядком» [7, с. 694]. Данное преступление было оценено самим Могилевским губернатором как «исключительное по своей жестокости» [7, с. 696].

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что начало 1900-х годов стало крайне сложным с точки зрения социально-политического развития временем в истории Российской империи. Постепенные, но глубокие преобразования в мировоззрении населения, необходимость коренных политических изменений, слабость и нерешительность императора и действующего правительства, недовольство неудачами в русско-японской войне и другие подобные причины привели к революционным событиям 1905–1907 годов. В результате значительно упала народная нравственность, критически снизился авторитет власти, повсеместно, формально прикрываясь революционными идеями, стали действовать преступники. Количество совершенных преступлений и проступков неуклонно росло, одновременно формировалась тен-

денция увеличения количества тяжких преступлений против государства и порядка управления. Нередки и уже не вызывают удивления факты вооруженных нападений, террористических актов, массовых беспорядков. Правительству пришлось приложить беспрецедентные усилия, чтобы нормализовать обстановку в стране. Однако всего через десять лет Российская империя, не выдержав внутренних противоречий и социальной напряженности, истоки которой мы можем видеть именно в революции 1905–1907 годов, навсегда прекратит свое существование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Революция и преступность // Вестник полиции. – 22.09.1911. – № 38. – С. 2–3.
2. Обзор Могилевской губернии за 1904 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев : Тип. губ. правления, 1905. – 340 с.
3. Обзор Могилевской губернии за 1905 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев : Тип. губ. правления, 1906. – 272 с.
4. Обзор Могилевской губернии за 1906 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев : Тип. губ. правления, 1907. – 265 с.
5. Обзор Могилевской губернии за 1907 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев : Тип. губ. правления, 1908. – 274 с.
6. Памятная книжка Могилевской губернии на 1906 год / под ред. М. Н. Хорошавина. – Могилев : Губ. тип., 1906. – 533 с.
7. Памятная книжка Могилевской губернии на 1910 год / сост. Г. Пожаров. – Могилев : Губ. тип., 1910. – 731 с.
8. Памятная книжка Могилевской губернии на 1907 год / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев : Губ. тип., 1906. – 458 с.
9. Памятная книжка Могилевской губернии на 1908 год / сост. Мог. губ. стат. комитет. – Могилев : Губ. тип., 1907. – 418 с.
10. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание III (1881 – 1913). – Т. 23. – Ч. 1 : Законы. – № 22906. – С. 477–479.
11. Могилевская губерния. Государственные, религиозные и общественные учреждения (1772–1917) / Е. К. Анищенко [и др.] ; сост. Ю. Н. Снапковский, Д. Л. Яцкевич. – Минск : Беларусь, 2014. – 814 с.

12. Памятная книжка Могилевской губернии на 1909 год / сост. Г. Пожаров. – Могилев : Губ. тип., 1909. – 629 с.

13. Самоотверженное исполнение долга // Вестник полиции. – 23.05.1909. – № 20. – С. 4–6.

Поступила в редакцию 3.05.2023 г.
Контакты: alex.kosenko1805@mail.ru
(Косенко Александр Александрович)

Kosenko A. A. THE IMPACT OF THE REVOLUTION OF 1905–1907 ON THE STATE OF CRIME IN MOGILEV PROVINCE

The article discusses the impact of the revolutionary events of 1905–1907 on the structure and state of crime in Mogilev province. The statistical data on crimes and misdemeanors committed in the province in 1904–1907 are analyzed, the most striking examples of high-profile crimes are given. The article also considers the actions taken by the government agencies in order to stabilize the criminal situation and ensure public safety.

Keywords: crime, police, Mogilev province, Russian Empire, revolution, public safety.

УДК 94(37)

САТУРН І DEА CAELESTIS: РЭЛІГІЙНЫ СІНКРЭТЫЗМ
РЫМСКАЙ АФРЫКІ ЭПОХІ ПРЫНЦЫПАТУ**С. М. Смірноў**

аспірант

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Дадзены артыкул разглядае праблему рэлігійнага сінкрэтызму рымскай Афрыкі эпохі прынцыпату на прыкладзе культуаў Сатурна і Dea Caelestis. Культы праконсультскай Афрыкі сталі вынікам шматграннага працэсу ўзаемадзеяння рэлігійных традыцый Старажытнага Карфагена і Рыма. Эпіграфічны матэрыял і звесткі сакральнага мастацтва дазваляюць выявіць асноўныя асаблівасці развіцця культуаў Сатурна і Dea Caelestis і заўважыць разнастайнасць працягу рэлігійнага сінкрэтызму ў духоўнай культуры рымскай Афрыкі.

Ключавыя словы: Рымская імперыя, рымская Афрыка, рэлігійны сінкрэтызм, Сатурн, Dea Caelestis, Старажытны Карфаген.

Уводзіны

Значную ролю ў рэлігійным жыцці праконсультскай Афрыкі (Africa proconsularis) адыгрывалі сінкрэтычныя культы Сатурна і Dea Caelestis (Нябеснай багіні). Сярод сучасных гісторыкаў антычных рэлігій існуюць розныя меркаванні аб паходжанні і эвалюцыі дадзеных культуаў. Звычайна даследчыкі падкрэсліваюць прамую пераемнасць Сатурна і Dea Caelestis з Баал-Хамонам і Таніт – вярхоўных багоў старажытнага Карфагена [1, р. 477-479; 2]. Прысутнічае меркаванне, якое адмаўляе прамую пераемнасць паміж гэтымі культуамі і падкрэслівае нелінейны характар рэлігійных працэсаў рымскай Афрыкі I-III ст. н. э [3]. Працягваюцца дыскусіі аб паходжанні і фарміраванні культу Dea Caelestis на аснове шанавання карфагенскай Таніт або фінікійскай Астарты [2; 4, р. 65; 5].

Асноўная частка

Атаясамленне Баал-Хамона (B'L HMN) з рымскім Сатурнам грунтувалася на грэчаскай інтэрпрэтацыі старажытнакарфагенскага бога. Згодна са старажытнагрэчаскім драматургам Сафоклам, жыхары пунічнай Афрыкі прыносілі чалавечыя ахвярапрынашэнні богу Кронасу (Soph. Andromede, fr. 126) [6 с. 391]. Падобныя звесткі аб рэлігійных рытуалах старажытнага Карфагена перадае і антычны

гісторык Клітарх (Scholia Platonica, Respublica 337a) [7, р. 192]. Атаясамленне абодвух багоў карфагенскага і грэчаскага пантэону прысутнічае ў творах антычных інтэлектуалаў Дыядора Сіцылійскага і Тэртуліяна (Diod. Sic. Bibliotheca historica XX, 14; Tert. Apol. IX) [8, р. 179; 9, с. 126-129]. Антычныя аўтары падкрэслівалі падабенства рытуалаў ахвярапрынашэння дзяцей з міфічным сюжэтам аб тытане Кронасе. На думку Э. Ліпінскага, Баал-Хамон быў асацыяваны з Кронасам на аснове грэчаскай інтэрпрэтацыі пантэона старажытных фінікійцаў. Вярхоўны бог старажытнага Карфагена меў цесную сувязь з культуам фінікійскага Дагона – бога ўрадлівасці і айца фінікійскага бога Баал-Хадада [2]. Эпіграфічны матэрыял пунічнай Афрыкі пацвярджае сувязь і атаясамленне Баал-Хамона і Кронаса (Βάλ Αμοων, Κρόνος) [4, р. 25].

Прамая пераемнасць культу Dea Caelestis з пунічнай Таніт (TNT, Θινιτ) яркава заўважаецца на археалагічным матэрыяле са свяцілішча Тынісут (Thinissut). Археалагі знайшлі ў дадзеным свяцілішчы статуі львінагаловай багіні, якія суправаджаліся надпісамі Caelesti Augustae sacrum і Genius terrae Africae [1, р. 97-98; 4, р. 66-69]. На тэрыторыі гэтага свяцілішча сустракаюцца пасвячальныя стэлы з неапунічнымі надпісамі ў гонар Баал-Хамона і Таніт, якія дазваляюць зрабіць вывад аб непасрэднай сувязі культуаў пунічнай і рымскай Афрыкі. Але атаясамленне Dea Caelestis з Астартай не пазбаўлена пэўнага абгрунтавання, бо фінікійская багіня атрымлівала ў творах антычных інтэлектуалаў эпітэты: «Ἀστερία, Οὐρανία, Ἀστροάρχη» (Cic. Nat. D. III. 42; Herodot I, 105; Herodian V 6, 4) [10, с. 170; 11, с. 45; 12, с. 206]. Гэтыя эпітэты падкрэслівалі нябесны характар фінікійскай Астарты, пунічнай Таніт, а затым і Dea Caelestis. Традыцыйна Астарта і Таніт асацыяваліся з грэчаскай Герай і рымскай Юнонай. Антычныя аўтары апісвалі шчырую адданасць жыхароў старажытнага Карфагена культу пунічнай Геры, або Юноны (Polyb. VII, 9, 2-3; Liv. XXVIII, 46, 16) [13, с. 498; 14, с. 366]. У антычнай літаратуры

туры сустракаецца апісанне рымскага рытуалу *evocatio*, у якім рымляне прасілі дапамогі ад карфагенскай Юоны падчас апошняй вайны са старажытным Карфагенам (Macrobian Sat. III, 9. 7) [15, с. 130]. Магчыма, культ *Dea Caelestis* фарміраваўся на аснове паступовага зліцця атрыбутаў Таніт і Астарты, якое магло адбыцца да рымскага заваявання пунічнай Афрыкі.

Мясцовыя эпіграфічныя матэрыялы дэманструюць паступовую эвалюцыю і ўскладненне вобразаў афрыканскага Сатурна і *Dea Caelestis*. Пачынаючы з I ст. да н. э. сустракаюцца лацінскія надпісы са словамі *Bal*, *Balamoni* (*Balamoni Augusto sacrum*) (AE 1954, 53) [16]. Італьянскі гісторык Б. Д'Андрэа крытыкуе канцэпцыю французскага даследчыка М. Ле Гле аб адналінейнай і прамой пераемнасці культаў пунічнай і рымскай Афрыкі [1, р. 482-487]. Археалагічны матэрыял, на думку даследчыка, дэманструе пэўны разрыў паміж рэлігійнымі практыкамі ў мясцовай духоўнай культуры. Дадзены разрыў заўважаецца ў паступовым змяненні колькасці тафетаў, якія з'яўляліся традыцыйнымі свяцілішчамі пунічнай культуры [2]. Звычайна тафет – гэта свяцілішча пад адкрытым небам з пасвячальнымі стэламі і з урнамі праху дзяцей і ахвярных жывёл. Прытым на тэрыторыі рымскай Афрыкі павялічвалася колькасць рымскіх свяцілішч у гонар Сатурна, якія не былі звязаны з мясцовымі рэлігійнымі традыцыямі. Але археалагічныя дадзеныя дэманструюць большую колькасць выпадкаў узнікнення свяцілішч рымскага ўзору на аснове мясцовых тафетаў. Звесткі, якія прыводзіць Б. Д'Андрэа, дазваляюць меркаваць аб узаемнай адаптацыі рэлігійных практык і ўяўленняў Старажытнага Карфагена і Рыма на тэрыторыі рымскай Афрыкі ў першыя стагоддзі існавання імперыі.

Узаемная адаптацыя рэлігійных традыцый яскрава заўважаецца пры разглядзе эпіграфічнага матэрыялу. У надпісах афрыканскі Сатурн атрымлівае эпітэт *Balcaranensis*, які падкрэслівае сувязь шанавання гэтага бога з мясцовым горным масівам (CIL VIII, 24552; AE 2011, 1689) [16]. Аграрны аспект Сатурна прадстаўлены эпітэтам *frugifer* на пасвячальных стэлах з выявамі мясцовага бога (CIL VIII, 23823; AE 1996, 1712; AE 2003, 198) [16]. Акрамя гэтага, афрыканскі Сатурн атрымлівае ў эпіграфічным матэрыяле эпітэты: *augustus* (*Saturno Augusto sacrum*), *dominus* (*Saturnus Dominus Augustus*, *Domino Augusto Saturno*), *deus* (*Saturnus deus*), *sanctus* (*sanctus Saturnus*), *adon* (*adon Augustus*), *invictus* (*Invicto deo*

Saturno, *Saturno Augusto deo Invicto sacrum*) (AE 1992, 1830; AE 1892, 87; AE 1981, 870; AE 1942/43, 26; CIL VIII, 24071; AE 2000, 1751; AE 1966, 532; AE 1916, 40; CIL VIII, 24031) [16]. Для жыхароў рымскай Афрыкі функцыя Сатурна не абмяжоўвалася сферай ўраджаю і земляробства, мясцовы бог адказваў за касмічны парадак і пасмяротны лёс сваіх прыхільнікаў. Касмічны характар афрыканскага Сатурна заўважаецца ў выкарыстанні эпітэта *aeternus* (*Deo Magno Aeterno*), які дэманструе вечную магутнасць, моц і ўладу мясцовага бога (AE 1907, 3; CIL VIII, 18525) [16]. Сустракаюцца надпісы з формулай: «*sacerdos sub jugum intravit*», «*sacerdos intravit*», у якіх канстатуецца ўваходжанне жрацоў Сатурна пад ярмо бога (AE 1928, 30; CIL VIII, 24337; CIL VIII, 24168; AE 1978, 895) [16]. Гэтую формулу заходнія даследчыкі М. Ле Гле і А. Д. Нок тлумачылі як пацвярджэнне містэрыяльнага характару мясцовага культу [1, р. 377-382; 17; 18]. Але думка аб існаванні нейкіх містэрыяў у гонар афрыканскага Сатурна дагэтуль не атрымала дастатковага абгрунтавання. Формула «*sacerdos sub jugum intravit*» можа сведчыць аб генатэістычным характары дадзенага культу, у якім прызнавалася поўная ўлада бога над жыццём і душой верніка. Асабістая сувязь і асабістая адданасць вернікаў пэўнаму богу або багіні – гэта тыповыя праявы генатэізму ў рэлігійным жыцці Рымскай імперыі [19, р. 35-37]. Шанаванне афрыканскага Сатурна ў духоўнай культуры рымскай Афрыкі звязвалася з практыкамі варажбы, магіі і ўяўленнямі аб прарочых снах, што адлюстроўваецца ў надпісах са словамі «*jussu dei*, *ex viso*, *viso caritate*, *somnio monitus*» (CIL VIII, 6960; CIL VIII, 18630; AE 1966, 506) [16].

Культ афрыканскага Сатурна ўзаемадзеінічаў з культурамі іншых багоў, якія шанаваліся жыхарамі рымскай Афрыкі. У мясцовых надпісах Сатурн часцей фігуруе з *Dea Caelestis*, з багінямі Нутрыкс і Опс (*Nutrix*, *Ops*), якія з'яўляліся іншымі варыяцыямі *Dea Caelestis*. У мясцовай эпіграфіцы гэтага бога суправаджаюць Марс, Нептун, Янус, Лібер, Меркурый (AE 1999, 1776; AE 1966, 521; AE 1912, 201; AE 1941, 34; AE, 1900, 124) [16]. Прыгадваецца ў надпісах разам з Сатурнам вярхоўны бог рымскага пантэону Юпітэр Капіталійскі (*Iupiter Optimus Maximus*). Мясцовая эпіграфіка дэманструе пэўную канкурэнцыю паміж гэтымі багамі ў рэлігійных уяўленнях насельніцтва рымскай Афрыкі. У надпісах сустракаецца падкрэсліванне першынства аф-

рыканскага Сатурна перад рымскім Юпітэрам. У спісе сямі багоў з Тубурба Маюс (Thurburbo Maius) Сатурн стаіць на першым месцы, затым ідзе Сонца, а Юпітэр займае перадапошняе месца (AE 1925, 38) [16]. Сатурн займае першае месца на надпісе з Маўрэтаніі Цэзарэйскай (Mauretania Caesariensis), а другое месца належыць Юпітэру Капіталійскаму «Deo Domino Sancto Saturno et Iovi Optimo Maximo Capitolino» (CIL VIII, 8434) [16]. Эпіграфічныя звесткі Тэбесы і рымскай Нумідыі ўказваюць на выпадкі зліцця Юпітэра Капіталійскага і афрыканскага Сатурна ў адзінае божства «Iupiter Optimus Maximus Saturnus (AE 1926, 132; AE 2014, 1552) [16]. Атаясамленне Сатурна і Юпітэра магло адбыцца не толькі дзякуючы пэўнай канкурэнцыі паміж культурамі гэтых багоў. М. Ле Гле выказаў думку аб цеснай сувязі Баал-Хамона з лівійскай рэлігійнай традыцыяй, у якой шанавалася старажытнаегіпецкі сальярны бог Амон [1, р. 425]. У эліністычную эпоху бог Амон асацыяваўся з грэчаскім Зеўсам, а затым з рымскім Юпітэрам. У надпісах рымскай Афрыкі заўважаецца прысутнасць Юпітэра Амона (AE 1899, 46; IRT 920), які мог з'яўляцца яшчэ адным варыянтам рымскай інтэрпрэтацыі пунічнага Баал-Хамона [16].

У мясцовым эпіграфічным матэрыяле Dea Caelestis атрымлівае эпітэты «virgo», «santissima», «numen invicta», «numen sanctissima», «aeterna», «sancta», «magna», «domina», «augusta» (CIL VIII, 9796; CIL VIII, 8433; AE 1998, 1538; CIL VIII, 8239; AE 1913, 226; CIL VIII, 22686; AE 1911, 84) [16]. Гэтыя эпітэты пацвярджаюць значную папулярнасць культуры Caelestis сярод насельніцтва рымскай Афрыкі. Мясцовыя жыхары бачылі ў Dea Caelestis вярхоўную багіню і царыцу багоў (regina deum, vera deum rectrix), спадарожніцу магутнага Сатурна (CIL VIII, 16810; ILAG I, 1185; AE 1999, 1776) [16]. Гэта дазваляе выказаць думку аб захаванні мясцовай рэлігійнай традыцыі сумеснага шанавання Баал Хамона і Таніт, якія былі адаптаваны да традыцый рымскай рэлігіі. Звычайна эпіграфічны матэрыял рымскай Афрыкі дэманструе трывалую асацыяцыю і сувязь Dea Caelestis з рымскай Юнонай (Iuno Caelestis regina Augusta), але яна магла збліжацца з рымскай Дыянай (Dea Caelestis Diana Augustus), Венерай (Venus Caelestis), Добрай багіняй (Bona Dea Caelestis) (CIL X, 4849; CIL VIII, 999; AE 1956, 144) [16].

Папулярнасць Dea Caelestis і наяўнасць значнага рэлігійнага цэнтру з аракулам у рымскім Карфагене, згодна са звесткамі рымскіх

гісторыкаў (Dio Cass LXXIX, 12; Herodian V, 6. 4-5; SHA Pert. IV, 1-2; SHA Macr. III, 1), дазволіла распаўсюдзіцца яе культу на прасторах Рымскай імперыі [20, с. 355; 12, с. 206-207; 21, с. 74, 122]. Звесткі аб шанаванні Нябеснай багіні сустракаюцца ў эпіграфічным матэрыяле з рымскай Іспаніі, Брытаніі, Транспаданскай Галіі, Дакіі, Паноніі (AE 1993, 1067; CIL II, 4310; CIL VII, 754; CIL VII, 759; AE 2009, 418; CIL V, 5765; AE 2017, 1674) [16]. Культ Dea Caelestis прысутнічаў у самім Рыме, надпісы якога прыгадваюць Гая Варыя Аполаўста – кіраўніка калегіі жрацоў гэтай багіні (principi sacerdotium deae Caelestis) (CIL VI, 2242) [16].

Сінтэз рэлігійных і культурных традыцый антычнага свету заўважаецца ў іканаграфіі афрыканскага Сатурна і Dea Caelestis. На помніках сакральнага мастацтва Сатурн выглядае як сталы і барадаты мужчына, які сядзіць на троне з крылатымі сфінксамі. На манетах Клодзія Альбіна (аднаго з супернікаў Септымія Севера ў барацьбе за імператарскую ўладу) прысутнічаюць падобныя выявы афрыканскага Сатурна з легендай Saeculo Frugifero (RIC IV. I. Clodius Albinus № 8-10) [22]. Звычайна гэтага бога суправаджаюць выявы плодуў зямлі, сімвалы зорак, месяца і сонца. На пасвячальных стэлах праконсульскай Афрыкі сустракаюцца выявы сярпа – традыцыйнага атрыбута Сатурна-Кронаса ў рымскай і грэчаскай рэлігіі, але гэты атрыбут адсутнічаў у пунічнай іканаграфіі Баал-Хамона. Існуе вялікая верагоднасць, што сімвал сярпа ў іканаграфіі афрыканскага Сатурна звязаны з трансфармацыяй нябеснай сімволікі багіні Таніт падчас рымскага панавання. Сярод пасвячальных стэл рымскай Нумідыі сустракаюцца выявы барадатага бога і ахвярнай жывёлы (часцей за ўсё баран або ягня) з формулай «anima pro anima, vita pro vita, sanguine pro sanguine» і са словамі «molchomor agnum» (AE 2006, 1802; CIL VIII, 4468; AE 1954, 258) [16]. Слова molchomor з'яўляецца лацінскай адаптацыяй пунічнай фразы mlk 'mr, якая абазначае ахвярапрынашэнне ягняці ў гонар Баал-Хамона. Гэта ўказвае на трываласць мясцовых рэлігійных традыцый у праконсульскай Афрыцы. Помнікі сакральнага мастацтва ўказваюць на значны ўплыў культуры эліністычнага Егіпту. Іканаграфія афрыканскага Сатурна мае пэўныя паралелі з выявамі егіпецкага Серапіса, які таксама адказваў за ўраджайнасць і касмічны парадак. На пасвячальных стэлах Сатурн знаходзіцца ў атачэнні Геліяса і Селены (ці рымскага Sol і багіні Дыяны), зна-

каў задзяка ці планет [1, р. 442-444]. Падобныя выявы характэрны для егіпецкага Серапіса ў правінцыяльнай чаканцы рымскага Егіпту (RPC IV.4, Antoninus Pius № 15289, 15321; RPC VI Severus Alexander № 4679) [23].

Выявы Dea Caelestis захоўваюць пэўную пераемнасць з іканаграфіяй карфагенскай Таніт. Першапачаткова жыхары старажытнага Карфагена выкарыстоўвалі сімвалічныя вобразы гэтай багіні, якія адлюстроўвалі яе нябесны і аграрны аспект. Антрапаморфныя выявы Таніт ўзніклі пад значным уплывам эліністычнай культуры. На думку Ю. Б. Цыркіна, узбагачэнне іканаграфіі пунічнай багіні магло адбыцца дзякуючы знаёмству жыхароў старажытнага Карфагена з грэчаскім культам Дэметры і Коры [24, с. 164-165]. У археалагічным матэрыяле пунічнай Афрыкі сустракаюцца выявы карфагенскай Таніт з голубам, пальмай і гранатам, а таксама выявы багіні царыцы, якая носіць дыядэму або карону ў выглядзе модыя (modius) і царскую мантыю (perlum), сядзіць на троне з крылатымі сфінксамі і суправаджаецца львом, які падкрэслівае яе функцыю багіні ўрадлівасці. У сакральным мастацтве свяцілішча Тынісут Нябесная багіня валодае царскімі атрыбутамі, або атрымлівае выгляд багіні з галавой ільва. Выява Dea Caelestis прысутнічае на імператарскай чаканцы Септымія Севера і Каракалы з легендай «Indulgentia Augustorum in Carthagine» (RIC IV. I. Septimius Severus № 193, 207; RIC IV. I. Caracalla № 415, 418) [22]. На гэтых манетах багіня сядзіць на лье і трымае ў руках скіпетр і маланкі, што адпавядае апісанню гэтай багіні ў творы Апулея (Apul. Met. VI, 4) [25, с. 195]. Менавіта эпоха дынастыі Севераў стала часам значнага пад'ёму культаў афрыканскага Сатурна і Dea Caelestis. Багіня рымскай Афрыкі апынулася ў цэнтры рэлігійнай рэформы рымскага імператара Элагабала, які здзейсніў тэагамію гэтай багіні з сальярным богам сірыйскай Эмесы (Herodian V, б. 3-6) [12, с. 206-207]. Гэты свяшчэнны шлюб паміж багамі мог адбыцца з-за пэўнай паралелі паміж афрыканскім Сатурнам і эмескім Элагабалам [26].

Заклучэнне

Звесткі эпіграфічнага матэрыялу і помнікаў сакральнага мастацтва ўказваюць на складаны і шматгранны працэс узаемадзеяння культур і рэлігійных традыцый у рымскай Афрыцы I–III стст. н. э. Гэты працэс ярка заўважаецца ў гісторыі сінкрэтычных культаў афрыканскага Сатурна і Dea Caelestis. Фар-

міраванне дадзеных культаў адбылося на аснове рэлігійнай традыцыі Старажытнага Карфагена, якая, на момант рымскага заваявання ў II ст. да н. э., аказалася пад істотным уплывам эліністычнай культуры.

Разгляд звестак мясцовай эпіграфікі і сакральнага мастацтва дазваляе адначасова гаварыць аб прамой пераемнасці паміж культурамі пунічнай і рымскай Афрыкі і аб трансфармацыі мясцовых рэлігійных традыцый пад уплывам рымскай рэлігіі. Мясцовыя надпісы даказваюць прамую сувязь паміж пунічным Баал-Хамонам і афрыканскім Сатурнам, паміж Таніт і Dea Caelestis. Але існуюць эпіграфічныя звесткі аб іншых варыянтах рымскай інтэрпрэтацыі багоў старажытнага Карфагена, што з'яўляецца пацвярджэннем разнастайнасці форм рэлігійнага сінкрэтызму рымскай Афрыкі I–III стст. н. э. Трансфармацыя мясцовых традыцый заўважаецца ў паступовых зменах рытуальнай практыкі, у пашырэнні свяцілішч рымскага ўзору, у эвалюцыі іканаграфіі Dea Caelestis і афрыканскага Сатурна, якая адначасова захоўвала сувязь з традыцыямі Старажытнага Карфагена і набывала новыя рысы з-за ўзаемадзеяння з эліністычнай і рымскай культурамі. Рэлігійная гісторыя рымскай Афрыкі дэманструе розныя мадэлі рэлігійнага сінкрэтызму ў Рымскай імперыі. Культ Dea Caelestis з'яўляецца прыкладам большай рэлігійнай адкрытасці, якая дазваляла гэтаму культу распаўсюдзіцца ў заходніх правінцыях Рымскай імперыі. Узаемная адаптацыя рымскай і пунічнай традыцыі ў кульце Dea Caelestis становіцца асновай для набывання новых сінкрэтычных рыс, якія паспрыялі значнай папулярнасці гэтай багіні ў эпоху прынцыпату. Узаемадзеянне культур старажытнага Рыма і Карфагена ў кульце афрыканскага Сатурна паспрыяла захаванню мясцовых рэлігійных ўяўленняў і культурнай тоеснасці насельніцтва рымскай Афрыкі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Leglay, M.* Saturne africain. Histoire / M. Leglay. – Paris : Editions de Boccard, 1966. – 550 p.
2. *Липиньски, Э.* Пантеон Карфагена / Э. Липиньски // ВДИ. – 1992. – № 3. – С. 29–51.
3. *D'Andrea, B.* De Baal Hammon à Saturne, continuité et transformation des lieux et des cultes (IIIe siècle av. J.-C. – IIIe siècle apr. J.-C.) / B. D'Andrea // FMSH-WP – 2017 – 125, février 2017. – P. 2–23.
4. *Cadotte, A.* La Romanisation des Dieux. L'interpretatio romana en Afrique du Nord sous le Haut-Empire / A. Cadotte. – Leiden : Brill, 2007 – 750 p.

5. **Halsberge, G. H.** Le culte de Dea Caelestis / G. H. Halsberge // ANRW – 1984- vol. II. Principat. 17.4. – P. 2203–2223.
6. Софокл. Драмы / пер. с древнегреч. Ф. Ф. Зелинского; под ред. М. Л. Гаспарова, В. Н. Ярхо. – М.: Наука, 1990. – 624 с.
7. *Scholia Platonica* / ed. W. C. Green. – Michigan: Edwards Brothers, 1981. – 614 p.
8. Diodorus of Sicily. The Loeb Classical Library: in 12 vol. / ed. G. P. Goold, trans. R. M. Geer. – Cambridge: Harvard Univer. Press. – 1952–1994 – Vol. X. – 1983. – 458 p.
9. Тертуллиан. Апологетик. К Скапуле / пер. с лат. А. Ю. Братухина. – СПб.: Изд. Олега Абышко, 2005. – 256 с.
10. **Цицерон.** Философские трактаты / Цицерон; пер. с лат. М. И. Рижского сост. Г. Г. Майоров. – М.: Наука, 1985. – 384 с.
11. **Геродот.** История в девяти книгах / Геродот; пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. – Ленинград: Наука, 1972. – 602 с.
12. **Геродиан.** История императорской власти после Марка / Геродиан; пер. с древнегреч. А. И. Доватура. – СПб.: Алетейя, 1995. – 289 с.
13. **Полибий.** Всеобщая история: в 2 т. / Полибий; пер. с древнегреч. Ф. Мищенко. – М.: Изд. АСТ, 2004. – Т. 1. – 762 с.
14. **Тит Ливий.** История Рима от основания города: в 3 т. / Тит Ливий; пер. с латин. Ф. Ф. Зелинского, М. Е. Сергеевко. – М.: Наука, 1991. – Т. II. – 530 с.
15. **Макробий.** Сатурналии / Макробий; пер. с лат. и греч. В. Т. Звиревича. – Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2009. – 372 с.
16. Epigraphik-Datebank Clauss/Slaby (2022) – Modalità d’accesso: <http://www.manfredclauss.de/gb/index.html> Data d’accesso 01.11.2022.
17. **Nock, A. D.** Intrare sub Iugum. / A. D. Nock // The Classical Quarterly. – 1926 – vol. 20, iss. 2. – P. 107–109.
18. **Sebaï, M.** Sacerdos intrauit sub iugum. Étude sur le rituel dans le culte de Saturne en Afrique romaine / M. Sebaï // Cahiers Glotz. – 2010. – № 21. – P. 269–284.
19. **Versnel, H. S.** Coping With the Gods. Wayward Readings in Greek Theology / H. S. Versnel. – Leiden, Boston: Brill, 2011. – 595 p.
20. Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV-LXXX / пер. с древнегреч. А. В. Махлаюка. – СПб.: Филфак СПбГУ, 2011. – 456 с.
21. Властелины Рима. Биография римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер. с лат. С. П. Кондратьева. – СПб.: Алетейя, 2001. – 384 с.
22. The Roman Imperial Coinage (RIC): in 10 v. / ed. H. Mattingly, E. A. Sydenham. – London: Spink&Son, 1936–1994. – Vol IV. Part 1. – 1936. – 428 p.
23. Roman Provincial Coinage online (RPC) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://rpc.ashmus.ox.ac.uk/>. – Date of access: 28.11.2021.
24. **Циркин, Ю. Б.** Карфаген и его культура / Ю. Б. Циркин. – М.: Наука, 1986. – 254 с.
25. **Апулей.** Метаморфозы / Апулей; пер. с лат. М. Кузмина. – М.: Худож. литература, 1988. – 403 с.
26. **Смірноў, С. М.** Сінкрэтызм і традыцыя ў рэлігійнай палітыцы імператара Элагабала / С. М. Смірноў // Весці БДУ. – 2022. – № 2. – С. 67–72.

Паступіў у друк 16.01.2023 г.
Кантакты: viales89@gmail.com
(Смірноў Сяржук Мікалаевіч)

Smirnou S. M. SATURN AND DEAE CAELESTIS: RELIGIOUS SYNCRETISM IN ROMAN AFRICA IN THE PRINCIPATE PERIOD

The article examines the problem of religious syncretism in Roman Africa during the Principate Period considering Saturn and Dea Caelestis cults. The cults of Proconsular Africa were the result of a multifaceted process of interaction between the religious traditions of Ancient Carthage and Rome. The epigraphic material and sacred art data allowed the author to identify the main features of the development of Saturn and Dea Caelestis cults and notice the diversity of manifestations of religious syncretism in the spiritual culture of Roman Africa.

Keywords: Roman Empire, Roman Africa, religious syncretism, Saturn, Dea Caelestis, Ancient Carthage.

УДК 94 (476) «1915/1917»

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ ОЧЕРКА «СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО. ДВА ПРИКАЗА»

Ю. А. Раемский

аспирант

Республиканский институт Высшей школы

старший научный сотрудник

Могилевский областной краеведческий музей имени Е. Р. Романова

В статье проводится атрибуция текста анонимного очерка, изданного в Париже в 1921 году, в котором излагаются события в Ставке Верховного главнокомандующего в г. Могилеве в августе 1915 года и феврале-марте 1917 года. По результатам исследования автором текста признан генерал Дубенский.

Ключевые слова: Ставка Верховного главнокомандующего, император Николай II, Могилев, Первая мировая война, Февральская революция, очерк, приказ.

Введение

Вопросы атрибуции произведений искусства, а также художественной и научной литературы порой ставят перед исследователями задачи, решить которые под силу не каждому специалисту в своей сфере. Это захватывающий и увлекательный процесс, в котором все же главенствующее значение имеет конечный результат. В источниковедении вопрос установления авторства и подлинности текста имеет принципиальное значение, поскольку в любом научном труде ссылаться на сфальсифицированный источник недопустимо. При этом даже атрибуция не дает гарантии, что автор мемуарного произведения не исказил ход событий преднамеренно либо по причине несовершенства человеческой памяти.

В случае с Февральской революцией 1917 года в России особенно важно разобраться с событиями, происходившими в литерном поезде «А» и в Ставке в Могилеве с 28 февраля по 8 марта (13–21 марта) 1917 года.

Основная часть

В первом сборнике издаваемой после революции в Париже «Русской летописи» помещен очерк «Ставка Верховного Главнокомандующего. Два приказа» под авторством некоего «очевидца». Рассказ состоит из двух неравных по объему частей, первая из которых повествует о принятии императором командо-

вания над действующей армией в августе 1915 года, а вторая – о событиях в Ставке с 23 февраля по 8 марта 1917 года и «прощальном приказе» уже бывшего императора.

Изучение текста, художественного оформления очерка и сопоставление его с другими источниками по истории Первой мировой войны и Февральской революции привело нас к глубокому убеждению, что автором данного произведения является генерал Дмитрий Николаевич Дубенский (1857–1923) – бывший историограф Николая II, сопровождавший императора во всех его поездках в действующую армию с октября 1914 года.

Журналистская карьера Дубенского началась в 1900 году с издания народной газеты «Русское чтение». В 1904 году он основал журнал «Летопись войны с Японией», освещавший ход боевых действий на Дальнем Востоке. Всего вышло 84 номера. А в годы Первой мировой войны начал издавать иллюстрированный журнал «Летопись войны 1914 года», который, однако, в связи с продолжением боевых действий, трансформировался в «Летопись войны 1914–1917 гг.» Кроме того, в связи с исполнением обязанностей придворного историографа в 1914–1916 гг. подготовил 4 выпуска издания «Его Императорское Величество Государь император Николай Александрович в действующей армии». Три первых были посвящены поездкам Николая II в Ставку Верховного главнокомандующего в Барановичи, а также на фронт. Четвертый выпуск охватывал период с августа 1915 года до февраля 1916 года, когда император принял на себя должность Верховного Главнокомандующего и находился в Могилеве, куда Ставка была перенесена в начале августа 1915 года. По словам Дубенского, «пятым выпуск, посвященный годовому периоду (с февраля 1916 года по февраль 1917 года), был совершенно подготовлен к печати, но переворот и революция помешали появлению его в свет» [1, с. 12]. Таким образом, в обязанности Дубен-

ского входило сопровождение Николая II во время всех его поездок в Ставку и на фронт и последующее описание трудов монарха на благо Родины, призванное поднять боевой дух армии и тыла.

Однако самым известным произведением генерала является очерк «Как произошел переворот в России», изданный в Париже в 1922 году. В нем генерал, путешествовавший в так называемом «свитском» поезде, официально именовавшемся поезд «Литера Б», излагает события, произошедшие с 22 февраля по 8 марта 1917 года. Важной частью повествования является относительно подробное описание событий во время движения литературных поездов по маршруту Могилев-Малая Вишера-Псков. Указанный источник будет подтвержден исследованием и детальному анализу позднее. На данном же этапе необходимо доказать принадлежность перу Дубенского очерка «Ставка Верховного Главнокомандующего. Два Приказа».

Заглавие очерка представлено в виде виньетки с растительным мотивом, состоящей из заглавной буквы «С» с добавлением внизу герба Российской империи. Точно такая же виньетка с точно таким же шрифтом заглавия содержится в четвертом сборнике «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии». При этом в сборнике вместо имперского помещен герб Могилевской губернии, что является единственным отличием виньеток [1, с. 32; 2, с. 156].

Для сравнения текста ниже помещены отрывки из четвертого выпуска издания «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии» (1) и исследуемого анонимного очерка (2) за авторством Дубенского, в которых отчетливо видны заимствования.

1. «Ставка Верховного Главнокомандующего, в виду изменившихся в конце лета 1915 г. военных обстоятельств, переменяла место своего нахождения. – 7 августа Верховный Главнокомандующий Его Императорское Высочество Великий Князь Николай Николаевич вместе с своим Штабом и свитой покинул ст. Барановичи и на другой день, 8 августа, прибыл в губ. город Могилев, который и до настоящего времени является Ставкой Верховного Главнокомандующего» [1, с. 16].

2. «В конце лета 1915 г. Ставка Верховного Главнокомандующего, в виду изменившихся военных обстоятельств, переменяла место

своего нахождения и 7-го августа Великий Князь Николай Николаевич со всем своим Штабом и свитой покинул ст. Барановичи и на другой день, 8-го августа, прибыл в Могилев» [2, с. 156].

1. «Свое вступление в командование ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР ознаменовал приказом по армии и флоту, в котором особенно знаменательны слова ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, приписанные Собственноручно.

Точный снимок с этого исторического приказа 23 августа 1915 г. мы здесь помещаем» [1, с. 17].

2. «Свое вступление в командование Государь Император ознаменовал приказом по армии и флоту, в котором особенно знаменательны слова Его Величества, приписанные собственноручно.

Точный снимок с этого исторического приказа 23-го августа 1915 г., мы помещаем на следующей странице» [2, с. 157].

Далее в обоих случаях помещена одна и та же репродукция приказа.

Однако простое сравнение текста, виньеток и фототипий из вышедшего в 1916 году четвертого выпуска издания «Его Императорское Величество Государь Император в действующей армии» и анонимного очерка не дает достаточных оснований признать автором исследуемого произведения генерала Дубенского.

Более убедительно указывает на авторство абсолютное сходство фрагментов текста анонимного очерка (2) с изданными в 1922 году в Париже в третьем томе «Русской летописи» записками Дубенского под названием «Как произошел переворот в России» (3).

2. «В субботу, 4-го марта, после утреннего чая, в начале 10-го часа, Государь прошел, своим обычным порядком, в генерал-квартирмейстерскую часть (дом рядом с дворцом), для принятия доклада генерала Алексева о положении на фронтах.

Об этом последнем докладе Его Величеству мне сообщил генерал К-ий, присутствовавший на нем, вместе с генералом Лукомским, по службе» [2, с. 168].

3. «В субботу 4-го Марта, после утреннего чая в начале 10-го часа Государь прошел, своим обычным порядком, в генерал-квартирмейстерскую часть (дом рядом с дворцом) для принятия доклада генерала Алексева о положении на фронтах.

Об этом последнем докладе Его Величеству мне сообщил генерал Клембовский,

присутствовавший на нем, вместе с генералом Лукомским, по службе» [3, с. 70].

Далее, практически слово в слово, в обоих источниках излагается описание последнего доклада Николаю II, зафиксированное Дубенским в разговоре с помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего генералом Клембовским.

Повторения текста характерны даже при описании довольно незначительных с исторической точки зрения событий.

2. «Должно, однако, сказать, что 25 февраля, В.Н., видимо, все-таки тревожился, ходил весь красный, с широко открытыми глазами, меньше буфонил, но и в этот день, когда еще можно было сопротивляться, никто не слышал ни о каких серьезных с его стороны распоряжениях» [2, с. 162].

3. «Должен, однако, сказать, что в этот день (25-II) Воейков видимо, все-таки тревожился, ходил весь красный с широко раскрытыми глазами, меньше буфонил, но никто из нас не слышал, ни о каких серьезных с его стороны, распоряжениях» [3, с. 29–30].

И наконец, назовем крайнюю причину, по которой данный анонимный очерк должен быть отнесен к авторству Дубенского – это сведения о дневниках, о которых автор публикации («очевидец») сообщает следующее: «Дневники, на основании которых мы излагаем события, и не могут быть изданы ныне, по целому ряду обстоятельств, от нас независимых» [2, с. 159].

В августе 1917 года на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Д. Н. Дубенский изложил председателю следующую просьбу: «Дело в том, что на меня министерством двора и комиссаром Головиным возложено поручение закончить описание о пребывании бывшего государя в армии по самый день его выезда из ставки, 8 марта. Это, как вы изволите знать, величайший акт, и я в настоящее время работаю над этим, но у меня взяли эти дневники, и я бы просил мне их вернуть по миновании надобности, или, если вы находите, что вам этот дневник необходим, не будете ли вы так любезны приказать его перепечатать? [...]

Председатель. – Вы благоволите письменно изложить сущность вашего желания, а также и основания, т.е. то, что вы от теперешнего правительства имеете известное задание, для исполнения которого вам нужен этот дневник. Я не могу своей властью решить этот вопрос. Я должен повергнуть ваше ходатайство на

усмотрение Комиссии, и Комиссия вынесет решение» [4, с. 414–415].

Просьба Дубенского так и осталась неудовлетворенной, поскольку в третьем томе «Русской летописи» он пишет: «Настоящие записки под заглавием: «Как произошел переворот в России» (Ноябрь 1916 г. – Апрель 1917 г.) составлены мною по уцелевшим моим записным книжкам, заметкам и по памяти. Весь подлинный официальный материал находится в сохранности, но в настоящее время я не имею возможности им воспользоваться» [3, с. 12].

Почти гарантированно установив автора очерка, хотелось бы также понять, по каким причинам Дубенский пожелал остаться неизвестным. Однако сделать это практически невозможно, поскольку причины могут быть совершенно неоднозначными. При этом современники, знакомые с содержанием авторских произведений Дубенского, могли легко его идентифицировать хотя бы по количеству прямых заимствований. То есть атрибуция, проведенная в данном исследовании, представляет собой относительно несложную операцию, которая все же имеет значение в рамках исследования позднего периода руководства Ставкой Верховного главнокомандующего в Могилеве императором Николаем II.

Детально разбирать здесь содержание данного очерка, который, по сути, является компиляцией фрагментов четвертого издания сборника «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии» и более поздней работы Дубенского «Как произошел переворот в России», нет необходимости. Можно сделать лишь несколько наиболее важных замечаний.

В первую очередь это касается самого текста «прощального» обращения Николая II к войскам, которое было оформлено в виде приказа начальника штаба генерала Алексева и позднее было запрещено к распространению в войсках. Несмотря на многочисленные статьи и научные издания, в которых данный факт освещен, мы не можем не указать, что оригинальный рукописный текст обращения Николая II хранится в Государственном архиве Российской Федерации и не содержит в себе ни упоминания об отречении от престола, ни упоминания о Временном правительстве: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые войска. В продолжение двух с половиной лет несли вы ежечасно тяжёлую боевую службу.

К вам горячо любимые мною войска обращаются с настоятельным призывом отстоять нашу родную землю от злого противника. Россия связана со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе.

Нынешняя небывалая война должна быть доведена до полного поражения врагов. Кто думает теперь о мире и желает его – тот изменник своего Отечества – предатель его. Знаю, что каждый честный воин так понимает и так мыслит. Исполняйте ваш долг как до сих пор. Слушайте ваших начальников. Всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твёрдо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведёт вас от победы к победе Св. Великомученик и Победоносец Георгий» [5, л. 1–2].

А генерал Алексеев своим приказе за № 371 от 8 марта 1917 года добавил после первого предложения следующий фрагмент: «После отречения Моего за Себя и за Сына Моего от Престола Российского, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему.

Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия» [6].

Также к призыву слушаться начальников были добавлены слова «повинуйтесь Временному Правительству» [6]. При этом, например, на странице в Википедии, посвященной Февральской революции, под заголовком «Прощальный приказ Николая II войскам» до сих пор содержится не текст обращения из записки, а искаженный текст в редакции генерала Алексева.

Цитирование измененного обращения в очерке можно объяснить двумя причинами: либо «очевидца» (Дубенского) не сочли нужным ознакомить с собственноручной запиской Николая II, либо он действовал заодно с генералами, которые умышленно внесли в текст дополнения, призванные легитимизировать Временное правительство в глазах сторонников императора. Однако Дубенский не был единственным очевидцем, который в своих заграничных воспоминаниях привел именно такой текст обращения. То же самое сделал в своем труде «Последние дни Царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.)» В. М. Пронин, во время Февральской революции служивший в Ставке в чине подполковника Генерального штаба. При этом он также утверждал, что приказ был написан лично Государем [7, с. 61–62].

Особое внимание стоит обратить на два фрагмента из анонимного очерка о событиях

начала 1917 года, которые, однако, не вошли в опубликованный в 1922 году труд Дубенского. Первый связан с заочным «оправданием» дворцового коменданта В. Н. Воейкова и противопоставлением его начальнику штаба генералу М. В. Алексееву: «Надо, однако, пояснить, что между Алексеевым и Воейковым существовала громадная разница. Насколько первый был близок к лицам, производившим переворот и осуществлявшим заговор о свержении Царя с трона, настолько второй был предан Государю и безусловно являлся врагом лиц партии предательства.

В. Н. Воейков виновен только в том, что не оценил событий, но он всецело являлся врагом лиц, совершивших измену своему Императору» [2, с. 163].

Второй касается крайне сжатого, но очень показательного описания событий в Пскове 2 марта 1917 года: «Мы не имеем возможности, по обширности материала, изложить во всей подробности описание этих последних страшных исторических дней царствования Императора Николая II, когда Русскому Царю, **окруженному обширной интригой и предательством, пришлось оставить трон** (выделено нами. – Ю. Р.) в дни смуты и революции» [2, с. 159]. Если воспринимать данные слова «очевидца» буквально, то действия генералитета из Ставки и штаба Северного фронта должны были встретить активное противодействие среди лиц свиты, преданной своему Государю, чего, однако, не произошло. В своих мемуарах они предстают защитниками монархии, которым пришлось покориться стремительно развивающимся обстоятельствам. По нашему мнению, Дубенский анонимно сообщал читателю о вовлечении в «обширную интригу и предательство» также и пассажиров литературных поездов, иначе бы император не был «окружен» ей. В совокупности с предыдущим свидетельством «очевидца» о генерале Воейкове можно сделать вывод, что последний, как минимум изначально, не находился на стороне заговорщиков. Фраза, относящаяся к псковским событиям и записанная Николаем II в своем дневнике, вероятно, уже 3 марта, косвенно подтверждает наш вывод о недостойном поведении свиты: «**Кругом** измена и трусость, и обман!» [8, с. 625].

Позднее сам Дубенский, вероятно, дабы не бросать тень на оставшихся в живых очевидцев событий, как автор записок «Как произошел переворот в России» не включил в них данный фрагмент, показывал себя, да и

многих других верными Государю монархистами, повествуя о том, что лично он выступал за политические преобразования в России и введение «ответственного министерства» как меру вынужденную, как средство для противодействия революции, угрожающей перерасти в анархию. Также необходимо отметить, что именно Дубенский был одним из первых авторов версии, что Государь накануне отправления из Могилева, еще вечером 27 февраля, принял решение даровать России то самое «ответственное министерство» и оставалось лишь уладить формальности, что является ложью. Якобы именно поэтому в настроениях или действиях свиты, пусть даже и разделявшей мнение об изменении формы правления страны, не было никакой измены.

Заключение

По результатам исследования текста анонимного очерка «Ставка Верховного главнокомандующего. Два приказа» его автором следует признать бывшего историографа императора Николая II генерала Д. Н. Дубенского. В то же время совершенно незначительные, на первый взгляд, фрагменты данного очерка, не включенные Дубенским в более поздний труд под названием «Как произошел переворот в России», имеют важное значение для более глубокого изучения достоверности мемуаров отдельных лиц свиты императора об их роли в дни Февральской революции.

Первые серьезные удары по репутации «верного монархиста» Дубенского, которого к тому моменту уже не было в живых, были нанесены Л. Китаевым еще в 1927 году на страницах советского сборника документов «Отречение Николая II» [9, с. 7–9]. Между тем Китаев в предисловии к вышеуказанному сборнику лишь сравнил диаметрально противоположное освещение событий Февральской революции в очерке Дубенского и в его собственных показаниях, данных на допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в августе 1917 года, в ходе которого также были процитированы дневниковые записи генерала от конца февраля – начала марта 1917 года.

В связи со всем вышеизложенным роль бывшего царского историографа в крушении монархии и правдивость его заграничных мемуаров необходимо подвергнуть кардинальному пересмотру, чему должно способствовать более детальное исследование очерка «Как произошел переворот в России».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Дубенский, Д. Н.** Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии : в 4 т. / сост. ген.-майор Дубенский. – Петроград : М-во имп. двора, 1915–1916. – Т. 4. : Июль 1915 г. – февраль 1916 г. – 238 с.
2. Ставка Верховного Главнокомандующего. Два приказа // Русская летопись : в 7 кн. – Париж, 1921–1925. – Кн. 1. – С. 156–171.
3. **Дубенский, Д. Н.** Как произошел переворот в России / Д. Н. Дубенский // Русская летопись : в 7 кн. – Париж, 1921–1925. – Кн. 3. – С. 11–111.
4. Допрос Д. Н. Дубенского. 9 августа 1917 года // Падение царского режима : стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П. Е. Щеголева. – 2-е изд., испр. : в VII т. – М. ; Л., 1924–1927. – Т. VI. – С. 373–415.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 601. Оп. 1. Д. 2415.
6. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 2003. Оп. 1. Д. 22.
7. **Пронин, В. М.** Последние дни Царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.) / В. М. Пронин ; под ред. Л. М. Сурица – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 79 с.
8. Дневники императора Николая II / под ред. К. Ф. Шацилло. – М. : Орбита, 1991. – 736 с.
9. Отречение Николая II : Воспоминания очевидцев, документы / ред. П. Е. Щеголева; вступ. статьи Л. Китаева, М. Е. Кольцова. – 2-е изд., доп. репринт. изд. – М. : Сов. писатель, 1990. – 253 с.

Поступила в редакцию 06.02.2023 г.
Контакты: krepkiy333@gmail.com
(Раемский Юрий Алексеевич)

Rayemski Y. A. ON THE ISSUE OF ATTRIBUTION OF THE ESSAY “THE SUPREME COMMANDER’S HEADQUARTERS. TWO ORDERS”

The article provides attribution of the text of an anonymous essay published in Paris in 1921, which describes the events at the Headquarters of the Supreme Commander in Mogilev in August 1915 and February–March 1917. According to the results of the research the author of the text is recognized as General Dubensky.

Keywords: Supreme Commander’s Headquarters, Emperor Nicholas II, Mogilev, World War I, February Revolution, essay, order.

УДК 80:94 (47)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П. А. КУЛАКОВСКОГО**В. А. Апекунов**

аспирант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В данной статье приводится характеристика основных этапов общественно-политической и публицистической деятельности русского учёного-слависта конца XIX – начала XX в. П. А. Кулаковского. В своих многочисленных статьях, заметках и очерках он затрагивал самые актуальные вопросы жизни славянского мира периода конца XIX – начала XX в. На основе материала, опубликованного П. А. Кулаковским на страницах российской периодической печати, делается вывод об активной деятельности учёного в течение нескольких десятилетий, а также о его интересе к актуальным для обозначенного периода времени проблемам не только в самой России, но и во всём остальном славянстве.

Ключевые слова: славяноведение, «Окраины России», «белорусинство», «белорусский вопрос», «польский вопрос», национальное движение, западнорусизм.

Введение

В научном сообществе русский учёный-славист Платон Андреевич Кулаковский (1848-1913 гг.) в известен, прежде всего, как автор крупных работ, посвящённых вопросам национального возрождения южнославянских народов, в первую очередь, сербского и хорватского народов.

Несмотря на то что в своих работах так или иначе он затрагивал фактически все славянские народы, тем не менее значительный период как его жизни, так и его научных изысканий пришёлся именно на южнославянские страны, такие как Сербия и Хорватия. Работы П. А. Кулаковского, посвящённые реформе сербского языка Вука Караджича, а также истории хорватского национального возрождения, были уникальными для российского славяноведения. Это были первые работы, посвящённые данным вопросам и представляющие собой ценный источник по изучению истории и литературы сербского и хорватского народов в конце XVIII – первой половине XIX вв., поскольку П. А. Кулаковский собрал и обобщил огромное количество материала.

© Апекунов В. А., 2023

П. А. Кулаковского характеризовали как учёного, у которого наблюдается «соединение широкого кругозора всестороннего теоретического и практического знатока славянства с более узкой собственно учёной его специальностью – историей сербо-хорватской литературы конца XVIII и первой половины XIX века» [1, с. 4].

Вместе с тем научная деятельность была далеко не единственным, чем на протяжении своей жизни занимался П. А. Кулаковский. В течение нескольких десятилетий он также много публиковался в различных изданиях, сам занимал должности редактора и издателя нескольких газет. Довольно активно учёный преподавал.

Основная часть

Говоря о взглядах П. А. Кулаковского, необходимо заметить, что уже в бытность студентом историко-филологического факультета Московского университета он активно изучал труды ведущих теоретиков западнорусизма, в частности, работы М. О. Кояловича, что в конечном счете сформировало прочный взгляд на некоторые вопросы истории отношений между Россией и славянскими народами, в особенности это касалось «польского вопроса».

Как указывал К. Я. Грот, своими успехами в университете П. А. Кулаковский во многом обязан таким учёным, как О. М. Бодянский, Н. А. Попов, а также А. Л. Дювернуа. Также в Москве будущий славист познакомился с видными деятелями славянофильского движения – И. С. Аксаковым, братьями Самариными (Юрием Фёдоровичем и Дмитрием Фёдоровичем). Тем самым П. А. Кулаковский примкнул к славянофильскому течению общественно-политической мысли России второй половины XIX века.

В 1876 г. учёный отправился в заграничную командировку по славянским странам. Он посетил Прагу, Загреб, Любляну, где занимался изучением истории и литературы западных славян, а именно чехов, словенцев и хорватов.

Кроме того, изучал в этот период времени далматинскую литературу [2, с. 728].

В 1878 г. П. А. Кулаковский вновь был командирован. На этот раз ему предстояло отправиться в Сербию, где он должен был организовать кафедру русского языка и истории русской литературы в Великой школе. Именно «сербский период» в жизни П. А. Кулаковского способствовал его становлению как учёного, поскольку в ходе пребывания в Сербии он собрал материал, послуживший основой для будущих работ.

В этот же период учёный издал хрестоматию «Руска читанка» для улучшения знания русского языка среди сербских студентов Великой школы, где преподавал русский язык и литературу, а также занимал должность преподавателя только открывшейся кафедры русского языка и истории русской литературы.

В «белградский» период своей жизни и деятельности П. А. Кулаковский активно занимался и публицистической работой. Стоит отметить, что П. А. Кулаковский опубликовал за период своего пребывания в сербской столице ряд материалов в различных изданиях. Среди них можно выделить публикации в «Новом времени» и «Журнале Министерства Народного Просвещения» о распространении и преподавании русского языка в Сербии, которые были написаны на основе его отчетов о преподавательской деятельности в этой славянской стране. Кроме того, несколько статей, посвящённых современной учёному политической ситуации в Сербии, П. А. Кулаковский опубликовал также в «Руси» и «Новом времени». Также он публиковал рецензии на ряд сербских изданий в «Русском филологическом вестнике» и «Филологических записках» [3, с. 183].

Во время своего пребывания в Белграде П. А. Кулаковский способствовал распространению среди сербов знаний о жизни русского народа, а также о развитии науки и литературы в России. Так, в период с 1880 по 1881 г. на страницах белградского журнала «Отаџбина» («Родина») появилось пять его так называемых «Писем о современной русской литературе», где учёный не только познакомил читателей с достижениями русской литературы того периода времени, но также изложил основы учения славянофилов, уделил внимание братьям Аксаковым, а также их роли в общественной и культурной жизни России [3, с. 183].

С 1886 г. П. А. Кулаковский занимал должность редактора газеты «Варшавский

Дневник». По словам К. Я. Грота, учёный хотел придать газете характер «органа общеславянских интересов», в связи с чем встречалось много публикаций по тематике «славянского вопроса» [1, с. 11]. Однако в 1892 г. П. А. Кулаковский отказался от редактирования «Варшавского Дневника», предпочтя работу на кафедре славяноведения в Варшавском университете, которую П. А. Кулаковский занимал до 1902 г.

Изучая вопросы национального возрождения в славянских странах, П. А. Кулаковский не мог не обратить внимание не только на то, какие процессы происходят внутри самой Российской империи, тем более что учёный был современником тех значимых политических процессов, которые происходили в России в конце XIX – начале XX в., но также и за её пределами. В этой связи необходимо выделить один аспект национального вопроса, который интересовал П. А. Кулаковского не меньше, чем вопросы национального возрождения славян. Этот аспект был связан с отношением к русскому языку за пределами России. Если в той же Сербии к русскому языку и к русской культуре в целом там относились позитивно, чему в немалой степени способствовал и сам П. А. Кулаковский, находясь в заграничной командировке в Белграде с 1878 по 1882 г., то в Австро-Венгрии ситуация до такой степени поразила учёного, что он в 1900 г. выпустил очерк под названием «Русский язык и литература пред судом в Австро-Венгрии».

Судебные процессы, которые вызвали возмущение у П. А. Кулаковского, произошли в Австро-Венгрии на почве украинофильства в его радикальных проявлениях. Если тот же М. И. Драгоманов, не скрывая своих украинофильских взглядов, всё же никоим образом не умалял значения русской культуры и понимал важность русского языка для славянских народов, то в Галиции и Буковине за изучение русского языка и литературы могли обвинить в «русофильской пропаганде», что и произошло весной 1899 г. в Черновцах.

Ещё в «Варшавском Дневнике» П. А. Кулаковский часто публиковал свои заметки по поводу бедственного положения русских, проживавших на территории Галиции. Кроме того, на опасность стремительно развивавшегося украинского национального движения П. А. Кулаковский указывал ещё в 1890-х гг. на страницах вышеупомянутой газеты.

П. А. Кулаковский в своём издании подробно описывал предпосылки

и причины состоявшегося в итоге судебного процесса над учащимися в черновецких гимназиях. Учителям данных гимназий не нравилось стремление учащихся разговаривать на русском языке и изучать русскую литературу, в связи с чем и разыгрался конфликт, вылившийся в том числе в оскорбление учащихся и их семей. Кроме того, предъявлялось им обвинение и в потворстве панславизму из-за ношения поясов с панславистскими цветами (белым, синим и красным), т.е. теми цветами, которые и поныне используются на государственных флагах большей части славянских государств Европы.

Довольно исчерпывающая информация о ходе процесса позволяет предположить, что учёный был как минимум очень хорошо осведомлён о ходе судебного процесса или же он мог непосредственно присутствовать на суде. Тем более что в том же году П. А. Кулаковский отправился в очередную заграничную командировку, в ходе которой учёный посетил Болгарию, Восточную Румелию, побывал в Константинополе и Белграде. Вполне вероятно, что, узнав о процессе в Австро-Венгрии, он мог оказаться и в Черновцах, однако утверждать это наверняка не представляется возможным.

П. А. Кулаковский замечал: «Само собой разумеется, что в огромной массе русского народа существовали, существуют и будут существовать разновидности, различия в языке, обычаях, даже в вероисповедании, – но эти различия решительно не помешают и впредь, как не помешали нашим предкам в XVII и XVIII столетиях, признавать один русский народ, один русский язык, одну русскую литературу, хотя бы при ней и развивались разные местные народные словесности под руководством русских “фелибров”» [4, с. 36–37]. Из этих слов можно сделать вывод, что для учёного русская литература – это не только произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других русских поэтов и писателей, но и в том числе украинские деятели вроде Т. Г. Шевченко. Здесь учёный ссылался на слова М. И. Драгоманова, который утверждал, что невозможно дать детям литературное образование на одних только произведениях украинского поэта, без знания А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.

Для П. А. Кулаковского эти судебные процессы имели немалое значение, потому как они дали возможность проследить то положение, которое сложилось в Галиции и Буковин-

не по отношению как к русскому населению этих земель, так и к русской культуре в целом. «Черновецкий процесс, – писал учёный, – раскрывает перед нами опасную язву на русском теле, привитую украинофильством, ныне нашедшем сильную поддержку у австро-галицких поляков, играющих влиятельную роль в австрийском правительстве, и отклик в России и нашей печати в виде разных воплей о мало-русской «самостійности», отдельности языка части русского народа, об его особых литературных и культурных задачах» [4, с. 3–4].

Как уже было отмечено ранее, в течение 1890-х гг. П. А. Кулаковский посетил множество славянских стран. К этому необходимо добавить то, что свои впечатления по поводу увиденного в посещаемых странах он оставлял в виде небольших публикаций (заметок, очерков и др.). Учёный активно публиковался в самых разных изданиях, среди которых, помимо «Варшавского Дневника», можно отметить «Московские Ведомости», «Виленский Вестник», «Петербургские Ведомости» и др., что позволяет сделать вывод об активизации общественно-политической и публицистической деятельности учёного с этого периода времени, а также о постепенном уходе от научной деятельности.

В 1902 г. учёный оставляет кафедру славяноведения в Варшавском университете, но при этом он был назначен главным редактором газеты «Правительственный Вестник», тем самым обосновываясь в Санкт-Петербурге. Данную должность он занимал до 1905 г. А с 1903 г., когда вышла его последняя научная работа на историческую тематику «Начало русской школы у сербов в XVIII веке», и вплоть до конца своей жизни П. А. Кулаковский больших и серьёзных работ на историческую тематику уже не писал.

Одной из самых значимых страниц в биографии П. А. Кулаковского является членство учёного в Санкт-Петербургском Славянском Благотворительном обществе. С данной организацией П. А. Кулаковский контактировал ещё со времён своей командировки в Сербию. Там учёный предпринимал попытки открытия в Белграде русской читальни, однако в силу определённых трудностей, в особенности финансовых, ему пришлось ограничиться лишь открытием русского книжного отделения при белградской народной читальне. Данной идее поспособствовали как Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество, членом которого, к слову, П. А. Кулаковский стал

несколько позднее, в 1887 г., так и архимандрит Нестор (Попович) – председатель общества читальни [5, с. 81].

Кроме того, Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество послало книги для студенческой и профессорской библиотек Великой школы. Этого было, впрочем, всё ещё недостаточно, но всё же в какой-то степени позволило обогатить библиотеку учебного заведения.

Новый этап деятельности П. А. Кулаковского в Санкт-Петербургском славянском благотворительном обществе начался с момента избрания учёного 14 мая 1907 г. в Совет общества, а год спустя он стал товарищем (заместителем) председателя общества.

Также П. А. Кулаковский выступал с многочисленными лекциями на различные темы, посвящённые общей проблематике «славянского вопроса», которые впоследствии печатались в «Известиях Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества», известных также как «Славянские Известия». Так, в частности, учёный читал лекцию на тему «Пётр Первый и русский язык у славян», которая впоследствии частично легла в основу последнего крупного издания П. А. Кулаковского под названием «Начало русской школы у сербов в XVIII веке», изданного в декабре 1903 г. Там учёный подробно останавливался на деятельности Максима Терентьевича Суворова – основателя русской школы в Сербии. М. Т. Суворов появился после того, как митрополит Белградский Моисей Петрович отправил соответствующее письмо русскому царю Петру I с просьбой прислать людей, а также средства на обустройство этой школы. Так М. Т. Суворов в итоге и оказался в Сербии, привезя с собой русские книги и учебники.

П. А. Кулаковский в своей книге высоко оценивает значение основания М. Т. Суворовым русской школы в Сербии, заявляя, что, «она положила истинное начало тому резко выраженному влиянию русской образованности и литературы на сербов, которое мы видим более, чем столетие, после этого, как в содержании и характере сербской словесности, так особенно в её языке» [6, с. 168]. Более того, учёный делает вывод о том, что помимо благотворного, как он считал, влияния русского языка и литературы на сербов, мысль о замене «русско-славянского», т.е. «славяно-сербского», языка народным была поддержана именно преобразованиями языка русской литературы.

Затрагивал в своих лекциях П. А. Кулаковский и актуальные для того периода времени политические вопросы. Так, в одной из лекций на тему «Значение Босно-Герцеговинского вопроса для России и Славянства» в 1908 г. он называл протекавший на Балканах Боснийский кризис 1908 г. не чем иным, как очередным проявлением борьбы Запада и Востока, борьбы двух христианских миров. Причём в своей речи П. А. Кулаковский подробно останавливается не столько на сущности непосредственно самого кризиса, начавшегося ещё с момента подписания Берлинского договора в 1878 г., завершившего русско-турецкую войну 1877–1878 гг., сколько на давней истории проникновения католицизма на славянские земли, и в частности в Боснию [7, с. 326].

Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество было не единственной организацией, в которую входил П. А. Кулаковский. Так, 27 апреля 1908 г. в Санкт-Петербурге начало свою деятельность «Русское окраинное общество», провозгласившее своей целью «содействие укреплению русской государственности, культуры и народности на окраинах, а также в тех местностях, где такое содействие может оказаться необходимым». Здесь нужно отметить, что один из отделов РОО открылся в Вильно, а П. А. Кулаковский стал, по сути, одним из наиболее значимых деятелей РОО в Северо-Западном крае.

В 1911 г. Кулаковский стал товарищем председателя «Союза славянских журналистов», находившегося в Белграде, а в феврале 1912 г. он стал членом Главного совета Всероссийского национального союза. Известен учёный и как издатель газеты «Окраины России», на страницах которой П. А. Кулаковский печатал множество статей, посвящённых в том числе тем или иным аспектам жизни белорусских земель.

Газета «Окраины России» выходила с марта 1906 г., а целью данного издания было поддержание и укрепление борьбы за «единство, нераздельность и целостность России». Во вступительной статье П. А. Кулаковским были обозначены несколько положений, которые стали идеологической основой «Окраин России». Во-первых, Россия – государство русское и по характеру, и по имени, и по задачам своей истории. Во-вторых, окраины для России жизненно необходимы, поскольку любое их ослабление связей с центром «чревато напряжением сил русского народа». В-третьих, окраины должны стремиться к сбли-

жению с центром, а не к отделению, в силу самосохранения и спасения своего народного облика [8, с. 6].

Газета «Окраины России» издавалась с 5 марта 1906 года по декабрь 1912 года. В редакционной статье было заявлено, что это политическая, общественная и литературная газета, которая будет выходить один раз в неделю. Целевую аудиторию газеты составляли преимущественно жители крупных городов, центров губерний, но при этом для редакции было важно, чтобы газета распространялась среди русского населения и в тех регионах, где национальный вопрос стоял достаточно остро – в первую очередь речь идет о Царстве Польском, а также Северо-Западном крае.

Публикации принадлежали авторам, которые составляли ядро редакции «Окраин России», в частности, П. А. Кулаковскому. Всего за время существования «Окраин России» им было написано более 50 статей. Всего к 1912 г., т.е. к моменту прекращения издания газеты, она насчитывала 70 корреспондентов. Самыми известными и активными, помимо самого П. А. Кулаковского, являлись профессор М. М. Бородкин, профессор А. С. Будилович, П. Г. Бывалькевич и другие.

Анализ публикаций учёного за период с 1906 по 1912 г. позволяет сделать вывод, что наибольший интерес у автора вызывал так называемый «польский вопрос». При этом Кулаковским поднимались самые различные и актуальные для того периода времени проблемы. Так, среди его работ были статьи об истории русско-польских отношений, сюжеты по славянскому вопросу, в частности, об отношении польских общественно-политических деятелей к идее объединения славян в теории и на практике, во время проведения многочисленных Славянских съездов, за которыми П. А. Кулаковский очень внимательно следил. На одном из таких съездов среди прочих затрагивался вопрос о белорусах и белорусском языке [9, с. 37].

Центральное место в борьбе с белорусским национальным движением занимала борьба с газетой «Наша Ніва». Как прием подавления, неприятия в отношении данного печатного издания использовался термин «газетка», который употреблял в том числе и сам П. А. Кулаковский, а статьи определены как «коварные песни о сепаратизме», «грустное явление белорусского сепаратизма». Дозвол правительством издания данного печатного органа расценивался как желание «пагубы бе-

лорусов». При этом в «Окраинах России» отмечалось, что в «Нашай Ніве» есть статьи против ополячения, «достаётся в ней и польским панам, но как-то мягко, нежно...». Монархическая пресса расценивала это как популизм, так как «народ... читать не станет, если не будет чего-либо против поляков» [10, с. 307].

Особое негодование «Окраин России» вызывала позиция «Нашай Нівы», доказывающая существование белорусского языка. П. А. Кулаковский не считал газету «Наша Ніва» тем фактором, который бы доказывал, по его мнению, существование белорусского языка. В качестве аргумента учёный ссылался на работы Е. Ф. Карского, когда заявлял о наличии всего лишь белорусского наречия, но никак не целого языка.

В 1912 году редакцией было решено приостановить выпуск газеты. П. Г. Бывалькевич и П. А. Кулаковский, подводя на страницах газеты общие итоги, отмечали ту огромную роль, которую сыграло издание в деле привлечения внимания к положению «русского населения» Северо-Западного края. По мнению редакции газеты, именно благодаря деятельности органов периодической печати, подобных «Окраинам России», удалось убедить правительство принять меры к защите прав «русского народа» в западных губерниях империи. Поэтому, с их точки зрения, необходимости в дальнейшем выпуске «Окраин России» не было [11, с. 105]. Тем не менее возможность возобновления выпуска газеты допускалась, но лишь в случае острой необходимости.

Заключение

Таким образом, деятельность русского учёного-слависта П. А. Кулаковского не ограничивалась работой над научными публикациями. Значительную часть жизни он также занимался издательской, а также общественно-политической деятельностью, о чём говорят как многочисленные публикации учёного на страницах различных изданий, так и членство П. А. Кулаковского в таких организациях, как «Русское окраинное общество», Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество и др.

Публикации П. А. Кулаковского самого разного характера, издававшиеся на страницах российской периодической печати, показывают, что учёного интересовали самые разные составляющие жизни славянского мира, а также актуальные проблемы не только в самой Российской империи, но и во всём остальном славянстве.

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ
ИСТОЧНИКОВ**

1. **Грот, К. Я.** Платон Андреевич Кулаковский / К. Я. Грот. – СПб. : Сенатская типография, 1914. – 28 с.
2. **Лаптева, Л. П.** История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. / Л. П. Лаптева. – М. : Индрик, 2012. – 839 с.
3. **Данченко, С. И.** К вопросу о публицистической деятельности П. А. Кулаковского / С. И. Данченко // Славяне и Россия, 2014. – С. 174–186.
4. **Кулаковский, П. А.** Русский язык и литература пред судом в Австро-Венгрии / П. А. Кулаковский. – Вильна : Тип. М. Дворжеца, 1900. – 63 с.
5. **Данченко, С. И.** Деятельность П. А. Кулаковского в Белградской Великой школе в 1878–1882 гг. (К 100-летию со дня кончины русского учёного) / С. И. Данченко // Славянский мир в третьем тысячелетии, 2013. – С. 77–93.
6. **Кулаковский, П. А.** Начало русской школы у сербов в XVIII веке: Очерк из истории русского влияния на югославянские литературы / П. А. Кулаковский. – СПб. : Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1903. – 176 с.
7. **Кулаковский, П. А.** Значение Босно-Герцеговинского вопроса для России и Славянства // Славянские Известия. – 1908. – № 7. – С. 325–332.
8. **П. К.** [П. А. Кулаковский] Значение русского племени в России // Окраины России. – 1906. – 5 марта. – № 1. – С. 6.
9. **Кулаковский, П. А.** Славянские съезды и польский вопрос / П. А. Кулаковский. – СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, 1910. – 55 с.
10. **Кулаковский, П. А.** Новый вид сепаратизма – белорусофильство / П. А. Кулаковский // Окраины России. – 1907. – № 20. – С. 305–308.
11. **Бондаренко, К. М.** Русские и белорусские монархисты в начале XX века : монография / К. М. Бондаренко, Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.

Поступила в редакцию 14.04.2023 г.

Контакты: foxarcher5@gmail.com (Апекунов Владислав Александрович)

**Apekunov V. A. MAIN DIRECTIONS OF
P. A. KULAKOVSKY'S SOCIO-POLITICAL
AND JOURNALISTIC ACTIVITY**

The article describes the main stages of socio-political and journalistic activity of the Russian scientist of the late XIX – early XX century P. A. Kulakovsky. In his numerous articles, notes and essays, he touched upon the most pressing issues of the life of the Slavic world during the late XIX – early XX century. Considering the material published by P. A. Kulakovsky in the Russian periodicals, the author draws the conclusion about the active work of the scientist for several decades and his interest in the urgent problems of the designated period of time not only in Russia, but also in the rest of the Slavic world.

Keywords: Slavic studies, «Outskirts of Russia», «Belarusianism», «Belarusian question», «Polish question», national movement, Western Russianism.

УДК 1 (476) (091) + 2 (476)

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В. В. Старостенко

кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и философии
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена исследованию специфики актуального состояния Белорусской православной церкви в Гродненской области современной Беларуси. На основе широкого статистического материала показаны тенденции и динамика регионального развития конфессии в контексте областного и республиканского религиозного пространства.

Ключевые слова: Белорусская православная церковь, Гродненская область, религия, конфессия, православие, религиозная община, религиозные процессы, конфессиональная динамика.

Введение

Наиболее распространенной и влиятельной конфессией на территории современной Беларуси, включая ее западный регион, в том числе Гродненскую область, является православие. Основной институциональной формой, республиканским религиозным объединением выступает Белорусский Экзархат Московского Патриархата, или Белорусская православная церковь (БПЦ). Белорусский Экзархат был создан 16 октября 1989 г. определением Архиерейского Собора Русской православной церкви, значимость Гродно как одного из центров белорусского православия была отражена в титуле Экзарха всея Беларуси митрополита Филарета – «Митрополит Минский и Гродненский, Патриарший экзарх Белоруссии».

БПЦ фактически имеет статус ведущей «традиционной» конфессии, что отражено в преамбуле профильного закона, регламентирующего религиозную сферу республики – «О свободе совести и религиозных организациях», где декларируется «определяющая» роль Православной церкви «в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа». Религиозная ситуация в современной Гродненской области своей выраженной особенностью имеет конкуренцию главным образом двух конфессий – православия и католицизма. Римско-католическая церковь аккумулирует

в регионе более 35% общереспубликанской численности своих общин и является второй по распространению в области религиозной организацией, сегмент которой по сравнению с другими областями наиболее близок к БПЦ [1, с. 97]. Гродненщина – одна из двух областей республики, где БПЦ имеет удельный вес, не превышающий половины действующих общин всех конфессий.

Основная часть

Современная структура православной церкви Гродненской области формируется с 1992 г., когда решением Священного Синода Русской православной церкви создаются Гродненская епархия и Новогрудская епархия. В 2014 г. из состава Новогрудской была выделена третья епархия в области – Лидская. Территория епископий соответствует административным единицам – районам Гродненщины. Гродненская епархия (правлящий архиерей с 2021 г. – архиепископ Гродненский и Волковысский Антоний (Доронин)) включает Гродненский, Берестовицкий, Волковысский, Вороновский, Зельвенский, Мостовский, Свислочский и Щучинский районы области. Новогрудская епархия (правлящий архиерей с 1996 г. – архиепископ Новогрудский и Слонимский Гурий (Апалько)) заключена пределах Новогрудского, Дятловского, Кореличского и Слонимского районов, Лидская (правлящий архиерей с 2014 г. – епископ Лидский и Сморгонский Порфирий (Преднюк)) – в пределах Лидского, Ивьевского, Островецкого, Ошмянского и Сморгонского районов области.

Общины БПЦ действуют во всех районах (включая районные центры) Гродненщины, их наибольшее число в середине второго десятилетия 2000-х гг. было зарегистрировано в Лидском и Слонимском (по 19), Гродненском (18), Новогрудском (16), Щучинском (15), Волковыском (14) и Сморгонском (13) районах и г. Гродно (13), а наименьшее – в Ошмянском (4), Вороновском и Островецком (по 3 общины) районах области. В ряде районов БПЦ

уступает по количеству общин Римско-католической церкви, своему основному в области конфессиональному конкуренту – в Гродненском, Щучинском, Ивьевском, Ошмянском, Вороновском и Островецком, а близкую численность организаций эти церкви имеют в Лидском (19 и 18) и Зельвенском (7 и 5) районах, г. Гродно (13 и 12 соответственно).

В условиях, когда БПЦ – наиболее значительное по численности религиозных общин направление как в республике в целом, так и

во всех ее регионах [2, с. 92], ее представительство на Гродненщине (210 общин, или около 12%) уступает по состоянию на 2020 г. всем другим областям, кроме Могилевской (137, или 8%), а также г. Минску (48, или 3%). Значительно большие региональные сегменты конфессии на Брестчине (389, или 23% от численности в республике), Минщине (387, или 23%), Витебщине (297, или 17%), Гомельщине (241, или 14%) [3, с. 150; 4; 5] (Рисунок 1, Рисунок 2).

Рисунок 1 – Количество общин БПЦ в регионах Беларуси на 1 января 2020 г.

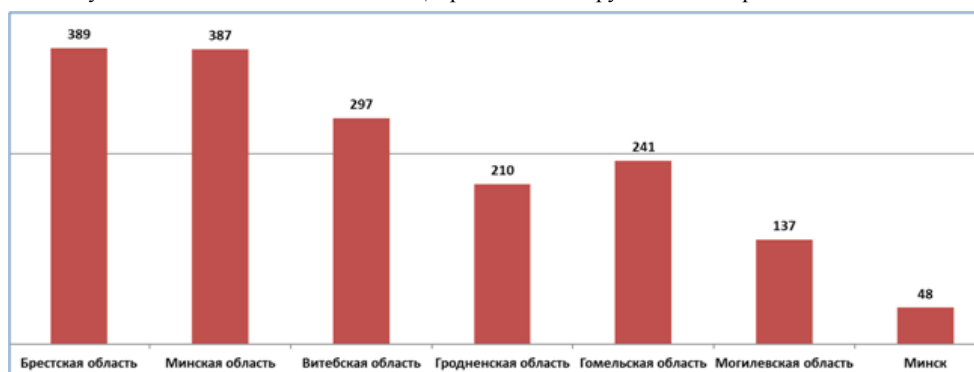
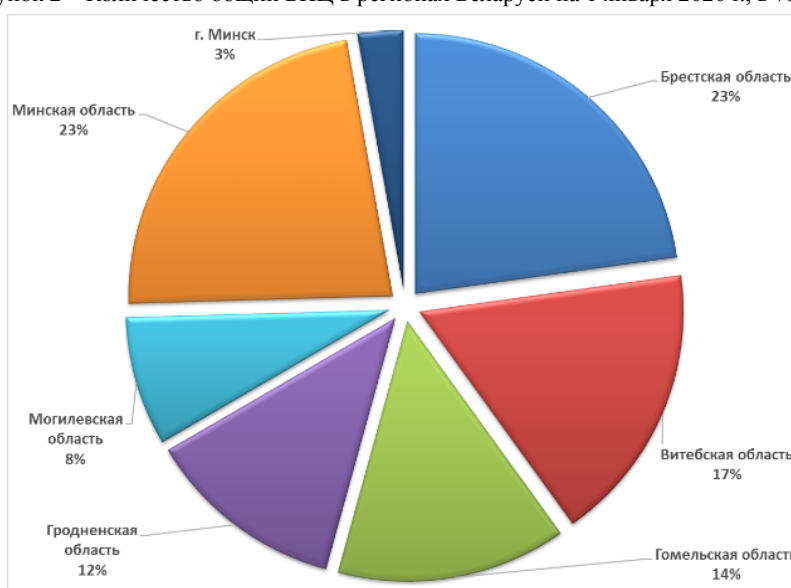

Рисунок 2 – Количество общин БПЦ в регионах Беларуси на 1 января 2020 г., в %

Удельный вес общин БПЦ Гродненской области в общереспубликанской численности общин этой конфессии на протяжении 2000-х гг. претерпевал определенные изменения, уменьшившись с 14,93% до 12,29% (Таблица 1). Связано это с опережающим

ростом активности православия в восточных регионах Беларуси. Так, сегмент общин БПЦ в Витебской области вырос за этот период с 14,57% до 17,38%, в Гомельской – с 13,08% до 14,10%, в Могилевской – с 6,06% до 8,02%.

Таблица 1 – Общины БПЦ в Гродненской области на 1 января 2000–2021 гг. от республиканской численности, в %

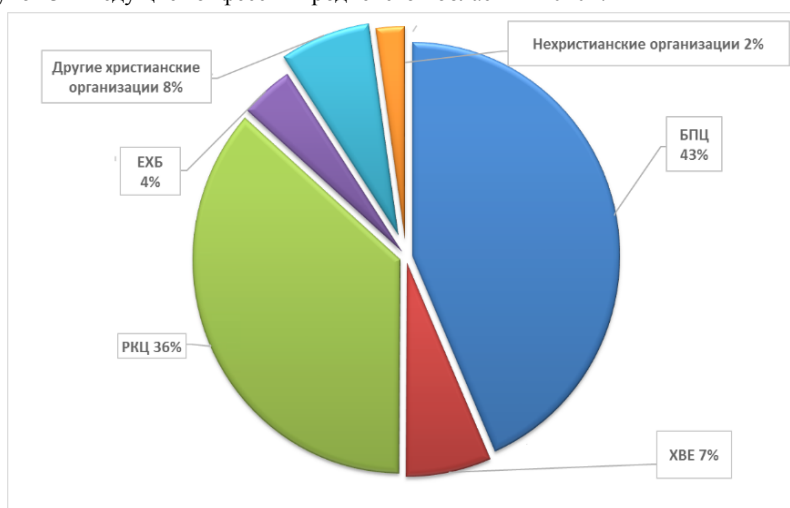
Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество общин, %	14,93	14,68	14,46	14,07	13,8	13,54	13,42	13,15	12,86	12,49	12,33	12,30	12,38	12,17	12,07	12,11	12,12	12,10	12,09	12,25	12,29

Диаметрально противоположная картина соотношения конфессий складывалась в данный период на региональном уровне.

В общем объеме религиозных общин всех конфессий региона доля общин БПЦ в Гродненской области перманентно увеличивалась. В 2000 г. она достигла 38,64%, в 2010 г. – 40,79%, а в 2020 г. составляла около 43,48%

(Рисунок 3), что, тем не менее, значительно ниже, чем в республике в целом (около 50%). По этому показателю по сравнению с другими регионами страны Гродненщина уступает всем им, кроме г. Минска (около 31%): на Гомельщине около 57%, около 55% на Минщине, около 53% на Витебщине, около 51% на Брестщине, около 47% на Могилевщине.

Рисунок 3 – Ведущие конфессии Гродненской области в 2020 г.

В благоприятных условиях преферентной государственной политики организационному строительству БПЦ в 2000-х гг. свойственна несколько более устойчивая, по сравнению с другими конфессиями, положительная динамика развития. Если в 2000 г. на Гродненщине насчитывалось 170 церковных

приходов, в 2010 г. – 186, то в 2020 г. – 210 (Таблица 2; Таблица 3), т.е. наблюдался рост в 1,2 раза, тогда как в целом на Гродненщине рост всех конфессий составил 1,1 раза. При этом региональный рост БПЦ уступал общереспубликанскому: в Беларуси в целом количество общин БПЦ увеличилось в 1,5 раза.

Таблица 2 – Общины БПЦ в Гродненской области на 1 января 2000, 2010, 2020 гг.

Регион	2000 г.				2010 г.				2020 г.			
	количество общин БПЦ	количество общин всех конфессий	доля общин БПЦ от количества общин всех конфессий, %	доля от республиканской численности общин БПЦ, %	количество общин БПЦ	количество общин всех конфессий	доля общин БПЦ от количества общин всех конфессий, %	доля от республиканской численности общин БПЦ, %	количество общин БПЦ	количество общин всех конфессий	доля общин БПЦ от количества общин всех конфессий, %	доля от республиканской численности общин БПЦ, %
Гродненская область	170	440	38,6	14,9	186	456	40,8	12,3	210	483	43,5	12,3
Республика Беларусь	1139	2518	45,2	X	1506	3106	48,6	X	1709	3389	50,4	X

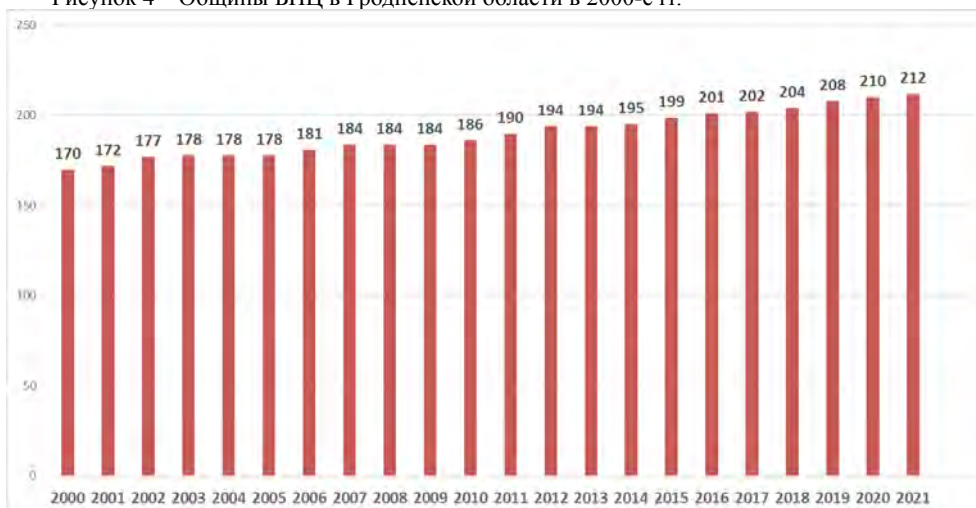
Таблица 3 – Общины БПЦ в Гродненской области на 1 января 2000–2021 гг.

Регион	Количество общин																						
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	
Гродненская область	170	172	177	178	178	178	181	184	184	184	184	186	190	194	194	195	199	201	202	204	208	210	212
По республике	1139	1172	1224	1265	1290	1315	1349	1399	1431	1473	1509	1545	1567	1594	1615	1643	1659	1670	1687	1698	1709	1714	

В 2000-х гг. в республике в целом и в Гродненской области в частности сохраняется перманентный рост числа общин БПЦ (Рисунок 4). Но если конфессиональному пространству современной Беларуси в целом свойственно снижение темпов ежегодного

прироста количества религиозных организаций [6, с. 580–581] и эта тенденция даже активизируется во втором десятилетии 2000-х гг. [7; 8, с. 48], то БПЦ Гродненской области, напротив, демонстрирует сохранение положительной динамики роста.

Рисунок 4 – Общины БПЦ в Гродненской области в 2000-е гг.

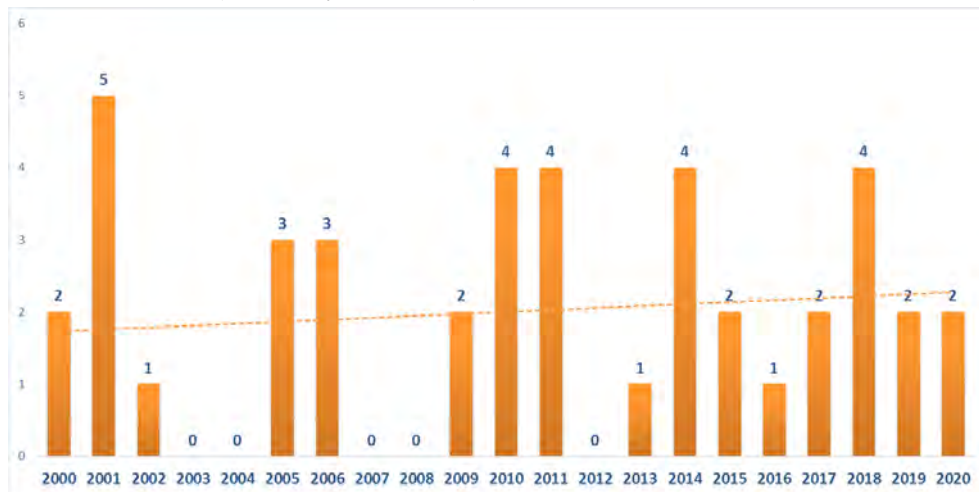
Так, если за первую половину (2001–2010 гг.) рассматриваемого периода было создано 18 общин, то за 2011–2020 гг. – 22; за сопоставимые пятилетние периоды 2001–

2005 гг. и 2006–2010 гг. – по 9 общин, а за периоды 2011–2015 гг. и 2016–2020 гг. – по 11 общин (Таблица 4; Рисунок 5).

Таблица 4 – Количество регистрируемых по годам религиозных общин БПЦ в Гродненской области в 2000-х гг. (в течение указанных лет)

Годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Количество общин	2	5	1	0	0	3	3	0	0	2	4	4	0	1	4	2	1	2	4	2	2

Рисунок 5 – Количество регистрируемых по годам религиозных общин БПЦ в Гродненской области в 2000-х гг. (в течение указанных лет)

Наряду с религиозными общинами в епархиях БПЦ Гродненской области функционируют координирующие их деятельность 19 благочиний (церковных округов). По конфессиональным данным, наибольшее их число (9) в Гродненской, по 5 – в Новогрудской и Лидской епархиях. В 2000-х гг. заметно – со 185 в 2003 г. до 266 в 2020 г. – возросло количество используемых в регионе культовых зданий. В церковных структурах занято 257 священнослужителей (169 в 2003 г.). Действуют 3 епархиальных монастыря, а ставропигиальный статус имеют Гродненский Рождество-Богородичный женский монастырь и Жировичский Свято-Успенский мужской монастырь.

Заключение

Современная структура православия на Гродненщине, представленная тремя епархиями БПЦ, складывается в государственно-конфессиональных пределах Республики Беларусь с 1992 г., епархиальное деление соответствует внутренним административным границам области.

Гродненский сегмент совокупного белорусского православия уступает по количеству общин другим областям республики, кроме Могилевской, а также г. Минску, в 2000-х гг. он претерпевал сокращение в условиях роста конфессиональной активности восточной Беларуси.

Православная церковь является относительно преобладающей, но не доминирующей конфессией региона, ее историческим конкурентом выступает Римско-католическая цер-

ковь. Религиозные общины действуют во всех районах области, лишь в шести из них уступая по численности общинам католицизма.

В 2000-х гг. БПЦ Гродненщины сохранила, по сравнению с другими религиозными направлениями, наиболее заметный рост численности приходов, а также обеспечила региональный рост удельного веса своих общин, доля которых в общем объеме религиозных общин всех конфессий превысила 43%. Несмотря на то что индекс регионального роста численности общин БПЦ Гродненщины уступал общереспубликанскому, в 2000-х гг. конфессия региона демонстрировала сохранение положительной динамики роста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Старостенко, В. В.* Конфессиональная специфика регионов Республики Беларусь : религиозная структура и динамика развития / В. В. Старостенко // *Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. – 2022. – № 2 (60). – С. 95–100.
2. *Старостенко, В. В.* Особенности региональной структуры и динамика развития Белорусской православной церкви в восточной Беларуси в 2000-х гг. / В. В. Старостенко // *Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)* – 2019. – № 2 (54). – С. 91–97.
3. *Старостенко, В. В.* Особенности конфессиональной структуры Брестской области Республики Беларусь / В. В. Старостенко // *Религия и общество – 15 : сборник научных статей*

/ под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко, Э. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2021. – С. 148–151.

4. **Старостенко, В. В.** Состояние и тенденции развития Белорусской православной церкви в Минской области Республики Беларусь / В. В. Старостенко // Чтения имени А. С. Дембовецкого. 755-летию Могилева посвящается: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Белорус.-Рос. ун-т; редкол.: М. Е. Лустенков (гл. ред.) [и др.]. – Могилев: Белорус.-Рос. ун-т, 2022. – Ч. 1. – С. 157–163.

5. **Старостенко, В. В.** Специфика конфессиональной структуры Могилевской области в контексте религиозного пространства Республики Беларусь 2000-х годах / В. В. Старостенко // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў XII Міжнар. навук. канф., 25–26 чэрвеня 2021 г., г. Магілёў / уклад. І. А. Пушкін. – Магілёў : БДУТ, 2021. – С. 228–235.

6. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 5. Национальная государственность на переломе эпох (вторая половина XX – начало XXI в.) / А. А. Коваленя [и др.]; отв. ред. тома Н. В. Смехович; Национальная академия наук Беларуси, Институт истории. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 759 с.

7. **Старостенко, В. В.** Восточная Беларусь в конфессиональном измерении: монография /

В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – 223 с.: ил.

8. **Старостенко, В. В.** Тенденции развития конфессиональных процессов в Гродненской области Республики Беларусь / В. В. Старостенко // Копытинские чтения – V : сборник статей Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. В. Табунова, А. М. Авласовича. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2022. – С. 48–49.

Поступила в редакцию 9.05.2023 г.

Контакты: starostenko@msu.by

(Старостенко Виктор Владимирович)

Starostenko V. V. DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN ORTHODOX CHURCH IN GRODNO REGION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article is devoted to the study of the specifics of the current state of the Belarusian Orthodox Church in Grodno region of modern Belarus. On the basis of statistical material, the trends and dynamics of the regional development of the confession in the context of the regional and republican confessional space are shown.

Keywords: Belarusian Orthodox Church, Grodno region, religion, confession, Orthodoxy, religious community, religious processes, confessional dynamics.

ИСТОРИЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ АДВЕНТИЗМА НА МОГИЛЁВЩИНЕ: 1906–1991 гг.

О. В. Габрусевич

аспирант

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В данной статье на основании документальных источников, хранящихся в архивах Республики Беларусь и Российской Федерации, представлена история становления и развития Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня в Могилёвской области от Указа Николая II 1906 г. «Об укреплении начал веротерпимости» до распада СССР в 1991 г.

Ключевые слова: религия, религиозная община, конфессия, протестантизм, адвентисты седьмого дня, Беларусь, Могилёв.

Введение

Адвентизм – сравнительно давняя институциональная форма протестантизма в Беларуси. Официальный статус легальной христианской конфессии на белорусских землях адвентисты получили в 1906 г., вследствие Указа российского императора Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» [1]. Этим указом в Российской империи была провозглашена религиозная свобода и открыты новые возможности для развития адвентистской церкви в том числе и на территории белорусских губерний. По состоянию на 01.01.2023 г. Республиканское Религиозное объединение «Конференция Церквей Христиан Адвентистов Седьмого Дня в РБ» насчитывает 73 общины. Это пятая по численности конфессия в Республике от общего числа религиозных общин в стране [2].

Могилёвская область является наименьшей по количеству зарегистрированных религиозных общин, которые составляют 8,72 % от общего числа всех общин в Беларуси [2]. По данным на 01.01.2023 г., в Могилевской области действуют 6 общин АСД: в Могилёве – 2 общины, в Бобруйске, Кричеве, Осиповичах и Шклове по 1, имеются 5 адвентистских молитвенных зданий, пасторское попечение совершают 4 священнослужителя [2].

Актуальность исследования, прежде всего, определяется имеющейся в отечественной истории и религиоведении лакуной, касающейся исследования зарождения и

исторического развития церкви христиан адвентистов седьмого дня (далее – АСД) на территории Могилёвской области. В отечественной историографии на данный момент нет ни одного специализированного исследования, посвящённого истории белорусского адвентизма.

Целью данной статьи является исследование истории возникновения, становления и развития церкви адвентистов седьмого дня в Могилёвской области от Указа Николая II 1906 г. «Об укреплении начал веротерпимости» до распада СССР в 1991 г.

Основная часть

В Российской империи, в состав которой входили белорусские земли, адвентистское движение появилось во второй половине 80-х гг. XIX столетия. В 1901 г. в России насчитывалось 37 адвентистских общин, 1288 членов церкви и 13 проповедников [2].

В белорусских губерниях адвентизм зародился на рубеже XIX и XX столетий. Первый известный обряд водного крещения на территории Беларуси был совершён в 1902 г. [1]. На белорусские земли адвентистское учение стало проникать преимущественно через миссионеров из соседних губерний. Что касается возникновения адвентизма непосредственно на Могилёвщине, то у нас есть следующее архивное свидетельство: согласно статистическим сведениям Департамента Духовных Дел МВД в 1906 г. в Могилёвской губернии было 17 адвентистов [3]. 17 апреля 1905 г. по высочайшему повелению Николая II были отменены ограничения для приверженцев неправославных течений. Через год Российский император подписал указ об официальном признании церкви адвентистов седьмого дня [1]. Несмотря на некоторые послабления к верующим со стороны правительства и государственной церкви, христиане «сектантских» направлений испытывали немалые трудности. К примеру, переход из православия в инославие разрешался только с одобрения губернатора.

Сохранились немногочисленные документы царского периода, свидетельствующие о принятии адвентистского вероучения в Могилёвской губернии. Так, к примеру, «Могилёвские епархиальные ведомости» № 17 за 1 сентября 1912 г. информируют о переходе из православия в адвентизм двух человек [4, с. 587]. В документе Могилёвской духовной консистории «Об отметке в метрических книгах о переходе из православия в секту адвентистов Ефросинии Даниловны Белоусовой» говорится, что в 1915 г. в возрасте 28 лет Е. Д. Белоусова из Речицкого уезда, оставив православие, приняла адвентистское учение [5]. Известно, что на территории белорусских губерний с начала XX ст. по 1917 г. адвентистские общины существовали в Минске, Витебске и Гродно. Места собраний адвентистских групп того времени на Могилёвщине на данный момент не выявлены.

С началом Первой мировой войны положение адвентистов значительно ухудшилось. Штундисты, баптисты, адвентисты и другие «сектантские» движения считались враждебными по отношению к господствующей идеологии. Правительство видело в них прямую угрозу устоев государственности и православия [6]. К этому времени в Российской империи насчитывалось 200 адвентистских общин с общим количеством членов церкви 7795 человек [2]. Известно, что в общей сложности было призвано из России на военную службу около 500 адвентистов. Большинство из них попали в нестроевые части. Около семидесяти членов церкви АСД, среди которых четверо из Минской губернии, за отказ брать в руки оружие, были отправлены в дисциплинарные батальоны, на каторжные работы и в тюрьмы [7].

Свершившаяся в 1917 г. Февральская революция в лице новой власти – Временного правительства – принесла свободу христианским конфессиям. Новый государственный строй возвестил начало полной религиозной свободы. С установлением власти большевиков, произошедшей в результате Октябрьской революции, на заседании Совнаркома РСФСР 20 января 1918 г. под председательством В. И. Ульянова (Ленина) было принято решение «Об отделении церкви от государства». На первый взгляд, такое решение должно было стать позитивным шагом в государственно-церковных отношениях, однако этого не произошло, так как советская власть, осуществляющая атеистическую идеологию, вела

дискриминационную политику по отношению к религии, церквям и священнослужителям.

В первое десятилетие своего развития, в период НЭПа, советская власть была снисходительна и даже благосклонна относилась к протестантским движениям. На территории советской Белоруссии до 1925 г. протестанты практически не преследовались, до 1927 г. они свободно проводили съезды, конференции, осуществляли миссионерскую и издательскую деятельность [8]. Но уже к концу 20-х гг. активизировалась мощная антирелигиозная кампания, а в начале 30-х гг. в стране начались репрессии. В 1925 г. был создан «Союз воинствующих безбожников», просуществовавший вплоть до 1947 г. Постановлением ВЦИК от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» была максимально ограничена деятельность церковных общин, запрещена просветительская и благотворительная работа. Запрещалось также проведение детских, юношеских, молитвенных и других собраний, издание религиозной литературы, создание библиотек, изучение Библии вне церковных зданий. Религиозные организации были объявлены проводниками буржуазного влияния, сторонниками «кулацко-непманской агентуры» и врагами народа. Храмы, мечети, синагоги и молитвенные дома, закрывались (либо перепрофилировались под клубы, зернохранилища, складские помещения, либо вообще уничтожались). По официальным данным, в 1926 г. в БССР действовали 49 протестантских общин, в 1930 г. 89 общин, а к началу 1938 г. не осталось ни одной [8].

Одним из важнейших мест развития адвентизма на Могилёвщине в период после Октябрьской революции становится Мстиславский район. Первым адвентистом в этом районе был Пётр Тимофеевич Морозов, уроженец села Будаево Смоленской губернии 1892 года рождения. В 1914 г. в возрасте двадцати двух лет Пётр Морозов в качестве кавалериста был призван в армию и отправлен на фронт. Позже, в 1917 г., находясь вместе со своими сослуживцами в Петрограде, он увлёкся идеями В. И. Ленина и примкнул к большевистскому движению. 25 октября 1917 г. Морозов участвовал в штурме Зимнего Дворца, получил ранение и был госпитализирован. Во время лечения сосед по палате, исповедовавший баптизм, подарил ему Библию [2]. После выздоровления Пётр Тимофеевич женился и уехал на родину своей супруги в деревню Новое Село Мстиславского района. Изучение би-

блейских книг оказало существенное влияние на его мировоззрение. Читая Библию, Пётр осознал важность соблюдения субботнего дня как заповеди Божьей. Согласно свидетельству его внука, Павла Морозова, к тому моменту ему было известно о существовании христиан, соблюдающих субботу. В 1920 г. П. Т. Морозов решил лично познакомиться с христианами-«субботниками». Для этого он предпринял поездку в Москву, отыскал в столице Малый Вузовский переулок, где находился протестантский молитвенный дом, в котором по субботам проводили богослужение адвентисты седьмого дня [2].

В Москве П. Морозов познакомился с пастором АСД Г. А. Григорьевым. Утвердившись в адвентистском учении, Пётр в конце 1920 г. принял обряд водного крещения. Позже адвентистской стала и его супруга – Прасковья Никоновна. В семье Морозовых родились дочь и трое сыновей. Известно, что в Мстиславском районе до Второй мировой войны, кроме четы Морозовых, к адвентистам также принадлежали Кондратенко Василий Прокопьевич 1887 г.р. из деревни Мазолово и Шалыгина Устина Прохорова 1888 г.р. из деревни Саприновичи [9, л. 17].

В архивном документе «Отчёты и подлинная секретарей райкомов КП(б)Б Оршанского округа» за 1924 г. есть любопытное свидетельство об адвентистах в Дрибинском районе Могилёвской области. Текст гласит: «В других деревнях появлялись атвентисты и, агитируя за эту секту, заявляли, что ведут народ к коммунизму» [10].

Известно о миссионерской деятельности адвентистов в деревне Ясень Осиповичского района. В 1930 г. в эту деревню из Минска был командирован по работе Густав Иосифович Луцук. Заметим, что его родители, Иосиф Гаврилович Луцук и Аманда Густавовна Луцук (в девичестве Бёме), входили в число первых адвентистов Минска [1]. В 1927 г. в возрасте 18-ти лет Густав Луцук принял обряд водного крещения и стал адвентистом. В деревне он познакомился с Софьей Михайловной Хаценович, с которой впоследствии и связал свою жизнь. В 1934 г. у них родился сын Роберт, а в 1937 г. – Игорь. Софья Михайловна, как и муж, приняла адвентистское учение. В 1940 г. Густав Иосифович был призван в армию и отправлен на советско-финскую войну. В 1941 г. родные получили сообщение, в котором говорилось, что Г. И. Луцук пропал без вести. После Второй мировой войны Софья Михай-

ловна с детьми переехала в Бобруйск, где и осталась жить, исповедуя адвентизм [2].

В 1924 г. Всероссийский союз адвентистов седьмого дня был реорганизован во Всесоюзный Союз адвентистов седьмого дня (ВСАСД). Согласно архивному документу в 1932 г. на территории советской Белоруссии адвентистские общины находились в Минске, Гомеле, Борисове, Витебске и «некоторых селах разных районов с количеством членов приблизительно 150-200» [2].

В середине 40-х гг. среди протестантских церквей наблюдался активный рост. В 1945 г. в Белоруссии действовало 11 общин АСД, в которых насчитывалось 297 человек [2]. В 1946 г. в связи с приездом Пелагеи Капусняк в Бобруйск в городе активизировалась миссионерская деятельность. Во многом благодаря ей в Бобруйске в скором времени образовалась группа по изучению Библии, которая в дальнейшем переросла в общину. Известно, что в 1970 г. в Бобруйске был совершён обряд водного крещения. Среди крещаемых были: Мария Горленко, Александра Маковец, Анна Николаенко, Татьяна Слепич и др. [2].

В послевоенное время в Мстиславском районе продолжает действовать группа адвентистов седьмого дня. Руководитель группы Пётр Трофимович Морозов успешно благовествует семьям Герасимовых и Бельченко из соседней деревни Красное. В 1950 г. из армии возвращается сын П. Т. Морозова Яков, который в том же году женится на Клавдии Трофимовне Бельченко. Семья переезжает в Красное [2].

В период хрущёвской «оттепели», несмотря на либерализацию политического режима, отношение власти к верующим не стало лучше. Уже в 1954 г. под руководством Н. С. Хрущёва в ЦК КПСС были приняты два антирелигиозных постановления: «О крупнейших недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» и «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Как отмечает один из ведущих религиоведов Л. Н. Митрохин, гонение на религию в СССР происходило в два этапа – в период «воинствующего атеизма» (1920–1930-е гг.) и «научного атеизма» (1950–1980-е гг.). В годы «воинствующего атеизма» гонения были направлены на физическое истребление наиболее активных верующих, воспринимавшихся как носителей враждебной советскому государству идеологии. В годы «научного атеизма» гонения были ориентиро-

ваны на «перевоспитание» верующих, а также на выставление их в неприглядном свете в глазах светского общества [11, с. 42–62].

В хрущёвский период адвентисты из Мстиславского района собираются для проведения богослужений в доме Якова и Клавдии Морозовых в д. Красное. Они стремятся поддерживать братское общение с адвентистами из других регионов, в частности, с единомышленниками из Гомельской области, Полесья, Прибалтики. Известно, что в 1958 г. был проведён обряд водного крещения, в котором активное участие принимал Я. Морозов, а также последователи адвентизма из Ходосовского, Мазолевого и Печковского сельсоветов Мстиславского района.

В декабре 1960 г. Всесоюзный совет АСД был лишён регистрации. На этот момент в Республике было зарегистрировано 5 общин общей численностью около 300 человек [2]. В результате ужесточения антирелигиозной борьбы адвентистские церкви, оказавшись вне закона, были вынуждены уйти в подполье. Община АСД в Мстиславском районе в 60-е годы насчитывала 16 человек [9]. Местные власти, располагавшие информацией о миссионерской деятельности Петра Тимофеевича и Якова Петровича Морозовых, периодически привлекали их к административной ответственности. Однако, несмотря на постоянные угрозы со стороны руководства, богослужения в Красном по-прежнему проводились. На недовольство власть имущих Яков Морозов отвечал так: «Я говорил и буду до конца своей жизни проповедовать весть о спасении» [9]. В 1984 г. семья Морозовых из Мстиславского района переехала в г. Пинск [2].

Говоря об адвентизме на Могилёвщине, нельзя не упомянуть имя Ивана Григорьевича Бабкина 1895 г. р., уроженца Оренбургской губернии. И. Г. Бабкин вместе со своим братом Фёдором совершал пасторское служение в сёлах Цветковка и Чугуевка Приморского края [2]. В 1937 г. Иван Григорьевич был репрессирован за религиозную деятельность. После своего освобождения в 1950 г. он приехал в Могилёв, где проживал его старший сын. Находясь в Белоруссии, Иван Бабкин узнал о группе единоверцев в Мстиславском районе и посетил село Красное, где проживала семья Морозовых. За поездку к адвентистам Бабкин был строго предупреждён правоохранительными органами. Через некоторое время Иван Григорьевич вновь посетил адвентистское богослужение, за что впоследствии был осуждён

и сослан в Алтайский край для отбывания в исправительно-трудовом лагере очередного срока наказания. В 1953 г. в Могилёв приехала его дочь, Лия, исповедующая адвентистское учение [2].

В 1954 г. в возрасте 26 лет из Черновицкой области в Могилёв переехал Иван Петрович Крупеной. Его родители были адвентистами. Иван Крупеной также был убеждённым адвентистом, делился своей верой с друзьями и коллегами по работе, хотя обряд водного крещения он принял только в 1983 г. [2].

В 1982 г. адвентистским служителем в Могилёв был назначен Бондаренко Александр Анатольевич, приглашённый на пасторское служение в Белоруссию из Одессы. Приехав в город, он устроился механиком на фабрику художественных изделий. В течение десяти лет Александр Бондаренко совершал служение в Могилёвской общине. Богослужение проходило на квартире у Александра Анатольевича, находившейся по адресу ул. Крупская, д. 125.

Первоначально могилёвская группа адвентистов состояла из пяти человек [2]. Служение посещали: Иван Петрович Крупеной, Слава Николаевна Тищенко, Лия Ивановна Шарай – дочь Ивана Бабкина, Александр Анатольевич Бондаренко и его супруга Валентина Петровна. Приоритетным миссионерским полем для членов могилёвской общины были их родные, знакомые, а также коллеги по работе. Помимо Могилёвской общины, А. А. Бондаренко также посещал группы адвентистов в Бобруйске и в Мстиславском районе. В 1988 г. на постоянное место жительства из Ельска в Могилёв переехал вместе со своей супругой В. А. Архипович, совершавший пресвитерское служение.

Демократические преобразования второй половины 80-х гг., связанные с «горбачёвской перестройкой», открыли новую возможность для деятельности адвентистской церкви в Беларуси и, в частности, в Могилёве. Время господства атеистической идеологии близилось к завершению, влияние государства на религию стремительно уменьшилось. После распада СССР верующие с воодушевлением встретили принятие в 1991 г. нового законодательства, регулирующего взаимоотношения религиозных конфессий и государства, в котором гарантировалась свобода совести и вероисповедания и отменялись многочисленные запреты на религиозную деятельность. Верующие получи-

ли возможность заниматься благотворительной, миссионерской и просветительской деятельностью. Последнее десятилетие XX в. преимущественно прошло под знаменем общественного евангелизма и оказалось невероятно плодотворным для адвентистской церковной организации и, в частности, могоилёвской общины АСД.

Заключение

На сегодняшний день документальных источников по истории адвентизма в Могоилёвской области сравнительно немного. Однако, несмотря на это, доступные нам сведения позволяют наметить, пусть и пунктирно, историю зарождения и развития адвентистского движения на Могоилёвщине. На основании имеющихся у нас архивных свидетельств можно сделать следующие выводы.

На протяжении рассматриваемого нами восьмидесятипятiletнего периода, от официального признания адвентистской церкви в 1906 г. и до распада СССР в 1991 г., на Могоилёвщине в современных её границах не было зарегистрировано ни одной общины АСД. Адвентисты седьмого дня, проживающие на Могоилёвщине, на протяжении этих 85-ти лет испытывали огромные трудности, первоначально связанные с религиозно-политической взглядами царского периода, а позже продиктованные атеистической, антирелигиозной идеологией советского времени.

Первое имеющееся упоминание об адвентистах в Могоилёвской губернии известно из документа Государственного исторического архива Санкт-Петербурга за 1906 г. В нём говорится о 17 адвентистах. Согласно имеющимся у нас документам до Второй мировой войны на территории Могоилёвщины действовали две адвентистских группы – одна в д. Ясень Осиповичского района, другая в д. Новое Село Мстиславского района. Отметим, что адвентистская группа в Мстиславском районе известна с 20-х годов ушедшего столетия. В архивных документах имеется также упоминание, датированное 1924 г., об адвентистах в Дрибинском районе. В послевоенное время адвентизм зарождается в г. Бобруйске. В 50-е годы первые адвентисты появляются в Могоилёве. В это же время развивается адвентистская группа в д. Красное Мстиславского района. В рассматриваемый нами период адвентизм на территории Могоилёвской области, ввиду объективных внутриполитических факторов, распространяется

довольно-таки медленно, отчасти благодаря приезжим адвентистам из других регионов, отчасти за счёт внутренних ресурсов. Однако только после распада СССР, уже в условиях независимого государства – Республики Беларусь, в Могоилёвском регионе происходит значительный рост адвентистских общин, официально регистрацию получают адвентистские церкви в Могоилёве, Бобруйске, Осиповичах, Шклове и Кричеве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Габрусевич, О. В.* Возникновение адвентизма на территории Беларуси / О. В. Габрусевич // Франциск Скорина: жизнь, труды и время: [сборник] / А. С. Богданенков. – Минск : Позитив-центр, 2017. – С. 78-81.
2. Текущий архив Белорусского униона церковей АСД // История церкви христиан адвентистов седьмого дня в Беларуси.
3. Российский государственный исторический архив г. Санкт-Петербург (РГИА). – Ф. 821. – Оп. 133. – Д. 193. – Л. 21, 32 об.
4. Могоилевские епархиальные ведомости № 17, 1 сентября 1912 г. – Могоил. губ., типография И. Б. Клаза, 1912. – 600 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси г. Минск (НИАБ). – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 709. – Л. 1-5.
6. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 52. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 32-33.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 353. – Оп. 5. – Д. 238. – Л. 313, 316, 317.
8. *Янушевич, И. И.* Формирование советской модели государственно-церковных отношений в БССР (1919–1991 гг.) / И. И. Янушевич // Фарміраванне беларускай дзяржаўнасці ва ўмовах геапалітычных зрухаў XX ст.: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 29–30 ліст. 2018 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: А. Д. Кароль (старшыня) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 290–296.
9. Государственный архив Могоилёвской области (ГАМО). – Ф. 2336. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 1, 5, 17.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 1726. – Л. 42.
11. *Митрохин, Л. Н.* Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки) / Л. Н. Митрохин. – СПб. : РХГИ, 1997. – 480 с.

Поступила в редакцию 6.04.2023 г.
Контакты: ogabrusevich@gmail.com
(Габрусевич Олег Владимирович)

Gabrusevich O. V. THE HISTORY OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF ADVENTISM IN MOGILEV REGION: 1906–1991

The article presents the history of formation and development of the Seventh-day Adventist Church in Mogilev region on the basis of documentary sources from the archives of the Republic of Belarus and

the Russian Federation starting from the decree of Nicholas II “About strengthening of the principles of religious tolerance” in 1906 up to the collapse of the USSR in 1991.

Keywords: religion, religious community, confession, Protestantism, Seventh-day Adventists, Belarus, Mogilev.

УДК 81'33

ОСОБЕННОСТИ МЕТАЯЗЫКОВОЙ ОБРАБОТКИ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА ПОСРЕДСТВОМ РЕГУЛЯРНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ЯЗЫКА *PYTHON*

А. А. Баркович

доктор филологических наук

Минский государственный лингвистический университет

Е. В. Марковская

преподаватель кафедры информатики и прикладной лингвистики

Минский государственный лингвистический университет

В данной статье рассматриваются возможности использования регулярных выражений в процессе компьютерной обработки текстов на естественном языке. Данная методика является эффективной при адаптации снабженных искусственно-языковой разметкой текстов для выполнения лингвистических задач широкого спектра. Язык программирования Python, в частности, обладает необходимым набором релевантных средств для эффективного решения метаязыковых задач в контексте NLP – обработки естественного языка. В данной связи выявлена эффективность и целесообразность использования регулярных выражений в лингвистической практике и выработаны рекомендации по их использованию в типичных ситуациях, в частности, при обработке интернет-контента.

Ключевые слова: NLP, Python, регулярное выражение, метаязыковая обработка, интернет-контент.

Введение

Проблематика лингвистического обеспечения интернет-коммуникации актуальна в контексте интенсивного развития компьютерно-опосредованной среды. При этом необходимо констатировать, что в целом теоретическая рефлексия передовых достижений в сфере информационных технологий существенно отстает от практики их реализации. Так, задействование искусственно-языковых средств – при всей их востребованности – характеризуется скорее интуитивным поиском действенных моделей использования тех или иных инструментов, чем их комплексным научным освоением. В данной связи использование языка Python, как и множества других современных кодов, по-прежнему не обеспечено систематизированным описанием его возможностей и путей развития. В том числе такой эффективный класс средств языка Python, как

регулярные выражения, далек от исчерпывающего научно-обоснованного рассмотрения.

Язык программирования общего назначения Python – среди прочих достоинств – обладает широким набором средств для решения собственно-лингвистических задач по обработке текста. Это мощный много-парадигмальный язык компьютерного программирования, хорошо адаптированный для работы программиста в сфере информационного обслуживания. При этом: «Язык Python является, пожалуй, самым простым в изучении и самым приятным в использовании из языков программирования, получивших широкое распространение. Программный код на языке Python легко читать и писать, и, будучи лаконичным, он не выглядит загадочным» [1, с. 13]. Более того, Python позволяет продуктивно совершенствовать методики его использования и конфигурировать модели применения его инструментария в метаязыковой практике.

Основная часть

Целью данного исследования является решение лингвистической задачи – экспликации особенностей метаязыковой обработки интернет-контента посредством языка Python. **Предметом** рассмотрения является практика метаязыковой обработки посредством регулярных выражений языка Python интернет-контента. Данное исследование выполнено на **методологической основе** прикладной парадигмы языкознания с опорой на инструментарий компьютерной лингвистики. Наряду с приоритетным использованием методики обработки естественного языка в работе использовались методы описания, сравнения, лингвистического анализа, моделирования и ряд других. **Новизна** данной работы обеспечена представлением развернутого лингвистического анализа практики использования регулярных выражений для извлечения и об-

работки фрагментов речевой практики сферы интернет-коммуникации.

Постоянно повышающиеся требования к эффективности искусственно-языковой обработки речи обуславливают использование при этом все более сложных алгоритмов [2; 3]. В данном аспекте готовые, предварительно формализованные и структурированные шаблоны обладают существенным потенциалом совершенствования релевантных процедур и решения однотипных задач в стереотипных контекстах. Актуальным в данной связи метаязыковым средством является «регулярное выражение» (англ. *regular expressions*). В контексте возможностей программирования можно ожидать, что *Python* поддерживает регулярные выражения и это отражено в соответствующей документации [4]. Однако использование регулярных выражений в среде *Python* предполагает определенную специфику: «... Если вы никогда раньше не видели распаковку кортежей или дескрипторы, вы, вероятно, не будете их искать и, возможно, не будете использовать эти функции только потому, что они специфичны для *Python*» [5, с. 15]. **Регулярные выражения** как класс стандартных элементов программ – инструментарий работы с подстроками (группами символов, или непустыми связными частями строки) в тексте, основанный на использовании метасимволов. Для таких манипуляций используется строка-образец, или **шаблон**, состоящая из символов и метасимволов и задающая правило. Для манипуляций с текстом дополнительно задаётся строка замены, которая также может содержать в себе специальные символы. Регулярные выражения «... представляют собой текстовые строки, описывающие на специальном языке искомые шаблонные комбинации символов в наборах текстовых строк, в большинстве случаев – строк, хранящихся в документах или файлах» [6, с. 11]. Шаблон описывает закономерность, которой должны подчиняться искомые последовательности символов в тексте.

Основные задачи, решаемые с помощью регулярных выражений, можно сформулировать следующим образом: проверка на соответствие, поиск и анализ, синтаксический анализ выражений. При этом регулярные выражения позволяют производить довольно сложный поиск каких-либо единиц. Показательно в данной связи высказывание Дж. Фридла о важности регулярных выражений: «Когда вы поймете, какие возможности открывают пе-

ред вами регулярные выражения, небольшие усилия по их изучению покажутся вам сущим пустяком» [7, с. 60].

Как и при поиске по маске в *Windows*, при работе с регулярными выражениями приходится иметь дело с двумя существенно различающимися по своей природе типами знаков – литералами и метасимволами. *Литерал* – это обычный символ, который при записи в строке регулярного выражения интерпретируется именно так, как он записан, не имея никаких специальных значений. *Метасимвол*, соответственно, интерпретируется при поиске каким-то особым образом как, например «*», когда задаётся последовательность любого количества любых литералов [8]. Наклонная черта влево «\» – метасимвол, обозначающий символ со специальным значением, отличающийся от обычного символа. В регулярных выражениях знак «\» всегда используется для того, чтобы отметить начало блока из одного или нескольких символов, которые имеют специальное значение [9, с. 31].

Существует множество различных способов использования регулярных выражений. В частности, «... они используются в таких инструментах командной строки *OC Unix*, как *vi (vim)*, *grep* или *sed*. Регулярные выражения встроены в такие языки программирования, как *Perl*, *Java*, *JavaScript*, *C#*, *Ruby*, *Python* и многие другие» [6, с. 12]. Основы теории регулярных выражений были изложены С. Клини во «Введении в метаматематику» [10], однако соответствующая концепция была представлена еще в начале 1940-х гг. Большую популярность среди компьютерных специалистов регулярные выражения приобрели в начале 1970-х гг. после выхода операционной системы *Unix*, включающей такие утилиты, как *sed* и *grep*. Вскоре регулярные выражения были встроены в целый ряд инструментальных средств, которые первоначально входили в состав операционной системы *Unix*, но впоследствии обрели самостоятельную значимость. К их числу относятся текстовые редакторы *ed*, *sed* и *vi (vim)*, а также утилита *grep* и интерпретируемый C-подобный язык *AWK*.

Существуют как относительно простые по структуре регулярные выражения, например $\backslash d$, где, например, метасимволу $\backslash d$ соответствует любая цифра от 0 до 9 (см. Таблица 1), так и более сложные, где, например, группе символов $\backslash d\backslash d\backslash d\backslash d\{4\}$ соответствует дата в формате *ДД/ММ/ГГГГ*. При помощи регулярных выражений легко извлекать из

шаблона фрагменты информации. Например, с помощью регулярного выражения `name.matches (/^(Mr|Ms|Mrs|Dr)\.?\s/i)` извлекается из соответствующей строки обращение к человеку, например, `Mr` (из `Mr. Schwarts`).

Таблица 1. Список наиболее часто используемых специальных символов для регулярных выражений

Оператор	Описание
.	любой символ, кроме символа новой строки – <code>\n</code> .
?	0 или 1 вхождение шаблона слева
+	1 и более вхождений шаблона слева
*	0 и более вхождений шаблона слева
<code>\w</code>	любая цифра или буква (<code>\w</code> – все, кроме буквы или цифры)
<code>\d</code>	любая цифра [0–9] (<code>\d</code> – все, кроме цифр)
<code>\s</code>	любой пробельный символ (<code>\s</code> – любой символ, отличный от пробела)
<code>\b</code>	граница слова
<code>[.]</code>	один из символов в скобках (<code>[^.]</code> – любой символ, кроме тех, что в скобках)
<code>\</code>	экранирование специальных символов (<code>\.</code> означает точку или <code>\+</code> – знак «плюс»)
<code>^</code> и <code>\$</code>	начало и конец строки соответственно
<code>{n,m}</code>	от <code>n</code> до <code>m</code> вхождений (<code>{,m}</code> – от 0 до <code>m</code>)
<code>a b</code>	соответствует <code>a</code> или <code>b</code>
<code>()</code>	группирует выражение и возвращает найденный текст
<code> t, \n, \r</code>	символ табуляции, новой строки и возврата каретки соответственно

Существует **общая схема регулярного выражения**, принципиально применимая к формированию любого регулярного выражения. При этом в структуре регулярного выражения присутствуют три основных части: якорь, набор символов и модификатор. Их функции существенно отличаются: так, *якорь* определяет позицию шаблона в строке текста; *набор символов* необходим для поиска соответствий в заданных позициях строки текста; *модификатор* задаёт количество повторов предыдущего символа или набора символов.

Одной из практических моделей создания подстроки какого-либо текста является так называемый метод `findall` [11]. Данный метод позволяет вернуть все подстроки какой-либо исходной строки, формируя список, количество элементов которого равно числу вхождения искомой подстроки.

Рассмотрим данный алгоритм предобработки на примере произвольного текстового фрагмента (под именем `template`):

```
>>> template='Алгоритмизация и программирование лингвистических задач на языке Python')
Можно идентифицировать все использованные здесь символы, используя команду '':
```

```
>>> result = re.findall(r'.', template)
>>> print(result)
['А', 'л', 'з', 'о', 'п', 'у', 'м', 'м', 'у', 'з', 'а', 'ц', 'у', 'я', ' ', ' ', 'у', ' ', ' ', 'н', 'п', 'о', 'з', 'п', 'а', 'м', 'м', 'у', 'п', 'о', 'в', 'а', 'н', 'у', 'е', ' ', ' ', 'л', 'у', 'н', 'з', 'в', 'у', 'с', 'м', 'у', 'ч', 'е', 'с', 'к', 'у', 'х', ' ', ' ', 'з', 'а', 'д', 'а', 'ч', ' ', ' ', 'н', 'а', ' ', ' ', 'я', 'з', 'ы', 'к', 'е', ' ', ' ', 'P', 'y', 't', 'h', 'o', 'n']
```

Далее, чтобы исключить пробел, необходимо уточнение (вместо `'.'` – `'\w'`):

```
>>> result = re.findall(r'\w', template)
>>> print(result)
['А', 'л', 'з', 'о', 'п', 'у', 'м', 'м', 'у', 'з', 'а', 'ц', 'у', 'я', 'у', 'н', 'п', 'о', 'з', 'п', 'а', 'м', 'м', 'у', 'п', 'о', 'в', 'а', 'н', 'у', 'е', 'л', 'у', 'н', 'з', 'в', 'у', 'с', 'м', 'у', 'ч', 'е', 'с', 'к', 'у', 'х', 'з', 'а', 'д', 'а', 'ч', 'н', 'а', 'я', 'з', 'ы', 'к', 'е', 'P', 'y', 't', 'h', 'o', 'n']
```

Для получения перечня всех слов могут быть использованы символы `*` или `+`:

```
>>> result = re.findall(r'\w*', template)
>>> print(result)
['Алгоритмизация', ' ', 'у', ' ', 'программирование', ' ', 'лингвистических', ' ', 'задач', ' ', 'на', ' ', 'языке', ' ', 'Python', '']
```

Однако в случае использования символов `*` в перечне оказываются снова пробелы, так как `*` означает «ноль или более символов». Для того чтобы их исключить из перечня, необходимо использовать символы `+`:

```
>>> result = re.findall(r'\w+', template)
>>> print(result)
['Алгоритмизация', 'у', 'программирование', 'лингвистических', 'задач', 'на', 'языке', 'Python']
```

Если необходимо получить первое слово текстового фрагмента – используется комбинация символов `^`, якорь, означающий начало строки:

```
>>> result = re.findall(r'^\w+', template)
>>> print(result)
['Алгоритмизация']
```

Если использовать `$` вместо `^`, то получим последнее слово, а не первое:

```
>>> result = re.findall(r'\w+$', template)
```



```
>>> print(result)
['Python']
>>>
```

Для проведения анализа текстовых данных часто необходимо брать их с различных интернет-ресурсов, где они снабжены тегами HTML-разметки. Поэтому задача очистить взятый из Интернет-источников текст от тегов зачастую является актуальной [12]. Например, рассмотрим особенности «очистки» текста от тегов HTML-разметки средствами модуля *re* с использованием регулярных выражений. Для этого возьмем компактный типичный текст, посвященный обсуждению автомобильной техники в русскоязычном сегменте Интернета.

```
>>> text="""
... <?xml version="1.0" ?>
... <reviews>
...     <review id="92845">
...         <meta>
...             <object>AUDI 100 C4
седан</object>
...         </meta>
...         <text>Недавно купил этот
автомобиль. Авто отличное! Двигатель 2,5 ли-
тра, турбодизель. Прежний хозяин сказал при
продаже, что масло не жрет, солярку тоже, ле-
тит как угорелая! Так оно и есть. 140 км/ч нор-
мальная крейсерская скорость. Вообще немцы
умеют делать автомобили. Дорогу держит от-
лично, так как достаточно широкая машина.
Тормоза все дисковые. Главное передний при-
вод по сравнению с другими немецкими авто-
мобилями. Такими как мерседес и бмв этого
же класса. Места в автомобиле очень много.
Не тесно даже, когда сидят пять взрослых
человек. Багажное отделение тоже огромно.
Влезла стиральная машина. По соотношению
цена-качество отличный автомобиль. Больше
никогда не сяду за руль российского автомоби-
ля! Всем рекомендую Ауди. </text>
...     <aspects>
...         <aspect category="Whole"
from="19" mark="Rel" sentiment="neutral" ter-
m="автомобиль" to="29" type="explicit"/>
...         <aspect category="Whole"
from="31" mark="Rel" sentiment="positive" ter-
m="Авто" to="35" type="explicit"/>
... <<<<>>>>>>
```

При попытке загрузить данный текст с сайта-источника становится очевидным, что текст самого отзыва, а также заголовок с названием конкретной модели и марки авто находятся в окружении большого количества тегов языка HTML-разметки. Чтобы добрать-

ся до значимых строк в таком тексте, даже с использованием различных методов и средств языка *Python*, потребуется много усилий и большой объем «программного кода».

Но ситуация значительно упростится, если сделать предобработку текста и убрать все HTML-теги. Шаблон для поиска любого HTML-тега имеет простой формат: `<[^>]+>`. Он совпадает с любой последовательностью символов (за исключением символа `>`) в количестве от одного и более, заключенной в угловые скобки. Иными словами, будет найден и односимвольный тэг `<p>`, и более «многословные» тэги, подобные `<review id="92845">`.

Рассмотрим реализацию этого на примере:

```
>>> import re
>>> result=re.findall(r'<[^>]*>', text)
>>> print(result)
['<?xml version="1.0" ?>', '<reviews>',
'<review id="92845">', '<meta>', '<object>',
'</object>', '</meta>', '<text>', '</text>',
'<aspects>', '<aspect category="Whole"
from="19" mark="Rel" sentiment="neutral"
term="автомобиль" to="29" type="explicit"
"/>', '<aspect category="Whole" from="31"
mark="Rel" sentiment="positive" ter-
m="Авто" to="35" type="explicit"
"/>']
```

Здесь метод *findall*, как видно из примера, не целесообразен, так как с его помощью сами теги в тексте просто находятся и выделяются, но при этом строки основного текста игнорируются.

В подобной ситуации более целесообразно использовать метод *sub* [11], который находит теги и заменяет один шаблон на другой, например, на пустую строку «».

Синтаксически актуальная конструкция при использовании метода *sub* будет выглядеть следующим образом:

```
re.sub(pattern, repl, string):
```

Собственно, этот метод позволяет найти шаблон в строке и заменить его на нужную подстроку (если шаблон не найден, строка останется неизменной). Таким образом метаязыковое описание представленного выше текста приобретает максимально компактный вид:

```
>>> result=re.sub(r'<[^>]*>', '', text)
>>> print(result).
```

Как видно на данном примере, этот вариант оказывается действительно эффективным для получения лингвистически читабельного текста на базе контента интернет-источников. Тем самым с помощью регулярных выражений мы можем получить «очищенный» текст, подготовленный для дальнейшей лингвистической обработки.

Заключение

Таким образом, модели метаязыковой обработки интернет-контента посредством регулярных выражений являются актуальным лингвистическим инструментарием, позволяющим решать целый ряд задач в сфере NLP-обработки естественного языка. Благодаря реализации стереотипного алгоритма с использованием регулярных выражений на языке *Python* можно осуществлять необходимую обработку практически любого текста в компьютерно-опосредованном формате. При этом использование регулярных выражений позволяет существенно оптимизировать релевантную лингвистическую практику, в том числе упростить процессинг метаязыковой обработки интернет-контента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Саммерфилд, М.* Программирование на *Python* 3. Подробное руководство / М. Саммерфилд; пер. с англ. – СПб.: Символ Плюс, 2009. – 608 с.
2. *Barkovich, A.* Informational Linguistics: The New Communicational Reality / A. Barkovich. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2020. – 271 p.
3. *Lutz, M.* Learning Python, Fifth edition / M. Lutz. – Cambridge: O'Reilly Media, 2013. – 1684 p.
4. The Python Tutorial – Python 3.11.2 documentation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.python.org/3/tutorial/> – Дата доступа: 25.11.2022.
5. *Ramalho, L.* Fluent Python: Clear, Concise, and Effective Programming / L. Ramalho. – New York: O'Reilly Media, 2015. – 766 p.
6. *Фицджеральд, М.* Регулярные выражения: основы. Пер. с англ. / М. Фицджеральд. – М.: И.Д. Вильямс, 2015. – 144 с.
7. *Фридл, Дж.* Регулярные выражения, 3-е изд. Пер. с англ. / Дж. Фридл. – СПб.: Символ-Плюс, 2008. – 608 с.
8. *Жигулина, О. В.* Использование регулярных выражений для эффективной работы с текстом / О. В. Жигулина // Молодой ученый. – 2014. – № 3. – С. 865–866.
9. *Форта, Б.* Регулярные выражения за 10 минут / Б. Форта. – М.: Вильямс, 2017. – 192 с.
10. *Клини, С. К.* Введение в метаматематику. Пер. с англ. / С. К. Клини. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. – 526 с.
11. Регулярные выражения в *Python* от простого к сложному. Подробности, примеры, картинки, упражнения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://webhamster.ru/mytrashare/index/mtb191/1531846032ohtvv19p87>. – Дата доступа: 25.11.2022.
12. *Баркович, А. А.* Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация / А. А. Баркович. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 288 с.

Поступила в редакцию 03.03.2023 г.

Контакты: albark@tut.by

(Баркович Александр Аркадьевич)

len_vm@mail.ru

(Марковская Елена Вадимовна)

Barkovich A. A., Markouskaya A. V. PECULIARITIES OF INTERNET CONTENT METALANGUAGE PROCESSING USING PYTHON'S REGULAR EXPRESSIONS

The article discusses the possibilities of using regular expressions in the process of computer processing of texts in natural language. This technique is effective in adapting texts provided with artificial language markup to perform a wide range of linguistic tasks. The Python programming language, in particular, has the necessary set of relevant tools for effectively solving metalanguage problems in the context of NLP – Natural Language Processing. In this regard, the effectiveness and expediency of using regular expressions in linguistic practice have been identified and recommendations have been developed for their use in typical situations, in particular, when processing Internet content.

Keywords: NLP, Python, regular expression, metalanguage processing, Internet content.

УДК 81'38

**ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗНЫХ МОДЕЛЕЙ ИНОКУЛЬТУРНОГО
ПРОСТРАНСТВА В ЛИРИКЕ МАРИИ ПАВЛИКОВСКОЙ-ЯСНОЖЕВСКОЙ)**

Е. А. Ревуцкая

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры белорусского языка и литературы
Минский государственный лингвистический университет

Цель статьи – определить познавательный статус образного осмысления инокультурного пространства в лирической поэзии. Проанализированы предпосылки когнитивного изучения языка поэзии, изложенные в классических трудах (С. А. Аскольдов, Д. С. Лихачев, А. Ж. Греймас) и новых лингвистических концепциях (М. Фримен, В. В. Феценко, И. А. Тарасова). На материале полного корпуса лирики польской поэтессы межвоенного двадцатилетия Марии Павликовской-Ясножевской определены образные модели инокультурного пространства. Сочетание методов идентификации метафорических словоупотреблений и образного моделирования показало, что пространство осмысливается не как объект, но как субъект, равноценный авторскому Я.

Ключевые слова: поэтическое слово; поэтическая языковая форма; языковая образность; образная модель; инокультурное пространство.

Введение

Предназначение поэзии не сводимо к отображению действительности, но предполагает «поэтическое действие» [1, р. 26], направленное на постижение и преобразование окружающего мира. Так, философские теории XX столетия обосновывают онтологические свойства поэтического языка (Хайдеггер, Гадамер), определяя поэзию как «чувственную форму мысли» (Бадью) – не инструмент выражения опыта, но сам опыт, заключающий в себе «понимание мира и самопонимание человека» [2, с. 3–4].

Цель данной статьи – определить познавательный статус образного осмысления инокультурного пространства в лирической поэзии. Актуальность изучения поэтических образных моделей в аспекте их познавательной значимости обусловлена тем, что поэзия получила существенно меньше внимания в когнитивных исследованиях языка, нежели иные типы дискурса. Так, с момента выхода обширного двухтомного «Словаря поэтических образов» Н. В. Павлович [3] – един-

ственного на сегодняшний день масштабного описания русской поэтической картины мира – прошло уже более двадцати лет. Среди англоязычных исследований, посвященных когнитивным аспектам поэтического слова, следует отметить выполненные в русле когнитивной поэтики работы З. Кёвечеша [4; 5] и психолингвистический подход К. Рассе [6]. Во многом такое положение дел объясняется одним из основных тезисов теории концептуальной метафоры (впоследствии неоднократно оспоренным и уточненным, в частности, в работах З. Кёвечеша [4; 5]): образное мышление – не прерогатива поэзии, но характеризует все типы дискурса, в том числе повседневную речь [7].

Основная часть

Не изобразительную, но познавательную значимость поэтического слова в 20-е годы прошлого века подчеркивал русский философ С. А. Аскольдов. Согласно Аскольдову, художественное восприятие не сводимо к восприятию посредством образов или отвлеченных понятий [8, с. 325]. Более того, вопрос о самой природе познания ученый находил особенно сложным именно «со стороны теоретического исследования искусства слова» в силу стереотипного противопоставления словесного творчества науке – «деятельности знания»: литература будто бы провоцирует в сознании читателя лишь образы, но не понятия [9, с. 28]. Между тем, по мысли Аскольдова, «та или иная степень рациональности», «идеологическая подпочва» необходимы для понимания художественного произведения, а отсутствие «логической устойчивости» не отнимает у художественного восприятия познавательных свойств [9, с. 30]. При этом в основе художественного восприятия лежат не логические, но ассоциативные связи [9, с. 37].

Развивая мысль Аскольдова, Д. С. Лихачев особо отмечает способ говорящего и мыслящего субъекта «извлекать ассоциации» из

запаса собственного «эмоционального опыта» и «широкой осведомленности» как залог понимания между людьми [10, с. 152]. По мысли Лихачева, восприятие языка как средоточия эмоциональной и духовной культуры особенно присуще поэтам [10, с. 157]. Более того, в поэтическом мышлении расширяется понятие переносного смысла [10, с. 160], что позволяет определять поэтическое слово не только как сферу претворения «потенций значений», но и как особый способ познания.

Согласно Аскольдову, поэтическое слово, как в своем «непосредственном значении», так и «через переносные смыслы» не только аккумулирует множество ассоциативных значений, как это происходит и в обычной речи. В отличие от «речи прозаической», где ассоциативность слова подчиняется «логической связи значений», ассоциации в поэзии порождаются «звуковыми свойствами» слова, нередко изменяющими смысл [9, с. 42]. Таким образом, познавательная ценность поэтического слова образована особого рода ассоциативностью, которая, в свою очередь, основана на связи между звуком и словом.

Данный тезис находит свое подтверждение не только в поэтической практике (вспомним о смысле, заключенном «не в понятии, но в звучании» [11, с. 321]), но и в дальнейшем развитии лингвистических учений о поэтическом слове. Так, семиотика поэтического дискурса, разработанная А. Ж. Греймасом, постулирует тесную связь между планами выражения и содержания поэтического языкового знака, отличающую «поэтическое» от «литературного» [12, р. 279]. Согласно учению Греймаса, для поэтического знака характерно «сокращение расстояния между означающим и означаемым», итогом которого становится особый смысловой эффект «заново открытой истины» («vérité redécouverte») [12, р. 279]. Современные когнитивные исследования языка также указывают на определяющую роль звучания слова в поэтическом осмыслении мира. Так, по мысли И. А. Тарасовой, звуковая форма – фонетический компонент – делает художественное слово поэтическим. Поэтическая когниция предопределена самой «материей стиха» – рифмой, ассонансами, аллитерациями [13, с. 7]; обогащение слова ассоциациями и смысловыми оттенками обусловлено самой поэтической формой [13, с. 5].

Вместе с тем в работах, выполненных в русле когнитивной поэтики, сформулирована еще одна важнейшая отличительная черта

поэтического осмысления мира: оно не проводит разделительной линии между образным и логическим путями познания. При этом слово в поэтическом дискурсе характеризуется не только образностью, но и семантической изменчивостью (даже если слово употреблено в своем основном значении) [13, с. 4–5]. Это равноправие рационального и иррационального начал, организующих поэтическое слово, сообщает образному смыслу эвристическую ценность, а образной модели – статус полноправного объекта когнитивных исследований.

Невзирая на большее внимание к иным типам дискурса, именно когнитивный поворот в лингвистической науке привел к осознанию того, что смысл, порождаемый «поэтическим действием», важно исследовать не исключительно с позиции [интуитивного. – Е.Р.] восприятия, но со стороны его формирования [1, р. 26]. Положения когнитивной поэтики не противоречат тезисам когнитивной теории метафоры, но раскрывают познавательную специфику поэтического слова. Так, согласно М. Фримен, поэт и обыватель мыслят одинаково образно – но лишь в том смысле, что каждый человек наделен когнитивной способностью преобразования физического и эмоционального опыта в ментальные представления. Данная способность, в свою очередь, лежит в основе пространственных и временных проекций, соотношения сущностей и, наконец, «интеграции результатов проекций в пределы новых осмыслений» [14, р. 467–470]. При этом особая природа поэтической образности обусловлена самой сутью поэзии, организованной творческим началом. Так, в лингвоэстетической концепции В. В. Фещенко, описывающей специфику художественного семиозиса, творчество определяется как процесс создания художественного знака, но также лингвистический принцип, объединяющий творчество и язык [15, с. 25–26]. Это единство – художественное языкотворчество – может проявляться и в повседневной речи обывателя, но приобретает познавательную значимость лишь в процессе творчества как порождения «принципиально нового» (в противовес, например, стереотипности) [15, с. 28].

Наконец, образность в поэзии представляет собой не совокупность речевых явлений, но принцип создания поэтического произведения (Г. Д. Гачев, Н. П. Антипов) – художественной целостности. Образность в поэзии столь же целостна, сколь единство стихового ряда [13, с. 6], и подчиняется главному принципу

особой «формальной сделанности и цельности художественного произведения» [16, с. 20].

Данные принципы использованы нами в ходе образного моделирования *инокультурного пространства* в лирике польской поэтессы межвоенного двадцатилетия Марии Павликовской-Ясножевской (1891–1945). Отметим, что пространство принадлежит к числу базовых категорий познания, будучи, наряду со временем, основным свойством материи и формой бытия (В. Г. Гак). В свою очередь, пространство иной культуры необходимо сосредотачивает исследовательское внимание на дихотомии «свое – чужое». Обращение к данной проблематике позволяет руководствоваться, но не ограничиваться когнитивным определением пространства как обобщенным представлением о целостном образовании между небом и землей, частью которого ощущает себя сам человек; доступном наблюдению человека на всей протяженности, которую позволяет его поле зрения (Е. С. Кубрякова). Так, в работах В. Н. Топорова определены два пути взаимодействия пространства и текста: текст есть пространство, и «пространство есть текст (т. е. пространство как таковое может быть принято как сообщение)» [17, с. 227]. Для данного исследования значим второй тип соотношения пространства и текста: пространство есть текст, порождающий смыслы. Данная трактовка взята за основу при конструировании тематической выборки, включающей 14 оригинальных поэтических текстов [18; 19; 20; 21] и их русские переводы [22; 23]. Методологию исследования составляют универсальная процедура идентификации образных словоупотреблений [24] и метод метафорических моделей [25].

Результаты анализа показывают, что преобладающей концептуальной областью, служащей для осмысления инокультурного пространства, является ЧЕЛОВЕК / ЖИВОЕ СУЩЕСТВО (52) (цифра в скобках обозначает число регистрируемых в выборке языковых образов, соответствующих данной модели). Так, пространство Парижа представляется как нечто незнакомое, пугающее (*ryczące stada wozów* ‘среди машин ревуших’; *autobusy ryczą* ‘рычит автобус’), таящее опасность: *Wicher śródziemnomorski krokiem marynarza / przeszedł po tłumnej ulicy* [19, s. 3] ‘Морской соленый ветер **матросским шагом** валким / по городу **прошелся**, взрываясь пьяным **танцем**’ [22, с. 71]. Город предстает фантастическим и непременно враждебным: в нем «оживают»

не только мифические существа (химеры, русалки, утопленники), но и знаки истории (*wdowa, paryski upiór, monstrum gilotyny* ‘вдова, парижский призрак усопшей гильотины’); горожане же предстают опасными хищниками: *Z falujących bulwarów patrzą oczy lśniące. / Czy chcesz wpaść sepij w ręce? / Zbratać się z polipem ... / Płyn daleko, gdzie życie ciasne jest i ciche, / mała rybko, zgubiona wśród rekinów mnóstwa* [19, s. 6]. ‘Хотите на бульварах и в переулках узких / со **спрутом** побрататься, / подладиться к **полипу**? ... / Плыви туда, где ниже волна, где меньше мера, / ты, маленькая рыбка среди **акул** и **сепий**’ [22, с. 74].

Элементы пространства иной культуры представлены также в понятиях НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ (6) и ВНЕШНЕГО УБРАНСТВА / ПЛАТЬЯ (6). Так, «чужбина» в глазах путешественницы – это место, где горизонт «сужается» до размеров жемчужной нити, украшающей женскую шею: *Gdzie zmarszczył się widnokrąg / Jak perłowa ostryga, / A Wenus z pian ostyga / I gwiazdą wstaje mokra* [20, s. 9] ‘Где горизонт сомкнется / **жемчужным ожерельем** / и обратится к солнцу / Венера в звездной пене’ [23, с. 5]. В свою очередь, Париж межвоенного времени – шумный, богемный, мультикультурный европейский город – осмысляется как роскошный (*na ulicy zapiętej brylantową broszką* ‘на улице, скрепленной бриллиантовой брошью’), слишком дорогой и неподходящий наряд: *Wszystko za wielkie dla mnie, najmniejszego z światów. Niedostępane i drogie jak wężowa skóra* [19, s. 6] ‘Мельчайшей из вселенных, все слишком **велико** мне, все **дорого** и **чуждо**, как крокодиля кожа’ [22, с. 75]. Наконец, драгоценность иного порядка – корона из камня – представляет пространство Англии – последней «чужбины» поэтессы, вынужденно покинувшей Польшу накануне Второй мировой войны: *Stary kościół – kamienna korona / W drzew obrębie, w oparów smudze... / Dolo moja niewydarzona, / Jakie to wszystko cudze!* [21] ‘Старый храм – **корона из камня** / Сквозь деревья, за сизой мглою... / Доля ты моя нелюдская, / До чего же тут все чужое!’ [22, с. 132].

В единичных случаях инокультурное пространство осмысляется в терминах иных понятий – как ТКАНЬ (1), ВОЛШЕБСТВО (1), ГРЕХ (2), что позволяет предполагать равноправие абстрактного и конкретного начал в поэтическом сознании: *Eiffel, jak rozkraczone zjawisko z sabatu, / grzyb grzechu, tryska zewsząd groźna i ponura* [19, s. 5] ‘Эйфель, **не-**

чадь ада, вонзив кривые корни, / растет, как грех, повсюду, на черный гриб похожий' [22, с. 75].

Наконец, поэтическая субъективация «чужого» пространства сочетается с осмыслением собственной идентичности в терминах воспринимаемой культуры. Так, Китай оказывается не объектом, но инструментом познания – в терминах китайской эстетики описаны молодость и женственность: *Przecież / póki tam twarz białą z różowem, / bez kurzych łapek na skroni, / marzyć o tem lub owem / nikt mi nie wzbroni* [18, s. 16]. 'Ибо, / пока я фарфорово-лика / и нет морщинок в помине, / попробуй мне повели-ка / грезой не жить отныне' [22, с. 54].

Заключение

Преобладание образной модели ИНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО – ЭТО ЧЕЛОВЕК / ЖИВОЕ СУЩЕСТВО (52 языковых образа (74,3%) из 70) свидетельствует о том, что пространство осмысливается не столько как объект толкования, сколько как субъект, равно-великий познающему Я.

Полученные результаты, подтверждая тезис когнитивной науки о «воплощенном мышлении», тем не менее показывают: поэтический образ не есть непереносимый итог познания нового (отвлеченного) в понятиях привычного (конкретного). В частности, в проанализированной выборке 3 языковых образа (4,3%) из 70 соответствуют моделям ИНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО – ЭТО ВОЛШЕБСТВО и ИНОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО – ЭТО ГРЕХ, отражающим результат осмысления пространства сквозь призму абстракций. Это свидетельствует о разнонаправленном, не всякий раз обращенном к чувственному опыту характере поэтического познания.

Выявленные образные модели отражают самую общую динамику авторского восприятия инокультурного пространства (от идиллического к двойственному, и далее, к негативно-му). Данная траектория обусловлена личными и историческими обстоятельствами (война, вынужденный отъезд, жизнь в эмиграции), но также логикой «наслоения» опыта на результаты предыдущих осмыслений. Вместе с тем познавательный аспект поэтического образа не исчерпывается концептуальным моделированием, но требует последующей качественной и количественной оценки степени конвенциональности / креативности визуальных обра-

зов, «проекции одного кадра» [26, p. 99] – проявлений творческого, новаторского начала как сущностной черты поэзии.

Наконец, учитывая целостный характер поэтического образа, отметим важность дальнейшего системного изучения двух разнонаправленных, но взаимосвязанных явлений – поэтической субъективации инокультурного пространства и авторского осмысления собственной идентичности как его части, апроприации его отличительных черт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Brandt, P. A.* A propos de sémiotique, de mathématiques, de poésie et de musique (entretien avec Kęstutis Nastopka, Vilnius, mai 2015) / P. A. Brandt // *Acta Semiotica*. – 2021. – № 2. – P. 21–28.
2. *Козлова, М. В.* Концепции поэтического языка в эстетике XX века (Хайдеггер, Гадамер, Бадью) : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / М. В. Козлова ; ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького». – М., 2015. – 29 с.
3. *Павлович, Н. В.* Словарь поэтических образов : в 2 т. / Н. В. Павлович. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – Т. 1. – 795 с. – Т. 2. – 872 с.
4. *Kövecses, Z.* Where Metaphors Come From. Reconsidering Context in Metaphor / Z. Kövecses. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. – 216 p.
5. *Kövecses, Z.* Metaphor Universals in Literature / Z. Kövecses // *Argumentum*. – 2019. – Vol. 15. – P. 264–276.
6. *Rasse, C.* Conceptual Metaphors in Poetry Interpretation: A Psycholinguistic Approach / C. Rasse, A. Onysko, F.M.M. Citron // *Language and Cognition*. – 2020. – Vol. 12 (2). – P. 310–342.
7. *Lakoff, G.* More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago : The Univ. of Chicago Press, 1989. – 237 p.
8. *Аскольдов, С. А.* Форма и содержание в искусстве слова / С. А. Аскольдов // *Литературная мысль*. – 1925. – Вып. 3. – С. 305–341.
9. *Аскольдов, С. А.* Концепт и слово / С. А. Аскольдов // *Русская речь* ; под ред. Л. В. Щербы. – Л. : Academia, 1928. – С. 28–44.
10. *Лихачев, Д. С.* Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // *Русская словесность: от теории словесности к структуре текста : антология / Ин-т народов России ; под общ. ред. В. П. Нерознака*. – М. : Academia, 1997. – С. 147–165.
11. *Эфрон, А.* «Моей зимы снега...». Воспоминания. Рассказы. Письма. Стихи. Рисунки / А. Эфрон. – М. : Типография «Новости», 2005. – 934 с.

12. **Greimas, A. J.** Du sens I. Essais sémiotiques / A. J. Greimas. – Paris : Seuil, 2012. – 320 p.
13. **Тарасова, И. А.** Концептуализация в поэтическом языке / И. А. Тарасова // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2018. – Т. 18. – Вып. 1. – С. 4–8.
14. **Freeman, M. H.** Cognitive Mapping in Literary Analysis / M. H. Freeman. – Style. – 2002. – Vol. 36, № 3. – P. 466–483.
15. **Фещенко, В. В.** Сотворение знака: Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства / В. В. Фещенко, О. В. Коваль. – М. : Языки славян. культуры, 2014. – 640 с.
16. **Фещенко, В. В.** Художественный дискурс: к определению термина в перспективе лингвоэстетики / В. В. Фещенко // Новый филологический вестник. – 2021. – № 1 (56). – С. 16–35.
17. **Топоров, В. Н.** Пространство и текст / В. Н. Топоров // Семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–284.
18. **Pawlikowska-Jasnorzewska, M.** Różowa magia / M. Pawlikowska-Jasnorzewska. – Lwów : Księgarnia H. Altenberga, 1924. – 48 s.
19. **Pawlikowska-Jasnorzewska, M.** Paryż / M. Pawlikowska-Jasnorzewska. – Warszawa : Księgarnia F. Hoesicka, 1929. – 34 s.
20. **Pawlikowska-Jasnorzewska, M.** Śpiąca żaloga / M. Pawlikowska-Jasnorzewska. – Warszawa : J. Mortkowicz, 1933. – 64 s.
21. **Pawlikowska-Jasnorzewska, M.** Wrażenia / M. Pawlikowska-Jasnorzewska [Electronic resource]. – Mode of access: https://poezja.org/wz/Maria_Pawlikowska-Jasnorzewska/23507/Wrazenia. – Date of access: 01.01.2023.
22. **Павликовская-Ясножевская, М.** Стихи / М. Павликовская-Ясножевская : пер. с пол. / Сост. и предисл. В. Британишского. – М. : Художественная литература, 1987. – 144 с.
23. **Павликовская-Ясножевская, М.** Почта-льон и ноябрь / М. Павликовская-Ясножевская : пер. с пол. Елены Ревуцкой. – М. : Водолей, 2020. – 98 с.
24. **Pragglejaz group.** MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse / Pragglejaz group // Metaphor and Symbol. – 2007. – Vol. 22, N. 1. – P. 1–39.
25. **Stefanowitsch, A.** Happiness in English and German: a metaphorical pattern analysis / A. Stefanowitsch // Language, Culture and Mind / M. Achard, S. Kemmer (Eds.). – Stanford : CSLI Publications, 2004. – P. 137–149.
26. **Ahrens, K.** Mapping image-schemas and translating metaphors / K. Ahrens, A.L.T. Say // Proceedings of 13th Pacific Asia conference on language, information and computation. J.-F. Wang, C.-H. Wu (Eds.). – Taiwan : National Cheng Kung University, 1999. – P. 95–102.

Поступила в редакцию 06.01.2023 г.
 Контакты: alena.revutskaya@tut.by
 (Ревуцкая Елена Алексеевна)

Revutskaya A. A. POETIC WORD AS A COGNITIVE INSTRUMENT: A CASE STUDY OF THE METAPHORICAL PATTERNS FOR ‘FOREIGN CULTURE SPACE’ IN MARIA PAWLKOWSKA-JASNORZEWSKA’S LYRIC POETRY

The article aims at determining the cognitive status of the metaphorical conceptualization of the foreign culture space in lyric poetry. It analyzes both classical works (S. A. Askoldov, D. S. Likhachov, A. J. Greimas) and recent linguistic approaches (M. H. Freeman, V. V. Feschenko, I. A. Tarasova) theorizing the poetic word as a cognition tool and highlighting the cognitive aspect of the link between poetry and language. The article reveals the metaphorical patterns for the foreign culture space in the lyrics by the Polish interwar poet Maria Pawlikowska-Jasnorzewska. Combining the Metaphor Identification Procedure with the metaphorical patterns method, the article shows that space is cognized not as an object but as a subject equaling the author.

Keywords: poetic word; poetic linguistic form; linguistic figurativeness; metaphorical pattern; foreign culture space.

УДК821.161.3.09-1

МАСТАЦКА-ПАЭТЫЧНАЕ АСЭНСАВАННЕ ТОПАСА ЛЕСУ Ў ТВОРАХ Я. КОЛАСА І А. КУЛЯШОВА

Ж. С. Шаладонава

кандыдат філалагічных навук, старшы навуковы супрацоўнік
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры,
Нацыянальная акадэмія навук Беларусі

У артыкуле даследуецца семантыка прасторавага вобраза лесу ў творах Я. Коласа і А. Куляшова. Раскрываецца эстэтычны патэнцыял дэндралагічнай вобразнасці не толькі як маляўнічага дэкору, але найперш у выяўленні лірычнай спавядальнасці аўтараў, іх філасофскіх рэфлексій, засяроджанасці на фундаментальных праблемах жыцця, творчасці, перспектыву гарманічнага развіцця і вышэйшай рэалізацыі чалавека, народа, краіны. Адзначана, што праз сімвалічнае нападзенне элементаў лясных ландшафтаў у мастацкіх палотнах адбываецца сінтэз прыроднага, інтэлектуальнага і філасофска-светапогляднага пачаткаў творчасці, раскрываюцца працэсы асобнага і нацыянальна-ментальнага самапазнання.

Ключавыя словы: ландшафт, вобраз лесу, сімвал, метафара, светапогляд, філасофская рэфлексія, творчасць, гармонія, самапазнанне.

Уводзіны

Кожная прасторавая з’ява, аб’ект, дэталі ў сілавым полі асэнсавана-творчага спасціжэння размяшчаюцца ў шырокай перспектыве духоўна-філасофскай, маральна-этычнай, культурна-гістарычнай змястоўнасці, пераўтвараюцца ў з’явы культуры, семантычна плотныя і сімвалічна ўскладненыя. «Лес і луг, поле і сцежка, рэчка і мельніца – усё гэта знакі ландшафтнага кода, паведамленні “прасторавы тэкст”, у кожным з якіх хаваюцца сэнсавыя скарбы» [1, с. 24]. Разнастайнасць, зменлівасць, поліструктурнасць прыроднай асновы прадугледжваюць яе сэнсавую насычанасць і поліфанію. Як метадалагічную метафару У. Каганскі ўжывае атаясамліванне ландшафту са стракатым дываном, што ўяўляецца іканічным тэкстам: «Ландшафты і дываны падобныя – на іх глядзяць і па іх ходзяць нагамі, аднак і адрозненне вялікае. Дыван ландшафтаў вялікі, бязмежны, недыскрэтны, расплысты і кантынуальны. Яго вузельчыкі – не толькі элементы ўзору, але і месцы жыцця, супольнасці, розныя і канфліктуючыя тэрытарыяльныя суб’екты» [2]. Паэтычныя творы таксама можна параўнаць

з такім іканічным тэкстам-дываном, аформленым з тысячы ніцей, / З якіх аснована і выткана жыццё / І злучана быццё і небыццё [3, с. 283], у якім знаходзіць сваё сэнсавое выйсце і духоўна-культурную рэалізацыю «адбітак родных з’яў». Канцэптуальнасць ідэйна-эстэтычнага ўвасаблення прыродна-ландшафтных з’яў у вобразах зямлі, хаты, лесу, саду, рэчкі і інш. характарызуе іх як знакавыя рэаліі народна-нацыянальнага быцця і далучае да сферы мастацкага чалавеказнаўства.

Асноўная частка

Вобраз лесу вылучаецца сярод багацця і разнастайнасці ландшафтных вобразаў у выяўленча-творчай палітры беларускіх аўтараў, яму належыць знакавая роля ў маляўнічым афармленні пейзажна-календарных эцюдаў, стварэнні адмысловай лірычнай стыхіі, пазначанай гарманічна-трыумфальнай еднасцю прыроднага і чалавечага, трансляцыі глыбіннага быцця-філасофскага ведання пра чалавека, гісторыю, свет. Лес, што традыцыйна ўспрымаецца як маркёр беларускага нацыянальнага ландшафту, адзін з улюбёных паэтычных вобразаў айчынных аўтараў, хранатоп важнейшых гістарычных і біяграфічных падзей, транслятар своеасаблівай жыццёвай філасофіі.

Пра ўздзеянне менавіта лясной стыхіі на духоўна-ментальныя складнікі творчага працэсу ўкраінскі паэт М. Рывіцкі пісаў у артыкуле «Пра паэта і сябра», калі, параўноўваў творчасць Якуба Коласа і Адама Міцкевіча. Паэт звярнуў увагу на яе агульныя геаграфічныя і этнакультурныя каардынаты: «...Творчасць іх вырасла на адной глебе, тыя самыя крыніцы паілі іх, тыя самыя даліны і пагоркі цешылі іх вочы, той самы шум адвечнага бору навяваў ім шчырыя, простыя, глыбокія словы» [4, с. 388].

Прасторавая ўсёахопнасць думкі, глыбіня пранікнення ў рэаліі штодзённасці, зліццё з імі характарызуюць асаблівасці светабачання і светаразумлення Якуба Коласа. М. Рывіцкім трапна заўважана генетычная сувязь таленту

і творчасці беларускага песняра з беларускім геаграфічным ландшафтам, з роднай зямлёй, якія атаясамліваюцца з натуральна-прыроднымі чыннікамі, што фарміруюць індывідуальна-аўтарскую пачуццёвасць, эксплікуюць сябе праз адпаведную паэтычную вобразнасць. М. Рылскі ўзгадваў: «Я не так шмат разоў сустракаўся з Якубам Коласам, але кожная сустрачка з ім пакідала ў памяці водар чыстай лясной кветкі, знойдзенай ранняй вясной на паляне... Уражанне чысціні і свежасці» [4, с. 388]. У гэтым яркім і шматзначным вобразным параўнанні ўкраінскі паэт перадаў сваё разуменне адметнай прасторавай архітэктонікі твораў Якуба Коласа, ландшафтнай укаранёнасці яго мыслення, звярнуў увагу на тое, што творчасць класіка беларускай літаратуры – «ад роднае зямлі, ад гоману бароў» – сканцэнтравала ў сабе дух, адмысловы водар беларускай нацыянальнай стыхіі. У паэме «Новая зямля» апісанні лесу замацоўваюць арганічную далучанасць да прыроднага космасу радзімы, прадметна канкрэтнага, зрокава выразнага, тэрытарыяльна прывязанага да пэўнай мясцовасці роднага кута:

Каля пасады лесніковай
Цягнуўся гожаю падковай
Стары, высокі лес цяністы.
Тут верх асіны круглалісты
Сплятаўся з хвоямі, з дубамі,
А елкі хмурымі крыжамі
Высока ў небе выдзялілісь,
Таёмна з хвоямі шапталісь [3, с. 8].

У невялічкім урыўку невыпадкова паўтараюцца словы з семантыкай вышыні: высокі, верх, высока. Этнічна маркіраваная, дэталёва разгорнутая, дынамічная прастора лесу перадае багацце, шматстайнасць і прыцягальнасць з'яў нацыянальнай прасторы ўвогуле, акцэнтуючы яе вертыкальную скіраванасць. Лясныя краявіды ў апісаннях Коласа заўсёды ствараюць уражанне прасторы душэўнага росту. У паэме «Суд у лесе» менавіта лясны ландшафт выступае для паэта месцам духоўнага прасвятлення, узвышэння, крыніцай маральнага і фізічнага аднаўлення, вызваляючы ад жыццёвага тлуму і паспешлівасці, настройваючы на ўрачыста-велічны лад:

Люблю я лес, адвечны бор,
Дзе ўзносяць хвоі ўгору шапкі,
Дзе расцілаюць елі лапкі
І востры верх мкнуць у прастор.

І дуб крапак і куст малы
Стаяць у мудрым задуменні,
А сосны сочаць і струменяць
Густы, духмяны пах смалы.

Замлее лес – такая ціш,
І толькі пчылы струнным звонам
Гудуць працяглым роўным тонам... [5, с. 270].

Вертыкаль таксама тут выразна абазначана гонкімі стваламі сосен і вострымі вярхушкамі хвой. Дрэвы струменяць падобны фіміяму «густы, духмяны пах смалы». Гэты пах, урачыстая цішыня і мудры спакой лясных шатаў, якую парушае толькі «струнны звон» пчол, што нагадвае званы, выклікаюць устойлівую асацыяцыю *лес – храм*.

У паэзіі А. Куляшова праз апісанні лесу і вобразаў дрэў пластычна і наглядна раскрываецца псіхалагічны стан асобы і разгортваецца няспынны працэс яе самапазнання і самаідэнтыфікацыі: *Кожны мае свой бор, / родны бор на зямлі, // Бор, дзе мары, / як гордыя сосны, раслі* [6, с. 291]. Прыродныя вобразы надзяляюцца ўласцівымі чалавеку рысамі, здольнасцю суперажываць, непакоіцца, падтрымліваць. Маляўніча разгорнутыя лясныя ландшафты, утвараючы фон падзей, у сваёй канцэнтраванай сакральна-сэнсавай шматзначнасці адыгрываюць важную ролю ў матываванай псіхалагічнай характарыстыцы лірычнага героя, наглядна і пластычна канкрэтызуючы яго думкі, паводзіны, пачуццёвы стан.

З дрэвамі і лесам звязаны матыў самотнай адасобленасці, якая схіляе да засяроджанасці, філасофскай роздумнасці, спрыяе набываццю псіхалагічнай раўнавагі і душэўнага прасвятлення. Лірычны герой верша А. Куляшова «Глыбокі лістапад у Белавежы» паўстае ў вобразе дрэва ў акружэнні апалага лісця, якое атаясамліваецца з вершамі, бо, згодна з літаратурна-паэтычнай традыцыяй, лісце тоеснае словам:

А я маўчу, як дрэва
Асенняе,
згубіўшае свой дах.
Вакол мяне —
направа і налева —
Лісты, лісты, лісты
заслалі шлях [6, с. 380–381].

Мастацка-паэтычнае заглыбленне ў лясныя нетры Белавежы, дзе *шуміць лістота пушчы векавой*, садзейнічае самазаглыбленню

аўтара ў нетры сваёй душы, а эмацыянальная экспрэсія пейзажных замалёвак далучае да духоўна-псіхалагічных працэсаў, карэлюючы з пранікнёнымі маналогамі-споведзямі. «Духмяная капа» яшчэ не замеценых стужай лістоў-вершаў вярэдзіць шчымлівыя для кожнага паэта думкі-развагі аб вартасці напісанага, творчым даўгалецці: *Няўжо навек / нас замяце няўвага / Сляпых завей, бесчалавечных душ?* [6, с. 380].

Лістапад звязаны з творчасцю, асаблівай медытатываўнасцю, празрыстасцю думкі, вытанчанасцю пачуцця прыроднай і жыццёвай цыклічнасці. На мяжы быцця і небыцця – роксквіту і лістападу – абуджаецца і разнявольваецца творчае ўяўленне, абвастраюцца адчуванні, душэўныя перажыванні і філасофскія роздумы, раскрываецца падсвядомае і патаемнае, сутнаскае ў чалавеку і свеце. Менавіта час лістапада настройвае паэтаў на пранікнёны дыялог з прыродай і вечнасцю. У паэтычным асэнсаванні-спасціжэнні А. Куляшовым вышэйшага жыццёвага і творчага прызначэння, яго наканаваным вымярэнні часам і вечнасцю адчуваецца Ясенінская прысутнасць:

Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком [7, с. 174].

Апалае лісце ўспрымаецца як арганічны вобраз нястомнай працы душы, няспыннага руху творчага мыслення, плыні свядомасці. Глыбокая ўнутраная аналітычнасць разваг паэтаў, іх філасофская засяроджанасць на фундаментальных праблемах жыцця і творчасці рэзаніруе з інтэлектуальнымі замалёўкамі кнігі рускага філосафа В. Розанова «Апалае лісце»: «Шуміць вецер апоўначы і нясе лісты... Так і жыццё ў хуткаплынным часе зрывае з душы нашай воклічы, уздыхі, напаўдумкі, напаўпачуцці... Якія, будучы гукавымі абрыўкамі, маюць тую значнасць, што “сышлі” проста з душы, без перапрацоўкі, без мэты, ненаўмысна, – без усяго пабочнага... Проста “душа жыве”, ... то бок “жыла”... “дыхнула” <...> І вось я вырашыў гэтыя апалыя лісты сабраць» [8, с. 20].

Лясныя ландшафты пранікаюць ва ўспаміны, роздумы, перажыванні. У «жыццёвым лесе» верша А. Куляшова «Пра восень» сезонна

абумоўленыя, візуальна наглядныя асаблівасці вегетацыйнага цыклу маляўніча абрамляюць паэтычную формулу бессмяротнасці, узмацненую пачуццём ўлюбёнасці ў жыццё. Лірычны герой атаясамлівае сябе з восенскім дрэвам, што ніколі не губляе сваіх лістоў-надзей:

Я трымаў іх з вясны, да вясны датрымаю,
Не развею па свеце, не кіну ў бяду,
Дружным пошумам іх новы май прывітаю
І з адзінаю просьбай на дол упаду:

– Адгукніся, вясна, мне зязюляй з-за рэчкі,
Дай яшчэ раз прыпасці да любай зямлі
І каштанаў сваіх незгасальныя свечкі
Над маёй адшумеўшай вясной запалі! [6, с. 299].

У няспыннай прыроднай цыклічнасці аўтарам спалучаюцца вехі чалавечага жыцця – маладосць і сталасць. Іх гарманічнае адзінства, абазначанае неўтаймаванай пульсуючай энергетыкай і глыбакадумнай засяроджанасцю і таямнічасцю, завастрае адчуванне часу і вечнасці.

М. Эпштейн бачыць у дрэве «вобраз упартага прарастання, жыццёстойкай цярапліваці, якая пераадоўвае зменлівасць гадавога цыкла – ад асенняга завядання і зімовага галізна адраджаецца да новага квітнеючага жыцця» [9, с. 39]. Паказальная мужнасць і нястомнасць дрэў у выкананні свайго жыццёвага прызначэння: увесь час расці, развівацца, цягнуцца да сонца, вытрымліваць пры гэтым націск стыхій і пераадоўваць наканаваную прыродай нерухокасць. У вершы А. Куляшова «Сасна і бяроза» дэндралагічныя вобразы ў іх трываласці, цягавітасці, укараненасці ў глебу атаясамліваюцца аўтарам з абаронцамі Айчыны, захавальнікамі жыцця і міру на Зямлі:

Трымаюць Зямлю без падважнікаў тых,
Без мудрага троса,
Жывымі рукамі карэнняў сваіх
Сасна і бяроза [6, с. 382].

У паэме Якуба Коласа «Суд у лесе» лес таксама прадстаўлены як абаронца, выступаючы не маляўнічым дэкорам, а паўнапраўным героем твора, непасрэдным удзельнікам легендарных гістарычных падзей. У іерархічна арганізаванай прасторы лесу паэт увасабляе ідэю ратнага жыцця, якое складаецца са штодзённага супрацьстаяння ворагам шматлікай арміі дрэў, аб'яднання і захоўвання абарон-

чых рэзерваў, умацавання пераможнага патэнцыялу Айчыны:

Мне лес цяпер міл удвая,
Бо родны лес мой краю служыць,
Бо лес мой туліць смелых, дужых,
Сярод якіх душой і я [5, с. 271].

Дамінантны, самакаштоўны і знакавы вобраз лесу канцэнтруе магутную энергію народнага гневу. Эмблематычна-знакавая сімволіка дрэў паглыбляецца ўвасобленай у гэтых вобразах скразной ідэяй нястомнага супраціўлення варожай навале, няскоранасці, нязломнасці перад любымі неспрыяльнымі абставінамі.

У трылогіі Я. Коласа «На ростанях» Андрэй Лабановіч падчас вандровак па ваколіцах вёскі Верхань бачыць цэльную і прыгожую панараму з дрэў, якія ў сваім прыродным размяшчэнні нагадваюць герою абрысы замка з высокімі вежамі і купаламі: «...Зрок яго раптам загарэўся: перад вачамі цымяна вырысоўваліся з тонкай сінечы контуры прыгожага, велічлівага замка! Здалёку ён нагадваў сабою нясвіжскі замак князя Радзівіла. Які ж гэта замак? Чый? Лабановіч стаяў, зачараваны і здзіўлены, потым рушыў наперад і не прайшоў і дзесятка сажняў, як замак стаў раскідацца, траціць сваю дзівосную форму. Замест вежы аказалася шатрыстая елка, а рэшта складалася з купкі дрэваў і ўзгорка, якія стаялі на далёкай адлегласці адны ад другіх...» [10, с. 433]. Цудоўную выяву можна звязаць не толькі са здольнасцю героя мысліць прасветлена-аптымістычна, але і з бачаннем ім перспектыву гарманічнага развіцця і вышэйшай рэалізацыі чалавека, народа, краіны. Прыродны міраж з дрэў у выглядзе замка ўвасабляе вышэйшую, гарманічную ступень гэтага развіцця, нацыянальна-духоўныя арыенціры будучыні.

Заклучэнне

Дэндралагічная вобразнасць візуальна наглядна, жывапісна і сэнсава змястоўна транслюе ландшафтна і гістарычна абумоўленыя асаблівасці нацыянальна-этнічнай і маральна-духоўнай жыццёпрасторы, выступаючы своеасаблівым кодам яе глыбокага дыялектычнага пазнання ва ўсёй сукупнасці характарыстык, хранатапічных і ментальна-антрапалагічных. На прыкладзе твораў Я. Коласа і А. Куляшова можна заўважыць, якім чынам семантыка лесу пашыраецца ад прыроднага топаса да памераў духоўна-культурнай з'явы,

нацыянальна і гістарычна знакавай, разгорнутай шырокім спектрам сімволіка-метафарычных сэнсаў. Дэндралагічныя вобразы, акампануючы аўтарскай душэўнасці і пачуццёвасці, кантэкстуальна афармляюць лірыка-філасофскія роздумы, сардэчна-эмацыянальную спавадальнасць, разгортваюць асабствы і грамадзянскія, нацыянальныя і агульначалавечыя каштоўнасці і сэнсы, адыгрываюць знакавую ролю ў індывідуальна-творчым самавыяўленні мастакоў слова, іх духоўна-быццёвым самавызначэнні і ментальна-культурнай ідэнтыфікацыі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Колбовский, Е. Ю.** Культурный ландшафт и национальный пейзаж: две стороны одной реальности / Е. Ю. Колбовский // Историческая география: теория и практика. – СПб.: РГГМУ, 2004. – С. 22–30.
2. **Каганский В.** Узор ковра [Электронны рэсурс] – Рэжым доступу: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2000-07-06/5_pattern.html. – Дата доступу: 10.12.2021.
3. **Колас, Я.** Збор твораў у чатырнаццаці тамах / Я. Колас. – Мінск : Маст. літ., 1972 – 1978. – Т. 6 : Паэмы «Новая зямля» і «Сымон музыка». – 1974. – 624 с.
4. **Рильский, М.** Твори : в 10 т. / М. Рильский. – Київ : Вид. худож. литературы, 1960–1962. – Т. 9 : Статті про літературу, мистецтво і народну творчість. – 1962. – 420 с.
5. **Колас, Я.** Збор твораў у чатырнаццаці тамах / Я. Колас. – Мінск : Маст. літ., 1974. – Т. 7 : Паэмы «Рыбакова хата», «Суд у лесе», «Адплата». – 456 с.
6. **Куляшоў, А.** Збор твораў у пяці тамах / А. Куляшоў. – Мінск : Маст. літ., 1974. – Т. I. Вершы 1927–1970 гг. – 530 с.
7. **Есенин, С.** Собрание сочинений : в 5 т. / С. Есенин. – М. : Гос. изд. Худож. литература, 1961. – Т. 2 : Стихотворения (октябрь 1917–1927). – 314 с.
8. **Розанов, В. В.** Опавшие листья: лирико-философские записки / В. В. Розанов. – М. : Современник, 1992. – 543 с.
9. **Эпштейн, М.** «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Эпштейн. – М. : Высш. школа, 1990. – 303 с.
10. **Колас, Я.** Збор твораў : у 14 т. / Я. Колас. – Мінск : Маст. літ., 1972 – 1978. – Т. 9 : Трылогія «На ростанях». – 1975. – 800 с.

Паступіў у рэдакцыю 23.05.2023 г.
Кантакты: shaladonov@tut.by
(Шаладонава Жанна Сяргееўна)

Shaladonava Zh. S. ARTISTIC AND POETIC COMPREHENSION OF FOREST'S TOPOS IN THE FICTION OF Y. KOLAS AND A. KULYASHOV

The semantics of the spatial image of a forest in the fiction of J. Kolas and A. Kulyashov is examined in the article. The aesthetic potential of dendrological figurativeness is revealed not only as a colorful decor, but, most importantly, in the depicting of lyrical confession of the authors, their philosophical reflections, focus on the fundamental problems of

life and creativity, the prospects for harmonious development and the highest realization of a person, people, country. It is noted that through the symbolic filling of the elements of forest landscapes in the literary works a synthesis of natural, intellectual, philosophical and ideological principles of creativity takes place, and the processes of personal, national and mental self-knowledge are revealed.

Keywords: landscape, forest image, symbol, metaphor, worldview, philosophical reflection, creativity, harmony, self-knowledge.

УДК 821.161.1:82.02

**АВТОР И ЧИТАТЕЛЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ –
СТОРОННИКОВ ЧИСТОГО ИСКУССТВА****Т. В. Данилович**

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры белорусской и зарубежной литературы
Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка

В статье рассматриваются особенности взаимоотношений создателя художественных творений и воспринимающего эти создания, характер влияния искусства на реципиента, образ идеального читателя и читателя утилитарного склада в интерпретации представителей «искусства для искусства» в русской литературе. Отмечается отсутствие единства представлений сторонников чистого искусства о взаимосвязи автора и читателя об образе эталонного реципиента, особенностях воздействия искусства на читателя. Утверждается мысль об отсутствии однозначной критической оценки адептами «искусства для искусства» читателей – приверженцев утилитарного подхода к художественному творчеству.

Ключевые слова: «искусство для искусства», чистое искусство, автор, рецепция художественных произведений, идеальный читатель, реципиент утилитарного склада, характер воздействия искусства на человека.

Введение

Тема автора и читателя оказывается в поле зрения ученых разных историко-культурных эпох начиная с XIX в. и до современности: А. А. Потебни [1; 2], А. И. Белецкого [3], М. М. Бахтина [4], Р. Барта [5], М. Фуко [6], Л. В. Чернец [7], Б. В. Кондакова [8; 9], В. С. Абрамовой [9], И. А. Щировой [10], Т. М. Ковалевой [11], А. С. Комарова [12; 13], Е. В. Макеенко [14], Л. И. Стрелец [15], С. П. Рубцовой [16] и др. Наиболее распространенными предметами исследования выступают общие законы и характер взаимосвязи автора и читателя, воздействия читательской аудитории на литературную жизнь и творческую деятельность конкретного писателя, особенности процесса рецепции художественного текста, влияния на это социокультурного контекста; выявляются типы читателей.

В работах современных исследователей одним из ракурсов изучения темы автора и читателя становится осмысление характера ее интерпретации представителями разных

литературных направлений и течений, отдельными писателями. Например, Н. А. Артемьева раскрывает особенности образа читателя в баснях И. А. Крылова [17], Е. Ю. Геймбух – в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя [18], О. Н. Турьшева определяет специфику образов персонажей-писателей и персонажей-читателей в русской постмодернистской литературе [19].

Своеобразие имеет тема автора и читающей публики в интерпретации сторонников чистого искусства. В литературно-критических статьях, лекциях, декларациях, интервью многих русских писателей-представителей «искусства для искусства» излагаются мысли по этому поводу. Однако специфика восприятия данной темы апологетами идеи чистоты художественного творчества специальным предметом изучения не являлась.

Основная часть

В русской литературе немало писателей оказываются приверженцами чистого искусства, причем некоторые из них, не считая себя таковыми, придерживаются определяющих положений этой концепции: автономии и самоценности литературы, специфичности ее законов, надвременного характера задач искусства, недопустимости копирования реальности в художественном творчестве, неприемлемости утилитарного подхода к искусству, значимости формы в художественном произведении, использования эстетического критерия для оценки места творений искусства в литературном ряду. Среди художников слова, для которых обозначенные эстетические установки становятся творческим ориентиром, – А. Фет, А. Дружинин, В. Брюсов, М. Кузмин, Д. Бурлюк, Л. Лунц, М. Цветаева, В. Набоков и др. В суждениях этих писателей об искусстве нередко затрагивается тема отношений автора и читателя.

Рассуждая о творце и читательской аудитории, сторонники чистого искусства отрицают восприятие первого в функции учителя, глашатая, пропагандиста. Традиционным

способом утверждения этой мысли оказывается идея субординации создателя художественных творений и их реципиента. Многие сторонники чистого искусства видят творца возвышающимся над толпой, что означает игнорирование ее требований и запросов. Провозглашается недопустимость для художника быть ведомым, подстраивающимся под вкусы и интересы читателя. Так, Фет убежден, что творческая судьба того, кто отклоняется от этого пути, плачевна: «Он уже одною ногою сходит с своего незыблемого пьедестала на уровень толпы. Он уже сомневается, колеблется, он решил свое “не быть”» [20, т. 3, с. 263]. М. Кузмин утверждает, что читатель может невольно препятствовать творческим исканиям любимого художника, требуя от него «штампов и перепевов» [21, с. 395]. Творцу, с кузминской точки зрения, необходимо отказаться от желания соответствовать ожиданиям публики, стремления к популярности в пользу творчества. Д. Бурлюк, придерживаясь идеи О. Уайльда об имитации реальностью созданного в искусстве, отмечает, что эта мысль задает образец взаимоотношений общества и творческой личности, так как в пику попыткам управлять художником «возносит творца над толпой, – деля его руководителем жизни» [22, с. 155].

Дистанцирование творца от публики А. Фет визуализирует в форме пребывания художника на пьедестале, А. Дружинин – на Олимпе, В. Набоков – в башне из слоновой кости. При этом абсолютный отказ от коммуникации с миром эти писатели не подразумевают.

Отрешение от повседневности в искусстве и активная общественная позиция в действительности – модель поведения художника, артикулируемая в статьях А. Фета и реализуемая им на практике. Писатель отмечает, что в реальной жизни он погружен в те же проблемы, которыми живут его современники. Так, в статье «Ответ “Новому времени”» (1891) А. Фет отстаивает право на публичное изложение собственных взглядов по поводу происходящего в стране, апеллируя к своему богатому опыту участия в общественных делах. Поэт характеризует себя как человека, который в реальной жизни вынужден был «в продолжение тринадцатилетней военной службы ответственно заведывать отдельными частями и исполнять в продолжение 11 лет должность участкового мирового судьи, которому пришлось раздавать нуждающимся в хлебе крестьянам его участка собранные им деньги и затем устроить на эти

деньги во Мценском уезде земскую больницу» [23, т. 2, с. 174–175]. А. Дружинин тоже отмечает необходимость разного типа взаимоотношений творца с окружающими людьми в быту и в процессе творческой деятельности. Не приветствуя отстранение от общества в повседневной жизни, А. Дружинин считает необходимым дистанцирование от желаний и предпочтений публики в ходе творчества, поскольку поэт «обязан хранить для себя самого свое дарование, во всей его прямоте, во всей его целостности, во всей его непосредственности» [24, с. 307]. Рекомендуемый В. Набоковым образ жизни в башне из слоновой кости не предполагает категорический отказ от связи с внешним миром, допуская всегдашнюю возможность писателя «выскакнуть за вечерней газетой или позвать приятеля на шахматную партию», а также поощряя «регулярное слияние с толпой» [25, с. 465]. Последнее, с набоксовской точки зрения, значимо для творца в силу необходимости накопления жизненных наблюдений.

Наряду с приверженцами возвышения художника над толпой среди представителей чистого искусства есть писатели, выступающие за демократизацию образа творца. Так, для В. Брюсова уравнивание писателя с представителями других профессий служит одним из способов реализации идеи творческой свободы. Не отрицая необходимость выполнения поэтом гражданского долга в сложные периоды общественной жизни, Брюсов оспаривает пропагандируемую сторонниками утилитарного подхода к искусству форму вовлечения творческой личности в происходящее – участие «стихами» [26, т. 2, с. 104], заостряя внимание на мысли о том, что гражданский долг творческой личности и ее соотечественников совпадает по содержанию. Используя прием переноса вменяемых поэту обязанностей на представителей других профессий, В. Брюсов отмечает: «Тогда надо будет требовать от золотых дел мастера, чтобы он служил гражданской общине именно своими изделиями и чтобы доктор лечил только раненных в уличных, партийных схватках» [26, т. 2, с. 104].

Объектом размышлений представителей чистого искусства оказывается и образ идеального читателя. Л. Лунц, противопоставлявший литературе учительского характера остросюжетные приключенческие произведения, рассматривал как искаженное представление о естественных читательских интересах то, что в русском обществе адресатом произведения

с захватывающей интригой признаются дети. Предпочтения читателей-детей для Л. Лунца не являются признаком их инфантильности. Писатель видит в ребенке отражение природной расположенности читателя к восприятию произведений определенного жанра. Ребенок, согласно Л. Лунцу, – олицетворение чистого читателя, сознание которого в противоположность «просвещенному общественнику», «лысому поклоннику “серьезных” творений», не испорчено влиянием идей, внушенных учителями русской словесности, стремящихся переориентировать взрослеющего человека на литературу общественно-политического характера [27, с. 343–344].

В противоположность Л. Лунцу для В. Набокова читатель-ребенок – реципиент, находящийся только в отправном пункте на пути к становлению подлинного читателя, который становится таковым только с обретением читательского опыта. Такие типы читательской рецепции, как эмоциональное чтение и безличное воображение, В. Набоков приписывает разным возрастным категориям читателей. Уход от эмоционального чтения, умение читать, понимая авторский замысел, а не сопереживая персонажу, согласно писателю, – приметы взросления читателя. В отличие от тех, для кого воплощением разных типов реципиентов являются разные индивидуумы, В. Набоков говорит о способности одного читателя меняться, совершенствуясь, становится все более компетентным.

Идеальному читателю, в набоковском представлении, должны быть присущи такие качества, как понимание нетождественности литературных образов явлениям реального мира; дистанцированность от героя и событий произведения искусства; восприятие писателя не в качестве выразителя национального духа, общественных настроений и идей, а как индивидуальности, создающей собственную художественную реальность. Идеальный набоковский читатель – эстет и гурман, которому «нравится книга не потому, что она помогает ему обрести “связь с обществом”... а потому, что он впитывает и воспринимает каждую деталь текста, восхищается тем, чем хотел поразить его автор, сияет от изумительных образов, созданных сочинителем, магом, кудесником, художником» [28, с. 40]. В то время как для Лунца условием эталонной рецепции оказывается присущая ребенку неидеологизированность сознания, Набоков считает, что к статусу идеального читателя реципиент может

приблизиться, только пройдя стадию взросления во взаимоотношении с художественным текстом, научившись дистанцироваться от него. Таким образом, оба писателя, исповедуя мысль о необходимости бестенденциозной рецепции искусства, расходятся в представлении о способном на это читателе.

Для апологетов чистого искусства оказывается актуально и осмысление образа читателя-утилитариста. Не принимая прагматический подход к литературе, некоторые сторонники «искусства для искусства» при этом разделяют адептов утилитаризма на безвредных для творческой деятельности и деструктивно влияющих на нее. Если в пушкинском стихотворении «Поэт и толпа» публика монолитна в своих требованиях к творцу, то А. Дружинин не воспринимает читательскую аудиторию как единую массу, выделяя две категории реципиентов: «бессмысленный народ»¹, или «грубую толпу», которая почти не обладает аналитичностью и требовательностью, и «мыслящую», «прозаически-разумную», «пропитанную современной мудростью» толпу [24, с. 307]. Опасность, по мысли критика, представляет последняя, лишаящая художника творческой свободы.

Подобно А. Дружинину, А. Блок среди реципиентов прагматического склада одних не воспринимает как угрозу творцу, других считает помехой для свободного искусства. К первой категории поэт относит низшие сословия общества, людей, похожих «на землю, которую они пашут» [30, т. 6, с. 162]. Такому читателю, в блоковском понимании, просто не дано услышать и понять лирику: «Ему трудно живется, и мы не хотим презирать его: он не виноват в том, что похлебка ему милее золотых снов, что печной горшок дороже звуков сладких и молитв» [30, т. 5, с. 133]. А. Блок выступает с позиции адвоката подобной публики, осознавая пределы доступного ей. Истинной угрозой для свободного художника автор статьи считает чиновников, обязанных по роду деятельности служить культуре, но создающих преграды творцу в виде цензуры на этапе, когда художественное произведение должно стать достоянием читателя. В глазах Блока эти чиновники и есть чернь, «дельцы и пошляки, духовная глубина которых безнадежно и прочно заслонена “заботами суетного света”» [30, т. 6, с. 164].

¹ В этой характеристике содержится отсылка к пушкинскому образу «бессмысленного народа» в стихотворении «Поэт и толпа» [29, т. 3, с. 85].

Представители чистого искусства осмысливают и характер влияния искусства на читателя. А. Дружинин убежден в предсказуемости воздействия литературы. Творческая деятельность «талантливого, просвещенного и благонамеренного» писателя, согласно Дружинину, неизменно позитивно отражается на читателе [24, с. 172].

М. Цветаева считает характер воздействия искусства амбивалентным, что означает непредсказуемость влияния прочитанного, способность принести не только пользу, но и вред. Одно и то же художественное произведение, более того, один и тот же литературный герой, одна и та же страница и строка, по убеждению поэтессы, могут оказывать разное воздействие на читателей. М. Цветаева убеждена в неспособности искусства выступать в дидактической роли в силу его стихийной природы, неподотчетности художнику, выступающему только в роли медиатора услышанного свыше: «Чему учит искусство? Добру? Нет. Уму-разуму? Нет. Оно даже себе самому научить не может, ибо оно – дано» [31, с. 381]. Дидактическое в искусстве не его имманентное свойство. Моральный смысл, как отмечается в цветаевской статье, привносится в создание искусства реципиентами, и каждый извлекает собственные уроки из искусства: «Один прочел Вертера и стреляется, другой прочел Вертера и, потому что Вертер стреляется, решает жить. <...> Урок самоистребления? Урок самообороны? И то и другое» [31, с. 382]. Преобладающим оказывается ощущение опасности, исходящей от художественных произведений, часто не осознаваемой людьми. Данная проблема осмысливается М. Цветаевой как глубоко личная. Представление о том, что ее собственные произведения могут быть источником зла, невыносимо: «...лучше бы мне камень повесили на шею» [31, с. 394]. М. Цветаева испытывает чувство вины за невозможность сделать так, чтобы художественное произведение было исключительно источником пользы. Ее суждения наполнены драматизмом, который обусловлен пониманием возможной вредоносности творчества, с одной стороны, и необходимостью принять это как данность для того, кто выбрал стезю поэта, с другой стороны.

В отличие от сторонников чистого искусства, не выражающих недовольства способностью литературы наносить читателю вред, М. Цветаева обеспокоена непредсказуемостью читательского восприятия художественного произведения.

Заключение

У представителей чистого искусства идея автономии художественного творчества обуславливает интерпретацию взаимоотношений автора и читателя, идеального реципиента и читателя утилитарного склада, характера воздействия литературы на читательское сознание. При этом конкретное смысловое наполнение единых для всех адептов «искусства для искусства» принципов (антиутилитаризма, отказа от учительства и проповедничества) характеризуется многообразием. Так, одни выразители идей «искусства для искусства» иерархируют отношения автора и читателя, другие критикуют идею возношения художника над публикой. Для кого-то эталоном читателя становится ребенок, не успевший перенять от взрослых их эстетические ориентиры, для кого-то – реципиент, прошедший этапы взросления во взаимоотношениях с художественной реальностью. Одни сторонники чистого искусства придерживаются мысли о пользе литературы для читателя, другие считают характер воздействия художественного творчества амбивалентным.

Читательская аудитория утилитарного склада не всегда критикуется сторонниками чистого искусства. Некоторые из них среди таких читателей выделяют не только способных принести ущерб творческой деятельности, но и безопасных для художника.

Обозначенное выше свидетельствует о разнообразии направлений творческих исканий художников слова в поисках чистоты искусства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Потебня, А. А.* Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. – М. : Высш. шк., 1990. – 344 с.
2. *Потебня, А. А.* Мысль и язык / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 2007. – 248 с.
3. *Белецкий, А. И.* Об одной из очередных задач историко-литературной науки (Изучение истории читателя) / А. И. Белецкий // В мастерской художника слова / А. И. Белецкий. – М. : Высш. шк., 1989. – С. 112–126.
4. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
5. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1994. – 616 с.
6. *Фуко, М.* Что такое автор? / М. Фуко // Современная литературная теория. Антология / сост. И. В. Кабанова. – М. : Флинта : Наука, 2004. – С. 69–92.

7. **Чернец, Л. В.** «Как слово наше отзовется...». Судьба литературных произведений : учеб. пособие / Л. В. Чернец. – М. : Высш. шк., 1995. – 239 с.
8. **Кондаков, Б. В.** Образ читателя в системе художественного произведения: к проблеме построения типологии художественных образов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08. – Москва, 1983. – 215 с.
9. **Кондаков, Б. В.** Автор и читатель в пространстве художественного текста [Электронный ресурс] / Б. В. Кондаков, В. С. Абрамова // Филологические исследования. – 2019. – № 7 (1). – Режим доступа: <https://journals.ukim.mk/index.php/philologicalstudies/article/view/650> – Дата доступа: 16.05.2023.
10. **Щирова, И. А.** О «правах» автора, читателя и текста / И. А. Щирова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2–3. – С. 86–92.
11. Ковалева, Т. М. Категория идеального читателя в повестях Н. В. Гоголя : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Т. М. Ковалева. – Новосибирск, 2012. – 23 с.
12. **Комаров, А. С.** Межличностное взаимодействие читателя, автора и персонажа художественного текста / А. С. Комаров // Вестник МГИМО. – 2012. – № 5. – С. 215–220.
13. **Комаров, А. С.** Автор и персонаж в субъект-субъектном пространстве художественной прозы / А. С. Комаров // Филологические науки в МГИМО: сб. науч. трудов / отв. редактор Г. И. Гладков. – М. : МГИМО (У) МИД России, 2012. – № 48 (63). – С. 176–185.
14. **Макеенко, Е. В.** Автор и читатель в структуре художественного текста : на материале русской литературы 1990–2010-х гг. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Е. В. Макеенко. – Новосибирск, 2013. – 181 с.
15. **Стрелец, Л. И.** Коммуникативная основа читательской рецепции / Л. И. Стрелец // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 6 (134) – С. 50–53.
16. **Рубцова, С. П.** Проблема автора и читателя в литературном произведении / С. П. Рубцова // Вестник ВГУ. Сер. Философия. – 2015. – № 2. – С. 140–150.
17. **Артемьева, Н. А.** Образ читателя-адресата в баснях И. А. Крылова / Н. А. Артемьева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – № 35 (76), ч. 1. – С. 34–39.
18. **Геймбух, Е. Ю.** Образ читателя в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» / Е. Ю. Геймбух // Русский язык в школе. – 2007. – № 2. – С. 44–47.
19. **Турьшева, О. Н.** Книга – чтение – читатель как предмет литературы / О. Н. Турьшева. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011. – 286 с.
20. **Фет, А. А.** Сочинения и письма : в 20 т. / А. А. Фет. – М. – СПб. : Академический проект, 2002–2015.
21. **Кузмин, М. А.** Стихи и проза / М. А. Кузмин. – М. : Современник, 1989. – 431 с.
22. **Бурлюк, Д. Д.** Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения / Д. Д. Бурлюк. – СПб. : Пушкин. фонд, 1994. – 381 с.
23. **Фет, А. А.** Сочинения : в 2 т. / А. А. Фет. – М. : Художественная литература, 1982.
24. **Дружинин, А. В.** Прекрасное и вечное / А. В. Дружинин. – М. : Современник. – 543 с.
25. **Набоков, В. В.** Лекции по зарубежной литературе / В. В. Набоков. – М. : Издательство Независимая Газета, 1998. – 512 с.
26. **Брюсов, В. Я.** Сочинения : в 2 т. / В. Я. Брюсов. – М. : Художественная литература, 1987.
27. **Луни, Л. Н.** Обезьяны идут! / Л. Н. Луни. – СПб. : ООО «Инапресс», 2003. – 752 с.
28. **Набоков, В. В.** Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. – СПб. : Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 446 с.
29. **Пушкин, А. С.** Собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950–1951.
30. **Блок, А. А.** Собрание сочинений : в 8 т. / А. А. Блок. – М. – Л. : Художественная литература, 1960–1963.
31. **Цветаева, М. И.** Сочинения : в 2 т. / М. И. Цветаева. – М. : Художественная литература, 1988. – Т. 2: Проза; Письма. – 639 с.

Поступила в редакцию 10.06.2023 г.
 Контакты: tanya.tada@mail.ru
 (Данилович Татьяна Валерьевна)

**Danilovich T. V. AUTHOR AND READER
 IN THE PRESENTATION OF RUSSIAN
 WRITERS-SUPPORTERS OF PURE ART**

The article discusses the features of the relationship between the creator of artworks and their perceiver, the nature of the influence of art on the perceiver, the image of the ideal reader and the reader of the utilitarian mindset in the interpretation of the representatives of “art for art’s sake” in Russian literature. There is a lack of unity in the views of the supporters of pure art on the relationship between the author and the reader; on the image of the ideal reader, on the peculiarities of the impact of art on the reader. The idea of lack of unequivocal critical assessment, given by the adherents of “art for art’s sake”, of the readers who support the utilitarian approach to artistic creativity is affirmed.

Keywords: «art for art’s sake», pure art, author, perception of works of art, ideal reader, reader of utilitarian mindset, the nature of the impact of art on a person.

**НЕПРЯМЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОЙ ИНТЕНЦИИ ПРИКАЗА
В СТАТУСНО-МАРКИРОВАННОМ ДИАЛОГЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ М. БУЛГАКОВА «БЕЛАЯ ГВАРДИЯ»
И З. ПРИЛЕПИНА «ПАТОЛОГИИ»)**

Н. А. Михальчук

кандидат филологических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена проблеме не прямой коммуникации в статусно-маркированном диалоге в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и З. Прилепина «Патологии», изменению характера не прямых высказываний в художественном тексте в динамике с XX по начало XXI в. Доказывается, что в речи вышестоящих употребительными являются речевые акты со значением приказа. В романе З. Прилепина отсутствуют частотные в художественном тексте XX в. способы выражения приказа в форме просьбы, совета, предложения, однако является употребительным приказ в виде сообщения. Особенностью текста XXI в. становится низкая частотность макроречевых актов со значением приказа.

Ключевые слова: Непрямая коммуникация, косвенный речевой акт, речевая интенция, микроречевой акт, макроречевой акт.

Введение

Одной из важнейших сфер общения, отраженных в произведениях русских писателей XX в., в которой осуществляется диалог неравноправных по статусу партнеров, является армия. В художественном тексте диалог между вышестоящим и нижестоящим в армейской среде был описан в начале XX в. А. Куприным, в 20-е гг. XX в. – М. Булгаковым и в начале XXI в. – З. Прилепиным. Показательным является своеобразие прямых и не прямых высказываний в каждом из этих произведений, иное соотношение двух типов коммуникации, преобладание различных средств общения, а также изменение характера коммуникации в художественном тексте, отражающем диалог в армейской среде, в динамике с 1905 по 2005 г.

Речевой акт приказа является одним из самых употребительных в речи вышестоящего по отношению к нижестоящему в армейской среде, что отражено и в художественной прозе. Приказ – это категоричное требование, предполагающее обязательное выполнение действия, о котором говорит адресант.

О необходимости прямо и однозначно доносить приказ вышестоящему, не рассчитывая на способность нижестоящего к интерпретации, пишет Л. П. Крысин: «В речевых актах приказа, выговора, наставления речь X-а максимально эксплицитна, хотя Y в этом далеко не всегда заинтересован» [1, с. 429]. И. А. Стернин утверждает: «Косвенные распоряжения неприменимы в армии – из-за их многозначности, возможности противоречивой интерпретации, неправильного понимания подчиненными» [2, с. 22]

Реализации интенций вышестоящим могут оцениваться как невежливые в ином случае – «грубого доминирования», игнорирования чувств и желаний нижестоящего, отношения к человеку в подчинении как к средству [3]. В подобной ситуации нарушается вертикальное коммуникативное равновесие, равно как и в случае проявления грубости и неуважения по отношению к начальнику со стороны подчиненного.

Тем не менее, с точки зрения теории вежливости А. Браун и С. Левинсона, приказ – это неблагоприятный для адресата речевой акт, он расценивается как угроза «негативному лицу» адресата, так как препятствует свободе выбора будущих действий того, к кому обращен [4].

В рамках теории вежливости П. Браун и С. Левинсона противопоставляются позитивная вежливость, которая ведет к сокращению дистанции между говорящими, и негативная вежливость, основанная на дистанцировании. Авторы теории предлагают гиперстратегии, позволяющие снизить ущерб «лицу» адресата от реализации неблагоприятных интенций. Одной из гиперстратегий является употребление в речи косвенных речевых актов, в которых намерения не формулируются открыто [4].

Принимая определение В. В. Дементьева, не прямую коммуникацию мы рассматриваем как «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся собственно в высказывании, и требует дополнительных

интерпретативных усилий со стороны адресата» [5, с. 5]. В последние десятилетия непрямая коммуникация изучалась в различных сферах: в обиходно-бытовой речи [6; 7] в научной речи [8], в художественном дискурсе [9–12].

Основная часть

Проанализируем непрямую реализацию интенции приказа в романах М. Булгакова «Белая гвардия» и З. Прилепина «Патологии». Изучение косвенных речевых актов проводится в двух контекстах: 1) диалог; 2) нарративный контекст, отражающий реплику в диалоге, типа: «Он кивнул».

Цель данной статьи – проанализировать и сравнить причины использования, функции, языковые средства реализации, а также способы выражения прагматического значения косвенного приказа в романах М. Булгакова «Белая гвардия» и З. Прилепина «Патологии». Высказывания, релевантные для проблематики статьи, отбирались методом сплошной выборки.

Для достижения цели исследования использовались следующие методы: метод контекстуального анализа в качестве основного, описательный метод для характеристики явления непрямой коммуникации, типов коммуникации и интенциональных значений в дискурсах персонажей З. Прилепина и М. Булгакова, метод анализа и синтеза для теоретического обобщения языковых фактов, компаративный метод для сопоставления непрямой коммуникации в произведениях писателей.

Наиболее употребительной интенцией, реализуемой в речи вышестоящих в романе, является интенция приказа. Из 73 речевых актов приказа в романе 56 выражают коммуникативное намерение прямо и 17 – непрямо.

В прямых высказываниях регулярно используются следующие языковые средства актуализации побуждения:

1) формы императива: «Постарайтесь, артиллеристы!»;

2) формы глагольного инфинитива, ср.: «Доктору немедленно выдать обмундирование»;

3) сочетание глагола-связки потрудитесь с инфинитивом, ср.: «Потрудитесь после моего смотра дивизион распустить по домам».

4) перформативный глагол, ср.: «Приказываю вам стать на места и слушать!».

При общем преобладании прямых речевых актов приказа косвенный приказ также выступает в произведении в качестве способа выражения побуждения и средства речевой характеристики персонажей. Обратимся к примерам.

Прагматическое значение приказа в романе «Белая гвардия» может быть выражено в виде просьбы. В качестве показателей просьбы – собственного значения высказывания, ситуативно обусловленным значением которого является приказ, могут выступать:

1) перформативный глагол просить: «Вас попрошу прибыть сюда завтра в два часа дня. До тех пор вы свободны»;

2) формы актуализации вежливости, используемые в русском языке при выражении значения просьбы, – будьте добры, будьте любезны: «Будьте любезны принять команду фельдшеров и дать ей инструкции»; «Капитан Студзинский, будьте добры отправить в штаб командирующего отношение о срочном переводе ко мне поручика». «Вот что-с. Поручаю вам электрическое освещение здания полностью. Будьте любезны овладеть им настолько, чтобы в любое мгновение вы могли его не только зажечь, но и потушить». Коммуникативное намерение приказа помогают интерпретировать как отношения между коммуникантами и их социальный статус, так и лексические маркеры, указывающие на необходимость немедленного выполнения действия: «в любое мгновение», «срочный перевод».

Побудительное значение приказа может косвенно выражаться в форме сообщения: «Вы еще наладите нам отопление здесь, в зале, чтобы отогреть смены юнкеров, а уж об остальном я позабочусь сам». В данном примере наблюдается переносное употребление изъявительного наклонения в значении повелительного. «Вы, поручик, можете не возвращаться в дружину – Слушаю, господин полковник»; «Погоны можете пока не надевать». Сочетание модального глагола «мочь» с инфинитивом смягчает реализацию интенции, снижает категоричность волеизъявления.

Приказ может быть реализован в виде предложения: «– А вы, доктор, с этого момента на службе. Предлагаю вам явиться сегодня через час на плац Александровской гимназии. – Слушаю, господин полковник». На собственное значение высказывания «предложение» указывает перформатив предлагаю.

Таким образом, причинами употребления косвенного приказа в произведении М. Булгакова выступают вежливость, снижение категоричности реализации интенции, стремление к выражению солидарности с адресатом, а также к эффективности воздействия.

Функциями не прямых высказываний являются речевая характеристика персонажей,

реалистическое отражение быта и общения в воинской среде, выражение авторского отношения к героям.

Роман З. Прилепина «Патологии», написанный в 2004 г. и опубликованный в 2005 г., изображает войну в Чечне глазами молодого бойца спецназа. В качестве вышестоящих в романе выступают командир Семеныч, замкомвзвода Язва, взводный Шея (так их называют солдаты, настоящие имена в тексте не приводятся). Главной особенностью статусно-маркированного диалога в произведении является сближение официального варианта этикета с приятельским в дискурсе вышестоящего.

В речи Семеныча по отношению к спецназовцам регулярно наблюдаются черты приятельского этикета: ср. обращения «ребятки», «братцы», «мужики», «родные», формулы поздравления и пожелания командира, адресованные бойцам: «С почином», «Ну, с Богом, родные».

Из 101 высказывания со значением приказа в романе 81 речевой акт реализует интенцию прямо.

Прямые волеизъявления выражаются следующими грамматическими средствами:

1) формами императива, ср.: «Займите позицию и не высовывайтесь!»;

2) формами инфинитива, ср.: «С постов не расползаться. Не курить!»;

3) формобразующими частицами давай/давайте со значением призыва к действию при отсутствии глагольной формы в неполном односоставном предложении (11 примеров употребления), ср.: «Давай на базу», «Давай на крышу», «Ну, давайте, ребятки, – приказывает Семеныч».

По сравнению с «Белой гвардией» М. Булгакова в романе З. Прилепина диапазон способов непрямого выражения приказа уменьшается. Так, не было выявлено непрямого реализации данной интенции в форме просьбы, предложения.

В «Патологиях» З. Прилепина актуализирована транспозиция глагольных форм 1-го лица множественного числа настоящего или будущего времени изъявительного наклонения, которые в контекстуальных условиях приобретают значение приказа (19 речевых актов), ср.: «Выдвигаемся к домам!» – командует Семеныч»; «Выходим через пять минут», «Строимся, братцы», «Уходим отсюда», «Стучим в дверь, никому не хамим».

Конструкции, подобные этим, в современном русском языке регулярно используются для реализации приглашения к совместно-

му действию, но в данном случае они употреблены в значении побуждения, обращенного к бойцам. Такие высказывания мы рассматриваем в качестве конвенциональных косвенных речевых актов, подчиняющихся общепринятым правилам использования. Переносное употребление форм глаголов изъявительного наклонения в значении повелительного в приведенных примерах снижает категоричность коммуникативного намерения, создает видимость нивелирования статусных различий коммуникантов.

Форма глагола 2-го лица единственного числа будущего времени, приобретая в контексте побудительное значение, напротив, обозначает безапелляционный приказ, не допускающий возражения и отказа: «Домой поедешь! – безо всякого перехода говорит Семеныч».

Значение побуждения к действию выражается в романе З. Прилепина и формами 3-го лица множественного числа настоящего времени: «Второй зарок: бойцы смотрят на командиров, командиры делают то, что говорю я».

В романе наблюдается приказ в форме вопроса, включающего просторечную лексему: «Меня вызывает по рации Шея. – На приеме, – отвечаю бодро. – Может, заткнётся?»

Причинами использования косвенных речевых актов со значением приказа в романе выступает стремление к солидарности с адресатами и к смягчению воздействия. Функциями косвенных речевых актов являются речевая характеристика персонажей и отражение быта и общения в армейской среде в современную эпоху.

В речевых актах приказа в романе Прилепина активен эвфемизм «работайте», выступающий вуалирующей заменой лексемы «стреляйте»: «Работайте, ребятки, работайте!», «Работай по хрущевкам». Одно из таких высказываний главный герой романа сопровождает метакоммуникативным комментарием, в котором выражает свое отношение к данному частотному у командира средству непрямого коммуникации: «Мне очень нравится это слово – «работать». Хорошо, что он так говорит».

Микроречевые высказывания со значением приказа в романе, как прямые, так и косвенные, тяготеют к лаконизму, не допускают избыточности. Показательны и изменения, происходящие в тексте XXI в. в области использования макроречевых актов.

Речевые акты, выходящие за рамки одного высказывания, вслед за лингвистами мы относим к «макроречевым актам» (термин Т. А. Ван Дейка) [13]. Как отмечают А. Г. Поспелова и

Е. Н. Шустрова, понятие косвенного макроречевого акта предполагает наличие: 1) «косвенного микроречевого высказывания в прагматическом фокусе; 2) одной перлокутивной цели, объединяющей несколько иллокутивных актов, осуществляемых одним отправителем речи» [14].

Приказ выполнить действие, неодобрение речевого поведения партнеров, выражение извинения в речи вышестоящего в романе М. Булгакова «Белая гвардия» могут осуществляться в виде макроречевых актов, что не характерно для коммуникации в романе З. Прилепина, в котором преобладает микроречевое высказывание. Обратимся к примерам.

«Поручик Мышлаевский. Пожалуйста, сюда. Вот что-с: поручаю вам электрическое освещение здания полностью. Потрудитесь в кратчайший срок осветить. Будьте любезны овладеть им настолько, чтобы в любое мгновение вы могли его всюду не только зажечь, но и потушить». («Белая гвардия») В приведенном фрагменте диалога макроречевой акт приказа содержит следующие компоненты: 1) обращение, 2) приглашение к разговору, 3) поручение освоить выполнение действия, 4) побуждение к выполнению действия за короткое время; 5) требование тщательного выполнения поручения.

В романе З. Прилепина актуализированы «самостоятельные» косвенные микроречевые акты со значением приказа. Косвенные макроречевые акты, реализующие интенции приказа, в произведении насчитывают всего 6 единиц употребления, максимальное число высказываний, входящих в состав коммуникативных единиц, – 2, ср.: *«Попросили собрать пять надежных ребят. За неимением надежных остановились на вас» – мрачным, почти похоронным тоном говорит Шея, открывая дверь в кабинет.* Схема косвенного приказа: 1) условие для сообщения; 2) приказ в форме неодобрения.

Таким образом, показательное уменьшение «длины» высказывания со значением приказа в речи вышестоящего, адресованной нижестоящему, в художественном тексте XXI в. – как значительное снижение количества макроречевых актов, так и уменьшение в них числа компонентов.

Низкая частотность косвенных макроречевых актов объясняется предпочтением кратких форм в современной речевой коммуникации, а также частично особенностями коммуникативной ситуации: опасностью на войне, дефицитом времени, необходимостью быстро принимать решения.

Говоря о человеке XXI в., И. А. Стернин констатирует: «Люди отучаются произносить

более или менее длинные монологи» [2, с. 30]. Данную черту речевой коммуникации в XXI в. лингвист связывает с явлением персонификации личности, которое оказывает влияние на характер общения. По этим же причинам косвенные микроречевые акты приказа, требующие времени как для их порождения, так и для интерпретации, являются менее употребительными, чем прямые (всего 20 случаев использования). Использование косвенной коммуникации в целом противоречит установке на выражение солидарности с нижестоящим, на приятельский этикет, избираемой командиром.

Заключение

Таким образом, наиболее частотной интенцией, выраженной напрямую, в романах М. Булгакова «Белая гвардия» и З. Прилепина «Патологии», является приказ.

Косвенный приказ в романе М. Булгакова осуществляется в форме просьбы, сообщения, предложения. По сравнению с произведениями русских писателей XX в., в романе З. Прилепина нет разнообразия способов непрямого выражения приказа: отсутствует приказ в форме просьбы, предложения, совета, прощания. В «Патологиях» З. Прилепина частотна транспозиция глагольных форм 1-го лица множественного числа настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, которые употреблены в значении приказа, что снижает категоричность реализации интенции, компенсирует ущерб, наносимый «лицу» адресата.

В романе Булгакова косвенный приказ употребляется с целью стемления к вежливости, к некатегоричности, выражению солидарности с нижестоящим, к эффективности воздействия. Причинами использования косвенных речевых актов со значением приказа в романе З. Прилепина выступают стремление к смягчению реализации интенций, к солидарности, единению с солдатами.

В произведении М. Булгакова употребительны косвенные макроречевые акты со значением приказа. В «Патологиях» З. Прилепина непрямо реализация речевых интенций в большинстве случаев осуществляется посредством микроречевого акта. Косвенные макроречевые акты характеризуются низкой частотностью, максимальное число составляющих их компонентов при выражении приказа равно двум. Лаконизм осуществления интенций объясняется как особенностями речевого общения XXI в., связанными с явлением персонификации личности, так и частично выбо-

ром экономиящих речевые усилия форм коммуникации с учетом специфики ситуации.

Таким образом, следует говорить об изменении характера не прямой коммуникации в статусно-маркированном диалоге в художественном тексте начала XXI в. по сравнению с XX в. Данные изменения сводятся к следующему: 1) уменьшение «длины» высказывания со значением приказа в речи вышестоящего, преобладание реализаций данных речевых интенций в виде микроречевых актов; 2) уменьшение диапазона способов непрямого выражения приказа в речи вышестоящего, адресованной нижестоящему; 3) активность транспозиции глагольных форм изъявительного наклонения; 4) отсутствие вежливости в качестве причины использования косвенных речевых актов со значением приказа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Крысин, Л. П.** Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
2. **Стернин, И. А.** Основы речевого воздействия / И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2012. – 178 с.
3. **Карасик, В. И.** Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
4. **Brown, P.** Universals in language usage: politeness phenomena / P. Brown, S. Levinson // Questions and politeness: strategies in social interaction / ed. E. Goody. – New York, 1979. – P. 56–289.
5. **Дементьев, В. В.** Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 374 с.
6. **Нестерова, Т. В.** Непрямые способы выражения интенций «сочувствие» и «утешение» в обиходном общении русских / Т. В. Нестерова // Рус. яз. за рубежом. – 2011. – № 5. – С. 75–81.
7. **Нестерова, Т. В.** Непрямая коммуникация в обиходной сфере (русскоязычное общение) / Т. В. Нестерова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – 2015. – № 5, ч. 1. – С. 156–162.
8. **Марюхин, А. П.** Непрямая коммуникация в научном дискурсе: на материале русского, английского, немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А. П. Марюхин; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – М., 2010. – 24 с.
9. **Иванкова, И. В.** Реализация категории имплицитности в современном русском художественном тексте: на фоне немецкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И. В. Иванкова; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2007. – 24 с.
10. **Татару, Л. В.** Точка зрения и ритм композиции нарративного текста: на материале произведений Дж. Джойса и В. Вулфа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Татару; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2009. – 47 с.
11. **Сиссоко, Д.** Имплицитность как способ актуализации смысла в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Д. Сиссоко; Гос. ин-т рус. яз. – М., 2002. – 19 с.
12. **Михальчук, Н. А.** Непрямая коммуникация в художественном тексте: вопросы теории / Н. А. Михальчук // Весн. Маріліўс. дзярж. ун-та. Сер. А, Гуманітар. навукі (гісторыя, філасофія, філалогія). – 2017. – № 2. – С. 88–93.
13. **Ван Дейк, Т. А.** Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – Б.: БГК им. Бодуэна де Куртене, 2000. – 308 с.
14. **Поспелова, А. Г.** Косвенные коммуникативные единицы, связанные с манипулированием и мистификацией [Электронный ресурс] / А. Г. Поспелова, Е. Н. Шустрова // Прямая и не прямая коммуникация: сб. науч. ст. / Саратов. нац. исслед. гос. ун-т; редкол.: В. В. Дементьев (отв. ред.) [и др.]. – Саратов, 2003. – Режим доступа: <http://www.sgu.ru/structure/philological/linghist/sbornik-zhanry-rechi/materialy-vypuskov/pryamaya-i-nepryamaya-kommunikaciya>. – Дата доступа: 26.01.2023.

Поступила в редакцию 8.02.2023 г.

Контакты: n-mihalchuk@list.ru

(Михальчук Наталья Александровна)

Mikhailchuk N. A. INDIRECT REALIZATIONS OF SPEECH INTENTION OF ORDER IN STATUS-MARKED DIALOGUE IN ARTISTIC TEXT (BASED ON THE MATERIAL OF THE NOVELS “THE WHITE GUARD” BY M. BULGAKOV AND “PATHOLOGIES” BY Z. PRILEPIN)

The article is devoted to the problem of indirect communication in the status-marked dialogue in M. A. Bulgakov's novel “The White Guard” and Z. Prilepin's novel “Pathologies”, the dynamics of the change in the nature of indirect statements in a literary text of the XX century and the beginning of the XXI century. It is proved that speech acts of order are commonly used in the speech of the people in a higher position. In the novel by Z. Prilepin there are no ways of expressing an order in the form of a request, advice, proposal frequently used in the artistic text of the XX century, however, an order expressed in the form of a message is common. A low frequency of macro speech acts with the intention of order is typical of the texts in the XXI century.

Keywords: indirect communication, indirect speech act, speech intention, micro speech act, macro speech act.

УДК 811.161.1'37

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ
РУССКОЙ ПОЭЗИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ:
ЧАСТОТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

А. А. Папейко

кандидат филологических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается частотность употребления лексических репрезентантов концептов ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, МИР, ВОЙНА, ВРЕМЯ, РОДИНА, ЛЮБОВЬ, ДУША, ЧЕЛОВЕК, БОГ в произведениях Д. Б. Воденникова, В. А. Долиной, В. В. Егорова, О. Е. Залесской, И. М. Иртеньева, О. И. Качановой, С. В. Кековой, А. О. Макаренкова, О. Г. Митяева, А. М. Парцикова, О. А. Седаковой, Е. А. Шварц. В качестве основных инструментов используются: понятие частотного паспорта, сопоставление со средним значением, вычисление общей суммы расхождений соответствующих показателей.

Ключевые слова: концепт, лексический репрезентант, лексическая реализация, русская поэзия, частотность, удельный вес, частотный паспорт.

Введение

Третьим (и завершающим) временным срезом в нашем исследовании концептосферы русского поэтического дискурса XX–XXI веков стал рубеж столетий. Мы вели наблюдения за лексическими репрезентантами 10 концептов (ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, МИР, ВОЙНА, ВРЕМЯ, РОДИНА, ЛЮБОВЬ, ДУША, ЧЕЛОВЕК, БОГ); особая значимость данных единиц, их концептуальный характер для русской языковой картины мира отражаются в работах Ю. С. Степанова [1], Ю. Д. Апресяна [2], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [3], Ю. Н. Караулова [4], А. Д. Шмелева [5] и др., чьи труды и стали теоретической основой для нашего исследования.

Цель данной статьи заключается в рассмотрении частотных данных, полученных при составлении картотеки названного выше периода русской поэзии. При отборе авторов мы руководствовались следующими установками: 1) степень известности и высокий уровень автора в плане литературно-художественного творчества; 2) стремление ввести в научный оборот в качестве фактической базы новый текстовый материал; 3) наличие представителей как «собственно поэзии», так и такой ее разновидности, как авторская песня (последнее было необходимо для возможности сопоставления двух названных текстовых корпусов, что, однако, выходит за рамки данной статьи).

Источниками фактического материала послужили электронные библиотеки, размещенные на сайтах vavilon.ru, newkamera.de, бардс.ру; персональные сайты; были также использованы архивы, предоставленные некоторыми авторами (О. Е. Залесская, О. И. Качанова, А. О. Макаренков) непосредственно для данного исследования.

Основная часть

Всего нами было проанализировано 2 819 текстов с общим количеством словоупотреблений 413 603. Данные по количеству изучаемых лексических репрезентантов каждого из концептов отразим в Таблице 1 (в скобках после ФИО автора указано число рассмотренных текстов данного автора и общее количество словоупотреблений).

Таблица 1 – Совокупное употребление лексических репрезентантов

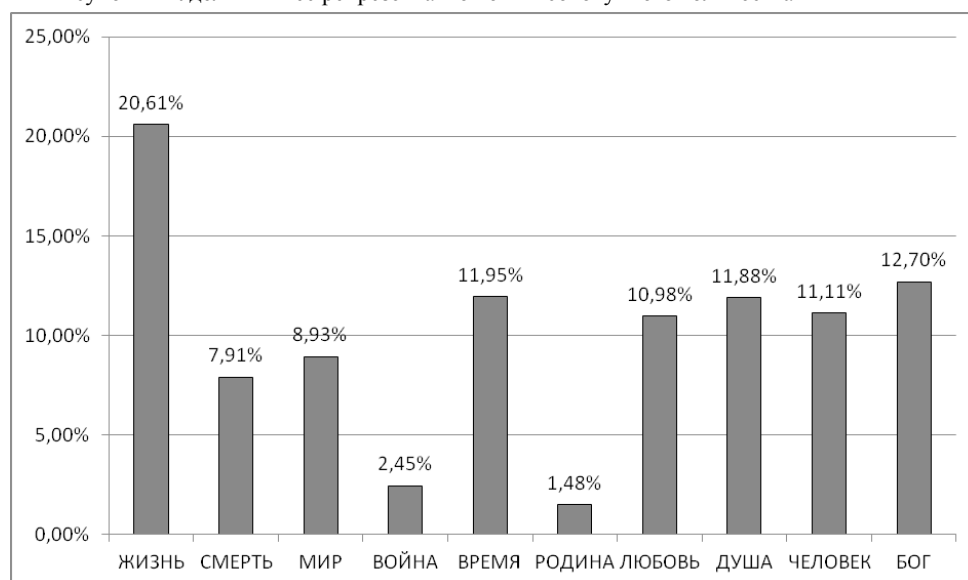
	ЖИЗНЬ	СМЕРТЬ	МИР	ВОЙНА	ВРЕМЯ	РОДИНА	ЛЮБОВЬ	ДУША	ЧЕЛОВЕК	БОГ	Итого
Воденников Д. Б. (92 / 31 040)	118	42	14	17	24	5	45	5	79	30	379
Долина В. А. (271 / 30 758)	47	8	17	7	36	13	98	56	42	52	376
Егоров В. В. (241 / 36 044)	104	32	40	21	30	17	26	74	13	99	456
Залесская О. Е. (279 / 28 465)	61	16	41	13	41	3	40	27	18	35	295

Окончание таблицы 1

	ЖИЗНЬ	СМЕРТЬ	МИР	ВОЙНА	ВРЕМЯ	РОДИНА	ЛЮБОВЬ	ДУША	ЧЕЛОВЕК	БОГ	Итого
Иртеньев И. М. (315 / 28 289)	50	6	31	12	25	4	21	41	46	28	264
Качанова О. И. (147 / 18 108)	49	2	20	7	29	1	32	14	50	22	226
Кекова С. В. (211 / 40 205)	176	138	86	2	178	3	127	95	60	106	971
Макаренков А. О. (459 / 43 102)	186	21	89	9	97	9	106	102	69	76	764
Митяев О. Г. (190 / 31 780)	124	13	11	29	41	19	24	34	56	40	391
Парщиков А. М. (129 / 27 459)	12	22	30	6	42	0	2	19	35	12	180
Седакова О. А. (190 / 35 458)	86	58	35	6	50	6	23	58	59	44	425
Шварц Е. А. (295 / 62 895)	141	85	86	8	76	3	71	140	95	167	872
Итого (2 819 / 413 603)	1154	443	500	137	669	83	615	665	622	711	5599

Примем итоговое значение 5 599 за 100% и представим данные по общему количеству употребления лексических репрезентантов в виде диаграммы, наглядно отражающей удельный вес каждого из репрезентантов в русской поэзии на рубеже XX–XXI веков (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Удельный вес репрезентантов от их совокупного количества

Как мы видим, самой частой лексической реализацией оказывается ЖИЗНЬ, которая занимает 20,61% от всей совокупности репрезентантов. Затем в порядке снижения частотности следует группа БОГ (12,70%), ВРЕМЯ (11,95%), ДУША (11,88%), ЧЕЛОВЕК (11,11%), ЛЮБОВЬ (10,98%); отличия удельного веса соседних компонентов внутри этой группы составляют менее 1%. Затем следуют репрезентанты МИР (8,93%) и СМЕРТЬ (7,91%), отличающиеся между собой приблизительно на 1%. Наконец, самыми редкими оказываются лексические реализации ВОЙНА (2,45%) и РОДИНА (1,48%), занимающие в совокупности менее 4% (округленно до сотых – 3,93%).

Если же принять во внимание условную точку отсчета в 10% (т.е. 100% разделить на количество изучаемых репрезентантов), то данная диаграмма позволяет выделить две группы лексических реализаций – группу превышения усредненного удельного веса и группу, в которой названный показатель оказывается меньше. Так, первая группа складывается из репрезентантов ЖИЗНЬ (20,61%), БОГ (12,70%), ВРЕМЯ (11,95%), ДУША (11,88%), ЧЕЛОВЕК (11,11%), ЛЮБОВЬ (10,98%). В сумме перечисленные компоненты занимают 79,23%, а средний удельный вес внутри группы составляет 13,21%. Во второй группе оказываются лексические репрезентанты МИР (8,93%), СМЕРТЬ (7,91%), ВОЙНА (2,45%),

РОДИНА (1,48%), чей суммарный удельный вес составляет 20,77%, а средний внутри группы – 5,19%. Показательно, что соотношение суммарного удельного веса двух групп составляет 79,23%: 20,77%, или 3,81; соотношение же максимума и минимума частотности (для репрезентантов ЖИЗНЬ и РОДИНА) – 20,61% : 1,48%, или 13,93.

Для дальнейшего рассмотрения частотной организации лексических репрезентантов изучаемых концептов обратимся к понятию частотного паспорта. Данный инструмент был нами разработан и подробно описан в предыдущих работах [6; 7; 8], здесь же кратко напомним, что именно под ним подразумевается. Итак, частотный паспорт представляет собой числовой ряд, отражающий удельный

вес каждого из компонентов некоторого набора лексических единиц, расположенных в фиксированном, предварительно оговоренном порядке; в том случае, если частотный паспорт составляется для совокупности текстов разных авторов, он образуется на основе простого суммирования.

Итак, приведем в Таблице 2 частотные паспорта набора из десяти изучаемых лексических репрезентантов в рамках творчества каждого автора в отдельности, а также составим общий частотный паспорт для всего временного среза (в том случае, если количество словоупотреблений двух репрезентантов в произведениях одного и того же автора совпадает, в ячейке приводятся два показателя).

Таблица 2 – Частотные паспорта в русской поэзии на рубеже XX–XXI вв.

	ЖИЗНЬ	СМЕРТЬ	МИР	ВОЙНА	ВРЕМЯ	РОДИНА	ЛЮБОВЬ	ДУША	ЧЕЛОВЕК	БОГ	Итого
Воденников Д. Б.	1	4	8	7	6	9/10	3	9/10	2	5	55
Долина В. А.	4	9	7	10	6	8	1	2	5	3	55
Егоров В. В.	1	5	4	8	6	9	7	3	10	2	55
Залеская О. Е.	1	8	2/3	9	2/3	10	4	6	7	5	55
Иртеньев И. М.	1	9	4	8	6	10	7	3	2	5	55
Качанова О. И.	2	9	6	8	4	10	3	7	1	5	55
Кекова С. В.	2	3	7	10	1	9	4	6	8	5	55
Макаренков А. О.	1	10	5	8/9	4	8/9	2	3	7	6	55
Митяев О. Г.	1	9	10	6	3	8	7	5	2	4	55
Парщиков А. М.	6/7	4	3	8	1	10	9	5	2	6/7	55
Седакова О. А.	1	3/4	7	9/10	5	9/10	8	3/4	2	6	55
Шварц Е. А.	2	6	5	9	7	10	8	3	4	1	55
Общее значение	1	8	7	9	3	10	6	4	5	2	55

Сопоставление данных по авторам с общими данными по всему периоду показывает следующее.

Самым частым лексическим репрезентантом в поэзии на рубеже XX–XXI веков является ЖИЗНЬ (ранговое значение 1), при этом творчество большинства поэтов (Д. Б. Воденников, В. В. Егоров, О. Е. Залеская, И. М. Иртеньев, А. О. Макаренков, О. Г. Митяев, О. А. Седакова) соответствует этому показателю. В произведениях остальных авторов репрезентант ЖИЗНЬ встречается реже, опускаясь с позиции 1 на позицию 2 (в текстах О. И. Качановой, С. В. Кековой, Е. А. Шварц), затем на позицию 4 (творчество В. А. Долиной) и далее на позицию 6/7 (произведения А. М. Парщикова). Расхождение между максимальным (6/7) и минимальным (1) значением составляет 5,5 единиц.

Репрезентант СМЕРТЬ в нашей выборке показывает значение частотности, равное 8; этому показателю соответствует творчество О. Е. Залеской. В поэтических текстах других авторов этот показатель оказывается либо больше (что означает меньшую частоту), либо меньше (что говорит о более высокой частоте). Так, значение 8 оказывается больше на 1 единицу и составляет 9 в произведениях В. А. Долиной, И. М. Иртеньева, О. И. Качановой, О. Г. Митяева, доходя до значения 10 (что означает наименьшую частоту среди изучаемых репрезентантов) в произведениях А. О. Макаренкова. Чаще общего по периоду в целом репрезентант СМЕРТЬ встречается в текстах Е. А. Шварц (позиция 6), В. В. Егорова (позиция 5), Д. Б. Воденникова и А. М. Парщикова (позиция 4), О. А. Седаковой (позиция 3/4), С. В. Кековой (у которой СМЕРТЬ явля-

ется третьим по частоте репрезентантом среди изучаемых). Расхождение между максимумом (10 у А. О. Макаренкова) и минимумом (3 у С. В. Кековой) для СМЕРТИ составляет 7 единиц.

Третий в фиксированном ряду репрезентант МИР имеет общее значение частотности 7, чему соответствуют произведения трех авторов – В. А. Долиной, С. В. Кековой, О. А. Седаковой. Меньшую частоту МИР проявляет только в текстах Д. Б. Воденникова (показатель 8) и О. Г. Митяева (показатель 10, что говорит о наименьшей частоте у данного автора). Напротив, бóльшую в сравнении со средней активность МИР показывает в текстах О. И. Качановой (значение 6), А. О. Макаренкова и Е. А. Шварц (значение 5), В. В. Егорова и И. М. Иргеньева (значение 4), А. М. Парщикова (значение 3), О. Е. Залесской (значение 2/3). Расхождение максимума и минимума частотности для лексической реализации МИР составляет 7,5 единиц.

Один из самых редких в общей выборке лексический репрезентант ВОЙНА (9-е место из 10) имеет такое же значение в творчестве О. Е. Залесской и Е. А. Шварц. Некоторое снижение частоты данного репрезентанта наблюдается в текстах О. А. Седаковой (значение 9/10), а также В. А. Долиной и С. В. Кековой (значение 10). Повышение частоты мы наблюдаем в текстах А. О. Макаренкова (значение 8/9), затем В. В. Егорова, И. М. Иргеньева, О. И. Качановой, А. М. Парщикова (значение 8), далее Д. Б. Воденникова (значение 7) и, наконец, О. Г. Митяева (значение 6). Расхождение между максимальной и минимальной частотными позициями для ВОЙНЫ составляет 4 единицы.

Пятую позицию в частотном паспорте занимает лексический репрезентант ВРЕМЯ со значением частотности 3; такое же значение зафиксировано только в произведениях О. Г. Митяева. Меньшую частотность ВРЕМЯ получает в текстах О. И. Качановой и А. О. Макаренкова (показатель 4), О. А. Седаковой (показатель 5), Д. Б. Воденникова, В. А. Долиной, В. В. Егорова и И. М. Иргеньева (показатель 6), в итоге снижаясь до позиции 7 в творчестве Е. А. Шварц. Небольшой сдвиг в сторону повышения частотности ВРЕМЕНИ отмечен в текстах О. Е. Залесской (показатель 2/3), а затем ВРЕМЯ выходит на первое место и становится самым частым лексическим репрезентантом у С. В. Кековой и А. М. Парщикова (показатель 1).

Самым редким в нашей выборке стал лексический репрезентант РОДИНА (позиция 10); такой же показатель частотности проявился в текстах О. Е. Залесской, И. М. Иргеньева, О. И. Качановой, А. М. Парщикова, Е. А. Шварц. Повышение на 0,5 единицы (до значения 9/10) отмечено в текстах Д. Б. Воденникова и О. А. Седаковой, затем еще на 0,5 единицы до значения 9 у В. В. Егорова и С. В. Кековой, далее до показателя 8/9 у А. О. Макаренкова и, наконец, до показателя 8 у В. А. Долиной и О. Г. Митяева. Расхождение максимума и минимума частотного ранга для РОДИНЫ составляет 2 единицы, что является наименее выраженным среди десяти репрезентантов расхождением.

Значительно большей разбегой частоты отмечен лексический репрезентант ЛЮБОВЬ, имеющий общее ранговое значение 6. Интересно, что данное значение не зафиксировано ни у одного из авторов: у каждого из них наблюдается сдвиг в сторону снижения либо увеличения частоты данного репрезентанта. Так, реже обобщенного значения ЛЮБОВЬ с показателем частотности 7 встречается в текстах В. В. Егорова, И. М. Иргеньева и О. Г. Митяева; еще реже с показателем 8 в произведениях О. А. Седаковой и Е. А. Шварц; наименьшую частотность с показателем 9 данный репрезентант имеет в текстах А. М. Парщикова. Чаше среднего ЛЮБОВЬ выступает с показателем 4 в текстах О. Е. Залесской и С. В. Кековой; с показателем 3 – у Д. Б. Воденникова и О. И. Качановой; еще чаще – с показателем 2 – у А. О. Макаренкова, становясь с показателем 1 самым частым репрезентантом в творчестве В. А. Долиной. Разность ранговых значений самого частого и самого редкого репрезентантов составляет 8 единиц.

Лексическая реализация ДУША в целом по всему корпусу текстов имеет ранг частотности, равный 4. Ближе всего к этому значению находится творчество О. А. Седаковой (3/4), затем в сторону снижения частотности следуют произведения О. Г. Митяева и А. М. Парщикова (значение 5), О. Е. Залесской и С. В. Кековой (значение 6), О. И. Качановой (значение 7); реже всего данный репрезентант встречается у Д. Б. Воденникова (значение $\frac{9}{10}$). В сторону повышения частотности репрезентанта ДУША от уже названного $\frac{3}{4}$ надо назвать показатель 3 (у В. В. Егорова, И. М. Иргеньева, А. О. Макаренкова и Е. А. Шварц) и показатель 2 (у В. А. Долиной). Разность максимума и минимума для ДУШИ составляет 7,5 единиц.

Лексический репрезентант ЧЕЛОВЕК имеет общий показатель частотности 5 (чему соответствуют тексты В. А. Долиной), при этом движение в сторону увеличения и уменьшения значения осуществляется до предельно возможных точек. Так, реже значения 5 мы зафиксировали частотность ЧЕЛОВЕКА в произведениях О. Е. Залесской и А. О. Макаренкова (значение 7), С. В. Кековой (значение 8), В. В. Егорова (значение 10). Чаще значения 5 ЧЕЛОВЕК встречается в творчестве Е. А. Шварц (показатель 4), Д. Б. Воденникова, И. М. Иртеньева, О. Г. Митяева, А. М. Парщикова, О. А. Седаковой (показатель 2), О. И. Качановой (показатель 1). Таким образом, ЧЕЛОВЕК демонстрирует предельно возможное расхождение максимума и минимума ранговых значений, составляющее 9 единиц.

Общее ранговое значение частотности репрезентанта БОГ составляет 2; с этим показателем совпадает значение в текстах В. В. Егорова. Интересно, что почти у всех авторов (за исключением Е. А. Шварц) БОГ встречается реже: значение 3 мы отмечаем у В. А. Долиной, значение 4 – у О. Г. Митяева, значение 5 – у Д. Б. Воденникова, О. Е. Залесской, И. М. Иртеньева, О. И. Качановой, С. В. Кековой, значение 6 – у А. О. Макаренкова и О. А. Седаковой, значение 6/7 – у А. М. Парщикова. Расхождение максимума и минимума частотности для репрезентанта ДУША составляет 5,5 единиц.

Для того чтобы оценить величину несоответствия частотных паспортов, приведем в Таблице 3 данные по расхождению показателей частотного паспорта каждого автора при сопоставлении с показателями по периоду в целом.

Таблица 3 – Расхождение показателей частотных паспортов (при сопоставлении с поэзией на рубеже XX–XXI вв.)

	ЖИЗНЬ	СМЕРТЬ	МИР	ВОЙНА	ВРЕМЯ	РОДИНА	ЛЮБОВЬ	ДУША	ЧЕЛОВЕК	БОГ	Итого (по авторам)
Воденников Д. Б.	0	4	1	2	3	0,5	3	5,5	3	3	25
Долина В. А.	3	1	0	1	3	2	5	2	0	1	18
Егоров В. В.	0	3	3	1	3	1	1	1	5	0	18
Залесская О. Е.	0	0	4,5	0	0,5	0	2	2	2	3	14
Иртеньев И. М.	0	1	3	1	3	0	1	1	3	3	16
Качанова О. И.	1	1	1	1	1	0	3	3	4	3	18
Кекова С. В.	1	5	0	1	2	1	2	2	3	3	20
Макаренков А. О.	0	2	2	0,5	1	1,5	4	1	2	4	18
Митяев О. Г.	0	1	3	3	0	2	1	1	3	2	16
Парщиков А. М.	5,5	4	4	1	2	0	3	1	3	4,5	28
Седакова О. А.	0	4,5	0	0,5	2	0,5	2	0,5	3	4	17
Шварц Е. А.	1	2	2	0	4	0	2	1	1	1	14
Итого (по реализациям)	11,5	28,5	23,5	12	24,5	8,5	29	21	32	31,5	222

Как видно из приведенной таблицы, сумма расхождений показателей частотных паспортов неодинакова: она составляет от 14 до 28 при средней величине $222 : 12 = 18,5$. Наименьшее отклонение от общих по всей выборке показателей (притом меньшее в сравнении с названной средней величиной) мы фиксируем в творчестве О. Е. Залесской и Е. А. Шварц (в каждом случае сумма составляет 14). Затем в порядке увеличения суммы расхождений следуют тексты И. М. Иртеньева и О. Г. Митяева (сумма 16), О. А. Седаковой (сумма 17), В. А. Долиной, В. В. Егорова, О. И. Качановой, А. О. Макаренкова (сумма 18). Отклонение выше среднего отмечено в текстах С. В. Ке-

ковой (сумма 20), Д. Б. Воденникова (сумма 25) и А. М. Парщикова, в произведениях которого сумма расхождений при сопоставлении показателей частотных паспортов составляет 28 единиц.

Отметим, что в отношении суммарного значения отклонений изучаемые лексические репрезентанты также демонстрируют существенные отличия. Так, при средней для репрезентанта величине расхождения 22,2 (получено как 222 разделить на количество репрезентантов, т.е. на 10) в отношении каждого из них мы в порядке увеличения фиксируем следующее суммарное расхождение: РОДИНА – 8,5 единиц; ЖИЗНЬ – 11,5; ВОЙНА –

12; ДУША – 21; МИР – 23,5; ВРЕМЯ – 24,5; СМЕРТЬ – 28,5; ЛЮБОВЬ – 29; БОГ – 31,5; ЧЕЛОВЕК – 32. Интересно, что наименьшее отклонение от общего по периоду показателя демонстрируют репрезентанты, имеющие минимальную (РОДИНА, 10-я позиция) и максимальную (ЖИЗНЬ, 1-я позиция) частоту среди всей совокупности поэтических текстов на рубеже XX–XXI вв.

Заключение

Сказанное в статье позволяет сделать следующие выводы.

1) Лексические репрезентанты концептов ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, МИР, ВОЙНА, ВРЕМЯ, РОДИНА, ЛЮБОВЬ, ДУША, ЧЕЛОВЕК, БОГ в русской поэзии на рубеже XX–XXI веков проявляют достаточно высокую, хотя и неодинаковую активность. При этом наибольшую частотность среди перечисленных репрезентантов имеет ЖИЗНЬ, а наименьшую – РОДИНА.

2) Принятие во внимание авторы в плане частотности репрезентантов перечисленных концептов демонстрируют существенное разномыслие идиостилей, о чем свидетельствует, в частности, сумма расхождений показателей частотных паспортов.

3) Суммарное значение отклонений в отношении лексических репрезентантов, взятых по отдельности, оказывается весьма различным и составляет от 8,5 (для репрезентанта РОДИНА) до 32 (для репрезентанта ЧЕЛОВЕК) единиц, при этом расхождение значительно ниже среднего демонстрирует как самый редкий в рамках всей выборки репрезентант РОДИНА, так и наиболее частый репрезентант ЖИЗНЬ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Степанов, Ю. С.* Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.

2. *Апресян, Ю. Д.* Образ человека по данному языку: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.

3. *Попова, З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд. – Воронеж, 2003. – 192 с.

4. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 7-е изд. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

5. *Шмелев, А. Д.* Русская языковая модель мира : Материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

6. *Папейко, А. А.* Ключевые концепты в поэтических текстах А.А. Ахматовой / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 2. – С. 99–102.

7. *Папейко, А. А.* Частотный паспорт ключевых концептов русской поэзии Серебряного века / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 3. – С. 111–115.

8. *Папейко, А. А.* Опыт диахронического сопоставления ключевых концептов русской поэзии XX века / А. А. Папейко // Весці БДПУ. Сер. 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2022. – № 4. – С. 77–82.

Поступила в редакцию 17.04.2023 г.

Контакты: papeiko@msu.by

(Папейко Анатолий Анатольевич)

Papeiko A. A. LEXICAL REALIZATION OF THE KEY CONCEPTS OF RUSSIAN POETRY AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES: FREQUENCY DESCRIPTION

The article discusses the frequency of use of lexical representatives of the concepts LIFE, DEATH, PEACE, WAR, TIME, HOMELAND, LOVE, SOUL, MAN, GOD in the works of D. B. Vodennikov, V. A. Dolina, V. V. Egorov, O. E. Zaleskaya, I. M. Irtenyeva, O. I. Kachanova, S. V. Kekova, A. O. Makarenkova, O. G. Mityaeva, A. M. Parschikova, O. A. Sedakova, E. A. Shvarts. The main tools used are: the concept of a frequency passport, comparison with the average value, and the calculation of the total sum of the discrepancies of the corresponding indicators.

Keywords: concept, lexical representative, lexical realization, Russian poetry, frequency, specific gravity, frequency passport.

УДК 811.161.1'271.2

**ДИНАМИКА МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ НОРМЫ
В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ВАРИАНТОВ РОДА
СКЛОНЯЕМЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)**

Е. А. Болтовская

кандидат филологических наук, доцент
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова;
докторант кафедры русского языка
Белорусский государственный университет

На основе сведений, извлеченных из лексикографических источников середины XX – начала XXI в., а также корпусных и экспериментальных данных определены и охарактеризованы колебания в грамматическом роде склоняемых неодушевленных нарицательных имен существительных, используемых в речи преимущественно в форме множественного числа. Выявлены преобладающие в восприятии белорусских студентов варианты родовой принадлежности рассматриваемой группы предметных слов. Результаты исследования могут быть применены в преподавании стилистики и культуры речи, морфологии современного русского литературного языка.

Ключевые слова: динамика морфологической нормы, склоняемые неодушевленные нарицательные имена существительные, категория рода имени существительного.

Введение

Нормы литературного языка, которым неотъемлемо присущи стабильность и изменчивость (см. об этих противоречивых свойствах литературной нормы в [1]), являются социально одобряемыми установлениями. Осмысление категории нормы находится в неразрывной связи с изучением явления вариативности/вариантности языковых единиц (см. в [2] сопоставление различных теоретических воззрений на понятия «вариативность» и «вариантность»). Становление и закрепление норм происходит в результате конкурентной борьбы сосуществующих в узусе вариантов. Хотя в современном русском литературном языке «родовое варьирование в целом представляет собой непродуктивное явление, и по сравнению с XIX в. к нашему времени число варьирующихся пар заметно сократилось» [3, с. 65], варианты рода по-прежнему присутствуют. Ликвидация родовых вариантов обычно осуществляется посред-

ством их стилистической и/или семантической дифференциации, хронологического размежевания в результате перехода одного из них в пассивный фонд языка. Однако среди них имеются и немногочисленные дублиеты, которые характеризуются как равнозначные в семантико-стилистическом плане. С одной стороны, они парадигматически избыточны для языковой системы и неудобны в использовании для говорящих, а с другой – они обеспечивают преемственность в развитии нормы, способствуют не резкому, а постепенному ее изменению.

Актуальность темы статьи определяется тем, что представления о динамике нормы, описанные в научной и учебной литературе, вследствие их сопоставления с речевой практикой с течением времени нуждаются в корректировке. Изучение вариантности неодушевленных существительных также интересно потому, что из-за их полностью немотивированного распределения по родам сложно установить ведущую тенденцию в их тяготении к определенному грамматическому роду: «Вариантные родовые характеристики чаще встречаются у неодушевленных существительных. Это объясняется тем, что категория рода у них лишена семантического содержания и опирается только на морфологические и синтаксические признаки слов» [4, с. 72].

Цель статьи – в результате сопоставления извлеченных из лексикографических источников середины XX – начала XXI в. сведений, полученных из Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru/>) данных, а также экспериментальных данных высказать предположения о перспективах развития или устранения конкуренции, характерной для вариантов рода склоняемых неодушевленных нарицательных существительных *скірда* – *скірда*, *спазм* – *спазма*, *ставень* – *ставня*.

В качестве основного был избран описательный метод обработки собранного материала, так-

же применялись анализ лингвистических помет в словарях и справочниках, частичный грамматический анализ контекстов, экспериментальный и количественный методы исследования.

Основная часть

Материал для исследования на первом этапе извлекался из ортологических изданий (грамматик, словарей, справочников, учебников и учебных пособий для высшей школы), репрезентирующих нормы современного русского литературного языка в описательном и предписывающем аспекте. На последующих этапах исследование базировалось на реальном словоупотреблении: текстах из основного и газетного подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также экспериментальных данных, полученных в результате анкетирования, нацеленного на оценку пользователями языка конкурирующих вариантов рода.

Отбор вариантных пар существительных *скирд* – *скирда*, *спазм* – *спазма*, *ставень* – *ставня* осуществлялся с ориентацией на специализированный источник, посвященный грамматическим вариантам: в частотно-стилистическом словаре вариантов «Грамматическая правильность русской речи» Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской находим информацию о том, что «варианты относительно равноправны в парах: *скирд* – *скирда* (форма жен. р. встречается чаще) <...> *ставень* – *ставня*, *спазм* – *спазма*» [3, с. 68].

Сначала мы рассмотрели указания на родовую принадлежность трех вариантных пар

в авторитетных лексикографических источниках середины XX – начала XXI в.: «Словаре русского языка» (СРЯ) 1953 г. С. И. Ожегова [5]; «Словаре современного русского литературного языка» (БАС) 1950–1965 гг. [6]; словаре «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (ТСВНРЛЯ) 1973 г. под ред. К. С. Горбачевича [7]; «Грамматическом словаре русского языка» (ГСРЯ) 1977 г. А. А. Зализняка [8]; «Словаре русского языка» (МАС) 1981–1984 гг. под ред. А. П. Евгеньевой [9]; созданном коллективом авторов «Словаре грамматических вариантов русского языка» (СГВРЯ) 2008 г. [10], напечатанном по исправленному и дополненному в 2001 г. словарю «Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов» (ГПРР), первое издание которого вышло в 1976 г. [3]; пятом издании «Справочника по правописанию и литературной правке» (СПиЛП) 1989 г. Д. Э. Розенталя [11]; «Малом толковом словаре русского языка» (МТСРЯ) 1990 г. В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной [12]; «Толковом словаре иноязычных слов» (ТСИС) 2006 г. Л. П. Крысина [13]; «Словаре правильной русской речи» (СПРР) 2008 г. Н. В. Соловьева [14]; «Большом толковом словаре русского языка» (БТСРЯ) (первое издание вышло в 1998 г.) С. А. Кузнецова, опубликованном на справочно-информационном портале ГРАМОТА.РУ в авторской редакции 2014 г. [15]. Для удобства сопоставления полученные результаты размещены в табл. 1.

Таблица 1 – Родовая отнесенность склоняемых неодушевленных существительных в лексикографических источниках второй половины XX – начала XXI в.

Сокращенное название лексикографического источника	<i>скирд</i> – <i>скирда</i>	<i>спазм</i> – <i>спазма</i>	<i>ставень</i> – <i>ставня</i>
СРЯ	муж. р., жен. р.	жен. р.	муж. р., жен. р.
БАС	муж. р., жен. р.	жен. р., муж. р.	жен. р., муж. р.
ТСВНРЛЯ	муж. р., жен. р.	жен. р., муж. р.	жен. р., муж. р.
ГСРЯ	муж. р., жен. р.	муж. р., жен. р.	муж. р., жен. р.
МАС	муж. р., жен. р.	муж. р., жен. р.	муж. р., жен. р.
ГПРР (1976); СГВРЯ (2008)	муж. р., жен. р. (чаще); муж. р., жен. р. (чаще)	муж. р., жен. р.; муж. р., жен. р.	муж. р., жен. р.; муж. р., жен. р.
СПиЛП	муж. р., жен. р. (более обычная форма)	муж. р. (используется как медицинский термин), жен. р. (общелитературная форма)	муж. р., жен. р. (чаще употребляется)
МТСРЯ	–	муж. р.	–
ТСИС	муж. р., жен. р.	муж. р., жен. р.	–
СПРР	муж. р., жен. р.	жен. р., муж. р. (в профессиональной речи)	муж. р., жен. р.
БТСРЯ	жен. р., муж. р.	муж. р., жен. р.	муж. р., жен. р.

Итак, по данным ГПРР, СГВРЯ, СПиЛП, более употребителен в речи вариант женского рода *скирда*. В БТСРЯ именно этот дублет подается в словарной статье первым, что может косвенно свидетельствовать о его более частой встречаемости. По мнению авторов СРЯ (1953) и МТСРЯ (1990), родовое варьирование в паре *спазм* – *спазма* отсутствует, однако определение родовой принадлежности слова кардинально противоположно: только *спазма* (СРЯ) или только *спазм* (МТСРЯ). В трех словарях (БАС, ТСВНРЛЯ, СПРР) первым в словарной статье представлен вариант женского рода *спазма*. В СПиЛП и СПРР намечено ограничение рамками терминологической лексики функционального использования дублета *спазм*. В СПиЛП имеются сведения о том, что лексема женского рода *ставня* чаще употребляется. В БАС и ТСВНРЛЯ слово женского рода *ставня* также расположено первым.

Исследуемые нами существительные, обладающие «вариантными формами рода» [16, с. 173], можно найти в грамматиках и учебной литературе для высшей школы. Так, в «Русской грамматике» 1980 г. (гл. ред. Н. Ю. Шведова) представлены все три вариантные пары, которые имеют «двойственную родовую принадлежность» и стилистически не разграничиваются: *скирд* – *скирда*, *спазма* – *спазм* (чаще *спазмы*), *ставня* – *ставень* (чаще *ставни*) [17, с. 468–469]. Отмеченные в «Краткой русской грамматике» под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина варианты *спазм* и *спазма*, *ставень* и *ставня* в пособиях «Культура речи» В. Д. Стариченка, И. П. Кудреватых, Л. Г. Рудь [18, с. 122], «Современный русский язык: морфология» под ред. В. Д. Стариченка [19, с. 36] тоже приводятся как равноправные и одинаково употребляемые в литературном языке. Имеющиеся в «Грамматике русского языка» 1952 г. варианты *скирд* – *скирда*, *ставень* – *ставня* [20, с. 112] в пособии «Стилистика русского языка» И. Б. Голуб подаются как дублеты, не обладающие стилистическими различиями и носящие общеупотребительный характер [21, с. 227]. В учебнике «Современный русский язык» под ред. П. П. Шубы эти же два примера охарактеризованы как «параллельные», «не различающиеся по стилистической окраске» [22, с. 181]. В пособии «Стилистика и культура речи» Т. П. Плещенко, Н. В. Федотовой, Р. Г. Четчет *скирд* – *скирда* обозначен как пример немногих «равноценных нормативных родовых вариантов в современном русском языке» [23, с. 110].

Таким образом, подавляющее большинство современных ортологических источников оставляет говорящим право выбора грамматического рода в вариантных парах *скирд* – *скирда*, *спазм* – *спазма*, *ставень* – *ставня*, несмотря на отмеченное в некоторых изданиях преобладание частотности варианта женского рода.

На втором этапе исследования для изучения динамики столкновения родовых вариантов использовался НКРЯ. По падежным формам, релевантным для определения грамматического рода, попутно разграничивая грамматические омонимы (например, формы именительного падежа единственного числа слов женского рода и родительного падежа единственного числа слов мужского рода (*скирда*, *спазма*, *ставня*) и др.), а также во многих случаях с помощью синтаксического критерия (например, «*Они молча, точно движимые одним общим желанием, свернули с дороги и, мягко ступая по зеленому ковру еще живущей травы, опустились на откос одной из скирд*». [Юрий Слѣзкин. Маревко (1907)]) мы получили следующие результаты: в текстах с 1733 по 2014 г. преобладает вариант женского рода *скирда* (159), в то время как вариант мужского рода *скирд* употребляется в своих разных формах гораздо реже (41) (соотношение – 79,5 % и 20,5 %). Так, дифференцирующая род форма творительного падежа единственного числа *скирдом* встретила только дважды (1870 г., 1928 г.), а *скирдой* – в 15 текстах с 1863 по 2000 г. Активная конкуренция этих вариантов наблюдается в 20–40-х гг. XX в., а после дублет женского рода вытесняет свой коррелят мужского рода и начинает доминировать, что подтверждается данными, извлеченными из газетного подкорпуса НКРЯ, демонстрирующего специфику использования рассматриваемых лексем в центральных СМИ 2000-х гг.: обнаружено всего 2 употребления варианта мужского рода («*В прошлом году районка написала о них хвалебный материал – так им скирд подождли*». [Ядрена Матрена // Известия, 2001.07]; «*Холод, усталость и страх лишили сил. Вдруг наткнулась на скирд соломь*». [Агишева Гузель. Дело было в Пенькове // Труд-7, 2006.11]) и 11 – женского.

Относительно вариантной пары *спазм* – *спазма* можно сказать, что первоначально довольно длительно (с начала XIX в. по 30-е гг. XX в.) преобладал дублет женского рода *спазма*, которому в 50–70-е гг. XX в. уже не уступает вариант мужского рода *спазм*, а с 70-х гг. XX в. и по настоящее время прочную лидиру-

ующую позицию занимает коррелят *спазм*. Количественно в текстах с 1799–1801 по 2008 г. чаще встречается вариант мужского (348), чем женского (145), рода (приблизительное соотношение – 70,6 % и 29,4 %). Если сравнивать формы творительного падежа единственного числа, то, на первый взгляд, разница в цифрах минимальна: словоформа *спазмом* употреблена с 1875 по 2003 г. в 45 текстах, а *спазмой* – с 1902 по 2008 г. в 40 текстах. Однако при привлечении данных из газетного подкорпуса НКРЯ становится очевидной окончательная победа варианта мужского рода: форма творительного падежа единственного числа *спазмом* выявлена в 38 текстах с 1997 по 2021 г., а *спазмой* – отсутствует; словоформа *спазма* в 118 текстах выражает значение родительного падежа единственного числа лексемы мужского рода *спазм*, а омонимичную форму именительного падежа единственного числа лексемы женского рода в газетном подкорпусе мы не обнаружили.

Тексты из основного подкорпуса НКРЯ свидетельствуют о том, что на протяжении XIX–XX вв. использовались оба дублета *ставень* и *ставня* (так, в произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, А. И. Куприна, В. П. Катаева, В. А. Каверина отдано предпочтение варианту мужского рода, а Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. С. Грина, М. М. Пришвина, К. Г. Паустовского, А. А. Фадеева, Ф. Искандера – женского). Количественно с 1742 по 2018 г. чаще встречается дублет женского (223), а не мужского (146) рода (приблизительное соотношение – 60,4 % и 39,6 %). Активную конкуренцию вариантов подтверждает и тот факт, что в один и тот же автор (М. Горький, А. М. Федоров, В. В. Набоков, М. А. Шолохов, В. П. Астафьев) мог использовать разные варианты: ср. «*В тусклой темноте, над железным ставнем парикмахерской, маятником заходил висячий щит, золотое блюдо*». [В. В. Набоков. Гроза (1924)] и «*И при свете спички*

Ганин увидел, что ставня одного из окон, выходящих на перрон, отвернута...» [В. В. Набоков. Машенька (1926)]; «*...иди, иди, ротозей, на тот огонек, на ту приветную щелочку в оконном ставне...*» и «*Не удержался, заглянул в сердечко, вырезанное в кухонной ставне*». [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991)]. В наши дни варианты продолжают конкурировать: так, в газетном подкорпусе найдено 4 употребления варианта мужского рода и 2 – женского.

Таким образом, хотя авторы большинства исследованных лексикографических источников варианты пары *скирд* – *скирда*, *спазм* – *спазма*, *ставень* – *ставня* признают равноправными в современном русском литературном языке, можно утверждать, что, по данным НКРЯ, в настоящее время вариант женского рода *скирда* лидирует в речи говорящих, дублет мужского рода *спазм* окончательно вытеснил свой коррелят женского рода из активного словарного запаса, а в паре *ставень* – *ставня* продолжается активная конкуренция.

Затем лексикографические и корпусные данные были сопоставлены с данными эксперимента, проведенного в виде анкетирования (респонденты – студенты 1–4 курсов дневной и заочной форм обучения, получающие высшее образование в МГУ имени А. А. Кулешова, которые были распределены по двум условным группам; время проведения эксперимента – 20–25 марта 2023 г.), что нашло отражение в табл. 2. Испытуемым было предложено задание определить исключительно с опорой на собственную языковую интуицию, какого рода имя существительное в современном русском литературном языке, и подчеркнуть нужный вариант из двух. В случае равноправия родовых вариантов можно было выделить обе лексемы. Если указанное в скобках лексическое значение слова не было известно респонденту до начала эксперимента, следовало обвести порядковый номер слова.

Таблица 2 – Количественные экспериментальные данные о вариантах рода склоняемых неодушевленных имен существительных

Группы респондентов	<i>скирд</i> – <i>скирда</i>	<i>спазм</i> – <i>спазма</i>	<i>ставень</i> – <i>ставня</i>
«Филологи» (56 чел.)	муж. р. – 24 жен. р. – 28 оба варианта – 2 отказ от ответа – 2	муж. р. – 51 жен. р. – 3 оба варианта – 2 отказ от ответа – 0	муж. р. – 11 жен. р. – 37 оба варианта – 2 закрепление за каждым из вариантов отдельного лексического значения – 4 отказ от ответа – 2

Окончание таблицы 2

Группы респондентов	<i>скирд – скирда</i>	<i>спазм – спазма</i>	<i>ставень – ставня</i>
«Нефилологи» (44 чел.)	муж. р. – 22 жен. р. – 16 оба варианта – 0 отказ от ответа – 6	муж. р. – 40 жен. р. – 2 оба варианта – 2 отказ от ответа – 0	муж. р. – 8 жен. р. – 20 оба варианта – 4 закрепление за каждым из вариантов отдельного лексического значения – 9 отказ от ответа – 3
Все участники (100 чел.)	муж. р. – 46 жен. р. – 44 оба варианта – 2 отказ от ответа – 8	муж. р. – 91 жен. р. – 5 оба варианта – 4 отказ от ответа – 0	муж. р. – 19 жен. р. – 57 оба варианта – 6 закрепление за каждым из вариантов отдельного лексического значения – 13 отказ от ответа – 5

По данным проведенного нами эксперимента, продолжается конкуренция в паре *скирд – скирда*. 40 человек (24 «филолога», 16 «нефилологов») не знали лексического значения вариантов *скирд – скирда*, 9 человек (3 «филолога», 6 «нефилологов») – вариантов *ставень – ставня*, возможно, поэтому некоторые из испытуемых отказывались от ответа, предпочитая не определять род незнакомых слов. В паре *спазм – спазма* абсолютное количественное преимущество на стороне варианта мужского рода *спазм*. В отношении вариантной пары *ставень – ставня* результаты эксперимента демонстрируют доминирование коррелята женского рода (почти в 3 раза) и выявляют стремление говорящих упорядочить характеристику слова по грамматическому роду: 13 студентов (4 «филолога», 9 «нефилологов») разграничивают дублиеты, закрепляя за каждым из них разное лексическое значение. В первом значении преобладает вариант женского рода *ставня*, во втором значении – дублиет мужского рода *ставень* (3 «филолога», 8 «нефилологов»): «СТАВЕНЬ, -вня; *мн. род.* -вней, *дат.* -вням; *м.*; СТАВНЯ, -и; *мн. род.* -вен, *дат.* -вням; *ж.* 1. Дощатая или металлическая створка для прикрытия окна. *Открыть, закрыть ставни.* 2. Затвор в нижней части плотины для спуска воды» [15]. Двумя респондентами (по одному из каждой группы) было предложено обратное решение.

Итак, в речи пользователей языка наблюдается стремление к однозначной родовой отнесенности предметных слов в соответствии с действующей в современном русском языке тенденцией к упразднению вариантов.

Заключение

Сопоставив результаты всех этапов исследования, можем утверждать следующее:

1. Авторы большинства исследованных нами ортологических источников середины

XX – начала XXI в. вариантные пары *скирд – скирда*, *спазм – спазма*, *ставень – ставня* признают равноправными.

2. По корпусным данным, для своей вариантной пары окончательно доминирующим в современном литературном языке можно считать вариант мужского рода *спазм*; корреляты *скирд – скирда*, *ставень – ставня* продолжают конкурировать с некоторым количественным перевесом в сторону варианта женского рода.

3. По экспериментальным данным, конкуренция в паре *спазм – спазма* завершилась победой варианта мужского рода, столкновение же вариантов в парах *скирд – скирда*, *ставень – ставня* продолжается. Определение грамматического рода слов, редко встречающихся в индивидуальном лексиконе, и/или слов, лексическое значение которых было респонденту неизвестно (*скирд – скирда*, *ставень – ставня*), вызывает затруднения, что сказалось на ответах испытуемых, выбирающих отказ от выполнения задания. Известное положение о том, что вариантные единицы, не имеющие хронологических, семантических и/или стилистических ограничений, являются избыточными для системы языка и неудобными для языкового коллектива, подтверждает тот факт, что участники эксперимента довольно редко применяли возможность оставить равноправными оба варианта.

Сравнительная характеристика данных, полученных из разных источников (с одной стороны, фиксирующих, с другой – производящих норму), регулярный мониторинг за сдвигами в соотношении вариантных единиц необходимы для более качественного оценивания имеющейся нормы и выявления тенденций ее динамики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Болтовская, Е. А.* Устойчивость и подвижность литературной нормы / Е. А. Болтовская // Романовские чтения – 16 : сб. ст. Между-

- нар. науч. конф., Могилев, 24 ноября 2022 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой, Е. И. Головач. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2023. – С. 128–129.
2. **Болтовская, Е. А.** Вариантность как объект лингвистического исследования / Е. А. Болтовская // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2023. – № 1 (136). – С. 56–60.
3. **Граудина, Л. К.** Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – М. : Наука, 1976. – 456 с.
4. **Волинец, Т. Н.** Современный русский язык. Морфология : учеб. пос. / Т. Н. Волинец. – Минск : РИВШ, 2013. – 328 с.
5. Словарь русского языка / сост. С. И. Ожегов; под общ. ред. С. П. Обнорского. – 3-е изд. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953. – 848 с.
6. Словарь современного русского литературного языка. – В 17 т. – Т. 13. *С – Сняться*, т. 14. *Со – сям*. – М. – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1962, 1963.
7. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник / под ред. К. С. Горбачевича. – Ленинград : Изд-во «Наука», 1973. – 518 с.
8. **Зализняк, А. А.** Грамматический словарь русского языка. Словоизменение / А. А. Зализняк. – М. : Изд-во «Русский язык», 1977. – 880 с.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Т. IV. *С – Я*. – М. : Изд-во «Русский язык», 1984. – 794 с.
10. **Граудина, Л. К.** Словарь грамматических вариантов русского языка / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН ; Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – 3-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 555, [5] с.
11. **Розенталь, Д. Э.** Справочник по правописанию и литературной правке: для работников печати / Д. Э. Розенталь. – 5-е изд., испр. – М. : Книга, 1989. – 320 с.
12. **Лопатин, В. В.** Малый толковый словарь русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – М. : Русский язык, 1990. – 704 с.
13. **Крысин, Л. П.** Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Изд-во Эксмо, 2006. – 944 с.
14. **Соловьев, Н. В.** Словарь правильной русской речи / Ин-т лингв. исслед. РАН ; Н. В. Соловьев. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 847, [1] с.
15. Большой толковый словарь русского языка: *А-Я* : Ин-т лингв. исслед. РАН / сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 1998. – 1534 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/>. – Дата доступа: 18.03.2023.
16. Краткая русская грамматика / В. Н. Белоусов, И. И. Ковтунова, И. Н. Кручинина [и др.] ; под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – 2-е изд., стер. – М. : РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2002. – 726 с.
17. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М. : Изд-во «Наука», 1980. – 789 с.
18. **Стариченок, В. Д.** Культура речи : учеб. пос. / В. Д. Стариченок, И. П. Кудреватых, Л. Г. Рудь. – Минск : Вышэйшая школа, 2015. – 303 с.
19. Современный русский язык: морфология : пос. / В. Д. Стариченок, Т. В. Балущ, О. Е. Горбачевич и др. ; под ред. В. Д. Стариченка. – Минск : БГПУ, 2010. – 260 с.
20. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – 720 с.
21. **Голуб, И. Б.** Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 10-е изд. – М. : Айрис-пресс, 2008. – 448 с.
22. Современный русский язык. Ч. 2. Словообразование. Морфонология. Морфология / П. П. Шуба, Т. Н. Волинец, И. К. Германович и др. ; под ред. П. П. Шубы. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : ООО «Плопрес», 1998. – 544 с.
23. **Плещенко, Т. П.** Стилистика и культура речи : учеб. пос. / Т. П. Плещенко, Н. В. Федотова, Р. Г. Четет ; под ред. П. П. Шубы. – Минск : ТетраСистемс, 2001. – 544 с.

Поступила в редакцию 2.04.2023 г.
 Контакты: boltovskaia@msu.by
 (Болтовская Елена Александровна)

Boltovskaya E. A. MORPHOLOGICAL NORM DYNAMICS IN RUSSIAN LITERARY LANGUAGE (BASED ON THE EXAMPLE OF GENDER VARIANTS OF DECLINABLE NOUNS)

Variations in the grammatical gender of declinable inanimate common nouns most commonly used in the plural form in speech have been determined and characterized using the material gathered from lexicographic sources of the second half of the XX – early XXI century, as well as the corpus and experimental data. The variants of gender of the words under consideration prevailing in the perception of Belarusian students have been revealed. The results of the study can be applied in the process of teaching stylistics and speech culture, and modern Russian literary language morphology.

Keywords: dynamics of morphological norm, declinable inanimate common nouns, gender of nouns.

УДК 821.161.1 (476): 82-1”/9/21”

АНТИЧНЫЙ МИР В ПОЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.

Е. И. Сердюкова

доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций, кандидат филологических наук
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье исследуется факт обращения современных русскоязычных авторов Беларуси к античной культуре как прием обогащения национальной литературы, в том числе и русскоязычной поэзии Беларуси. Установлена отличительная черта русскоязычной литературы Беларуси в целом и поэзии в частности – мифологизация действительности, понимаемая как способ конструирования метафизического пространства. На примере творчества Андрея Скоринкина выявлены интертекстуальные маркеры античной мифологии и античной культуры в поэтическом пространстве современной русскоязычной поэзии Беларуси.

Ключевые слова: современная русскоязычная поэзия Беларуси, античная культура, интертекстуальные маркеры, Андрей Скоринкин, компоненты межтекстового взаимодействия.

Введение

Факт обращения современных художников слова к античной культуре, многообразию античных героев, сюжетов и мотивов обусловлен потребностью гармонизировать процессы, происходящие в современности. Модернизация жанровой палитры посредством апелляции к жанрам, возникшим и получившим свои типологические черты в эпоху Античности, – это известные формы и приемы обогащения тематического и смыслового содержания национальной литературы, в том числе и современной русскоязычной поэзии Беларуси.

М. М. Бахтин отмечал, что национальные культуры наилучшим образом раскрывают свою самобытность, вступая во взаимодействие с другими культурами. Именно в диалоге культур открывается перспектива демонстрации национального богатства и самобытности [1]. Это отражение наблюдается в художественном синтезе русскоязычной поэзии Беларуси второй половины XX – начала XXI в. с миром Античности. Локальные вопросы влияния античной культуры на становление личности писателя известны с давних времен. Так, вслед за известным русским

историком, филологом, философом и культурологом Г. С. Кнабе обозначим три периода обращения к Античности, ознаменовавшие процесс духовного развития русской нации.

Первый период характеризуется важностью постижения иноязычной культуры и включает в себя переводы художественных текстов античных авторов и их последующую публикацию (X–XV вв.). Вторым этапом, являясь логическим продолжением первого, характеризуется исследованием имеющихся переводов и их возможных вариаций (XVI–XVIII вв.). Третий период объясняется художественным выражением накопленных знаний о культуре античного мира, проявившихся в слиянии русской и античной литератур (XVIII–XX вв.) [2]. Периодизацию, предложенную Г. С. Кнабе, на наш взгляд, можно дополнить четвертым периодом, символизирующим появление качественно нового этапа, затрагивающего уровень взаимодействия античного искусства с мировой литературой. Этот период отличается плодотворной работой художников слова по совершенствованию демонстрации глубинных связей человечества с античным миром, желанием выразить в своих произведениях миропонимание современного человека сквозь призму античных представлений о мире и его устройстве (конец XX – начало XXI в.).

Отношение к мифу как фактору смыслопорождения претерпевало различные изменения, кардинально противоположные по своей сути. Так, в истории развития мирового литературного процесса традиционно выделяют два этапа, характеризующие авторскую позицию по отношению к мифу: демифологизацию и ремифологизацию.

Понятие «демифологизация» разработано немецким теологом Р. Бульманом в работе «Новый завет и мифология» (1941) [3]. Ученый предлагал разграничивать непреходящее библейское значение и форму его словесного выражения. Также он указывал на то, что человеку требуются новые формы интерпретации мироустройства, отличные от мифологи-

ческих трактовок. В литературе эти установки выразились в процессах под общим названием «разрушение мифа», «развенчание власти мифа». Обусловлено подобное отношение к мифу и мифологическому мышлению установкой на рациональное познание мира, открытиями в различных областях научного знания, которые дали человеку возможность окончательно поверить в силу разума.

Цель статьи – на примере поэтического творчества А. Скоринкина выявить и охарактеризовать интертекстуальные маркеры античной мифологии в пространстве современной русскоязычной поэзии Беларуси.

Основная часть

В XX веке на смену процессам «разрушения мифа» приходит этап ремифологизации, характеризующийся возрождением мифологического сознания. Происходит художественная реабилитация мифологических сюжетов и образов, построение моделей мифологического пространства и времени, акцентирование внимания на хрестоматийных произведениях известных античных авторов – все это становится предметом размышлений в лирических текстах современных русскоязычных поэтов Беларуси.

Поэты органично вписывают миф в современный реальный мир и в лирическое пространство своих произведений. Актуализируя миф и его непреходящее значение для культуры и искусства, включая словесное творчество, авторы широко и многогранно представляют мифотворческие тенденции в контексте развития русскоязычной поэзии Беларуси второй половины XX – начала XXI в. Отличительной чертой русскоязычной литературы Беларуси в целом и поэзии в частности является мифологизация действительности, понимаемая как способ конструирования метафизического пространства.

В современной научной парадигме гуманитарных наук мифопоэтика занимает центральное место в связи с ее мультиаспектным толкованием в филологических, философских, религиозных, культурологических, искусствоведческих и других направлениях. Исследование мифопоэтики и, соответственно, выявление проблемного поля мифотворчества необходимо для установления фундаментальных мировоззренческих основ в русскоязычной лирике Беларуси второй половины XX – начала XXI в.

Миф синтезирует универсальный и национальный уровни миропонимания. Это

объясняется, во-первых, многоплановостью понятия «миф» и, во-вторых, его полифункциональностью, выражающейся во взаимодействии мифологии не только с письменной литературой, но и с другими научными и искусствоведческими областями. Е. М. Мелетинский предлагает рассматривать миф в качестве особого способа мировоззрения, проявляющегося в процессе активизации определенного типа мышления. Так, ученый утверждал: «Миф является средством концептуализации мира – того, что находится вокруг человека и в нем самом. В известной степени миф – продукт первобытного мышления. Его ментальность связана с коллективными представлениями (термин Дюркгейма), бессознательными и сознательными скорей, чем с личным опытом» [4, с. 24]. Н. П. Дмитриев указывал на существование двух форм взаимодействия мифов и литературы: «непосредственно, в форме “переливания” мифа в литературу, и опосредованно – через искусство, ритуалы, народные праздники, религиозные мистерии, а в последнее время обнаруживается еще одна тенденция – через эстетические и философские учения и фольклористику» [4, с. 6]. Один ученый отталкивался в определении термина «миф» от корреляции «миф и человек», а второй исходил из сочетания «миф и литература», которое только предполагает наличие третьего элемента – человека.

Обратимся к поэтическим произведениям знаковой фигуры художественной парадигмы современной русскоязычной поэзии Беларуси – Андрея Скоринкина, поскольку его творчество в значительной степени транслирует идеи, оформившиеся в античности. Продолжателем и модернизатором традиций философского осмысления бытия в русских литературных текстах XIX в. посредством обращения к наследию античной культуры является и русскоязычный писатель Беларуси А. Скоринкин.

Стихотворение «Рим» призывает читателя вспомнить историю падения Древнего Рима, занимавшего особое геополитическое положение. Поэт дает этой Великой державе такие определения, как «*властитель мира строгий*», «*царь неоспоримый*» [5, с. 24], и заключает печальным итогом: «*Твоей судьбы высокого урока / Мы так и не усвоили вовек*» [5, с. 24].

Обращение поэта к прецедентным историям Античности и рассмотрение мира современного сквозь этот опыт позволяет сделать

вывод, что современные люди не применяют на практике мудрость предков. Утверждение цикличности развития истории указывает на тот факт, что лирические произведения А. Скоринкина транслируют циклическую модель хронотопа. Она весьма архаична, но ее проекции в творчестве современных русскоязычных авторов Беларуси понятны.

К образам древнейших городов – Риму и Вавилону – А. Скоринкин обращается на протяжении всего своего творческого пути («Рим», «Побег из Вавилона», «Крушение империи» и др., давая возможность оглянуться на то, что прожито, чтобы не совершать повторных ошибок. Стихотворения, в которых поэтические топонимы выступают единственным интертекстуальным включением, представляют собой бинарную структурную модель интертекстуального типа «ПТ (претекст) – Поэтический топоним МТ (метатекст)».

Лишь благодаря воспоминаниям о прошлом и постоянной актуализации их в памяти нации можно построить счастливое настоящее. Подобная авторская идея реализуется и в знаменательном обращении современного русскоязычного автора Беларуси к хрестоматийному «памятнику» античной литературы – оде Горация.

А. Скоринкину удалось не только продолжить традицию «горацианства» первой половины XIX века, сформированную М. Ломоносовым, Г. Державиным и А. Пушкиным, но и произвести усложнение смысла первоисточника древнеримского поэта. Следует указать, что художественная парадигма белорусской литературы также имеет межтекстовые отношения с одой Горация «К Мельпомене». Так, М. Богданович перевел на белорусский язык произведения Горация.

Стихотворение «Монумент» А. Скоринкина посредством эпиграфа указывает на первоисточник из поэтического наследия Горация. Знаменитая ода древнеримского поэта неоднократно становилась прецедентным текстом для М. Ломоносова, Г. Державина, А. Пушкина, И. Бродского и других писателей мирового значения. Горация по праву называют основоположником темы поэта и поэзии в лирических текстах. Безусловно, каждый из прикоснувшихся к оде Горация художников слова по-разному воспользовался первоисточником. Так, М. Ломоносов перевел текст максимально близко к оригиналу, а лирические произведения Г. Державина («Памятник») и А. Пушкина («Я памятник воздвиг

себе нерукотворный...») созданы по мотивам известного древнеримского первоисточника. Писатели наполнили свои поэтические тексты проблемами, волновавшими их в период создания, сохранив при этом центральную тему оды «К Мельпомене» Горация – тему поэта и поэзии. В этом отношении конгломерат межтекстовых взаимодействий от древнеримского первоисточника до стихотворения современного русскоязычного поэта Беларуси не является исключением. А. Скоринкин также рассуждает о предназначении поэзии, о ее непреходящем значении: «*Я создал монумент себе чудесный, / Его не сокрушат ни время, ни вандал. / Он твёрже мрамора, он крепче, чем металл, / Он выше всякой башни поднебесной!*» [5, с. 202–203]. В стихотворении прослеживается непосредственная сопричастность реалиям XXI в.: «*Слух обо мне пройдёт по всей вселенной – / Через журналы, книги, интернет*» [5, с. 203].

К указанному прецедентному источнику (ода «К Мельпомене») обращается А. Скоринкин и в стихотворении «Вечерние стихи»: «*Я монумент себе воздвиг / Ещё в былом тысячелетье... / Пускай и взрослые, и дети / Ныряют в глубь прозрачных книг / И вспоминают о поэте*» [5, с. 219].

В этой строфе тема остается неизменной: о предназначении поэта и значимости его поэзии. Однако анализ данного стихотворения как художественного целого показывает, что авторская апелляция к культуре Античности прослеживается на протяжении всего произведения. Это позволяет обозначить весь путь становления лирического героя в качестве поэта и расценить стихотворение «Вечерние стихи» как акт подведения итогов его жизненного и творческого пути. Таким образом, в лирическом произведении А. Скоринкина усматривается бинарная структурная модель интертекстуального типа «ПТ (претекст) – Тема МТ (метатекст)» и наблюдается такая же модель построения хронотопа, как и у К. Михеева в стихотворении «Итака». Художественное время подвергается сжатию, а пространство, наоборот, расширяется: «*Мир для меня – сплошная зона, / Один громадный Вавилон*» [5, с. 218]. Автор погружает читателя в топографические координаты лирического героя, который предстает в образе современного поэта, человека прогрессивного и рефлексивного. Так, представляя Вавилон как отдельный мир, лирический герой вспоминает о своем детстве: «*Я помню первый свой*

острог... / Когда я был ещё ребёнок, / Меня родители в "Зубрёнок" / Ссылали, присуждая срок...» [5, с. 218]. Подготовленный читатель (скорее всего, человек, знакомый с реалиями современной Беларуси) и без сноски автора понимает, о каком «Зубренке» идет речь. И несколькими строфами ниже автор упоминает Нарочь, представляя это место в виде земного рая. Указание этих топографических пунктов наглядным образом демонстрирует масштабирование художественного пространства не только в стихотворении «Вечерние стихи», но и во всем поэтическом творчестве писателя.

Также следует отметить, что лирический герой А. Скоринкина чувствует себя в безопасности именно на родной земле. Он безболезненно путешествует по закоулкам своей памяти, он способен связать свое нынешнее положение в мире с античными временами, но, повторимся, зоной его внутреннего комфорта выступают родные места, к которым герой «как пёс к родимому порогу / влачится, высунув язык» [5, с. 219].

«Ода к Эрато» – воспевание муз – одна из ключевых тенденций при обращении к античному наследию. Известно, что Эрато, согласно древнегреческой мифологии, является музой любовной поэзии, способной вдохновить поэтов на создание новых шедевров лирического характера. А. Скоринкин в своем произведении «Ода к Эрато» высказывает слова благодарности музе за ниспослание на лирического героя одухотворения любовью, за подаренную музой возможность «чувствами пылать», «звездами смотреть» и «испытывать «вновь в душе волнение». Усиление значимости подобного благословения для поэта подчеркивается упоминанием богини любви и красоты Киприды, которая готова «бедного пиита сыном величать» [5, с. 135]. Помимо перечисленных маркеров античной мифологии, А. Скоринкину удается погрузить читателя в мир устаревшей лексики (*длани, стан, цевница, твердь* и др.). Тем самым поэт еще раз указывает на значительный временной разрыв, существующий между культурами исследуемых литератур. И разрыв этот выступает своеобразной платформой для встречи культуры античного наследия с культурой второй половины XX – начала XXI в., с реальностью этого увлекательного переходного периода в жизни общества и искусствоведческой его составляющей в том числе.

В стихотворении «Мифологический роман» поэт продемонстрировал знание греческой и римской мифологии. Выбирая цен-

тральной темой любовь как одну из граней человеческой жизни, А. Скоринкин с легкостью вводит в канву лирического текста имена собственные античных богов в качестве действующих лиц описываемой истории.

Роль средства передвижения выполняет известное мифологическое животное – крылатый конь Пегас, а местом обитания пиита и прелестной богини изящества и красоты Хариты выступает знаковая в античной мифологии гора Парнас. Изображение античного мира в стихотворении А. Скоринкина построено на поэтике контраста, что в целом характерно для всего творчества писателя. Однако если обозначить смысловое содержание лирического произведения, то становится ясным, что апелляция к античным реалиям, их связь с современностью делают очевидным факт повторяемости всего происходящего в истории человечества: «но вечером всё снова повторится! / И так до бесконечности...» [5, с. 144]. Воспевание любви, наслаждение прекрасным, желание создавать произведения искусства – эти настроения не соответствуют характерным чертам классицизма. А. Скоринкин отходит от образцового изображения жизни, отдав предпочтение легкомыслию и жажде насладиться происходящим в эту минуту моментом, не забывая при этом творить.

Заключение

Культурное наследие античности выступает прецедентным источником и фактором смыслопорождения в современной русскоязычной поэзии Беларуси. Художественное мастерство и поэтическое дарование русскоязычных авторов позволяют им реализовывать межтекстовые взаимодействия с обозначенным прецедентным источником, моделируя при этом как бинарные, так и тернарные структурные модели интертекстуального типа. Проведенное нами исследование способствовало выявлению интертекстуальных маркеров античной мифологии и античной культуры в поэтическом пространстве современной русскоязычной поэзии Беларуси. Таким образом, основными компонентами межтекстового взаимодействия выступают:

1) поэтические топонимы (город, остров, горы и т. д.) – Рим, Вавилон, Итака, Парнас и др.;

2) образы античных героев, богов и муз – Одиссей, Елена Прекрасная, Мнемозина – мать всех муз, Эрато – муза любовной поэзии, крылатый конь Пегас, символизирующий творческий порыв и вдохновение, и др.;

3) творческое наследие античных авторов Гомера, Горация и др.;

4) античные мотивы и сюжеты (так, мотив странствий в поэзии А. Скоринкина трансформируется в мотив пути как символа жизни человека).

В системе жанровой палитры русскоязычной поэзии Беларуси второй половины XX – начала XIX в. наблюдаются отсылки к жанрам античного периода становления (например, оде как основному жанру, с которым работал Гораций). В ходе исследования установлено наличие как бинарных, так и тернарных структурных моделей интертекстуального типа в лирических текстах исследуемого феномена. Это свидетельствует о высоком уровне художественного мастерства современных русскоязычных писателей Беларуси. С помощью разнообразных структурных моделей интертекстуального типа авторам удается органично соотнести свои произведения, написанные на актуальные для них темы, с пространством античной литературы и культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; примеч. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 444 с.
2. *Кнабе, Г. С.* Русская античность: содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России : программа-конспект лекц. курса / Г. С. Кнабе. – М. : Издат. центр Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2000. – 238 с.

3. *Бульман, Р.* Новый завет и мифология / Р. Бульман // Избранное: вера и понимание : пер. с нем. / Р. Бульман. – М., 2004. – С. 7–18.

4. *Мелетинский, Е. М.* От мифа к литературе : учеб. пособие / Е. М. Мелетинский. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 168 с.

5. *Скоринкин, А.* Черный аист : сборник / А. Скоринкин. – Мн. : Белорус. Дом печати, 2009. – 448 с.

Поступила в редакцию 4.04.2023 г.

Контакты: serdiukova@msu.by

(Сердюкова Екатерина Ивановна)

Serdyukova E. I. THE ANCIENT WORLD IN THE POETIC DIMENSION OF RUSSIAN-LANGUAGE POETRY OF BELARUS DURING THE SECOND HALF OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

The article examines the fact that modern Belarusian Russian-speaking authors turn to ancient culture as a tool of enriching national literature, including Russian-language poetry of Belarus. A distinctive feature of Russian-language literature of Belarus in general and poetry in particular has been established – the mythologization of reality, which is understood as a way of constructing metaphysical space. Intertextual markers of ancient mythology and ancient culture in the poetic dimension of modern Russian-language poetry of Belarus have been revealed regarding Andrei Skorinkin's works.

Keywords: modern Russian-language poetry of Belarus, ancient culture, intertextual markers, Andrei Skorinkin, components of intertextual interaction.

ІНФАРМАЦЫЙНАЯ ПРАСТОРА РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ: АКТУАЛЬНЫЯ ТЭНДЭНЦЫІ І ПЕРСПЕКТЫВЫ

В. І. Кано́та

магістр філалагічных навук, рэдактар аддзела
рэдакцыйна-выдавецкая ўстанова «Выдавецкі дом “Звязда”»

У артыкуле аналізуюцца асноўныя тэндэнцыі і прыярытэты развіцця нацыянальных сродкаў масавай інфармацыі Рэспублікі Беларусь у першай чвэрці XXI стагоддзя. Удакладняецца гісторыя стварэння і структура цэнтральных медыяаб'яднанняў, вызначаецца іх роля ў фарміраванні інфармацыйнай павесткі краіны. Асэнсоўваюцца істотныя характарыстыкі функцыянавання сучаснай журналістыкі: пашырэнне прысутнасці традыцыйных СМІ ў новых медыя, развіццё аўтарскай журналістыкі, захаванне прынцыпаў прафесійнай этыкі журналіста, узростанне ролі сацыяльнай адказнасці журналіста ва ўмовах медыятурбулентнасці.

Ключавыя словы: журналістыка, сродкі масавай інфармацыі, медыяаб'яднанне, аўтарская журналістыка, сацыяльная адказнасць.

Уводзіны

За гады незалежнасці ў Рэспубліцы Беларусь сфарміраваўся разнастайны медыйны ландшафт, прадстаўлены друкаванымі, аўдыявізуальнымі, электроннымі сродкамі масавай інфармацыі. Яны адрозніваюцца формай уласнасці, займаюць адпаведныя тэматычныя нішы і разлічаны на канкрэтную аўдыторыю медыякарыстальнікаў. Па стане на 31 снежня 2022 года ў Дзяржаўным рэестры сродкаў масавай інфармацыі Рэспублікі Беларусь зарэгістравана: 963 друкаваныя сродкі масавай інфармацыі (403 дзяржаўныя і 560 недзяржаўных), 192 электронныя СМІ (113 дзяржаўных і 79 недзяржаўных), 38 сеткавых выданняў (30 дзяржаўных і 8 недзяржаўных), 7 інфармацыйных агенцтваў (2 дзяржаўныя і 5 недзяржаўных) [1]. Лідзіруючыя пазіцыі ў сістэме СМІ Беларусі займаюць цэнтральныя медыя. Найбольш папулярнымі і ўплывовымі з іх з'яўляецца Нацыянальная дзяржаўная тэлерадыёкампанія Рэспублікі Беларусь, закрытае акцыянернае таварыства (ЗАТ) «Другі нацыянальны тэлеканал», ЗАТ «Сталічнае тэлебачанне», установа Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «Выдавецкі дом “Беларусь сегодня”», рэдакцыйна-выдавецкая ўстанова

(РВУ) «Выдавецкі дом “Звязда”», інфармацыйнае агенцтва «БелТА». Нягледзячы на канкурэнцыю на медыярынку, яны па-ранейшаму застаюцца асноўнымі крыніцамі інфармацыі для беларускага грамадства, адлюстроўваюць дзяржаўную пазіцыю на актуальныя падзеі і працэсы. Многія з цэнтральных СМІ маюць статус дзяржаўных медыяхолдынгаў, рэдакцыйна-выдавецкіх устаноў.

Асноўная частка

Стварэнне медыяаб'яднанняў з'яўляецца адным з прыярытэтных кірункаў дзяржаўнай інфармацыйнай палітыкі, адной з асноўных тэндэнцый развіцця сучаснай медыяпрасторы. Узнікненне тэлерадыёхолдынгаў і выдавецкіх дамоў абумоўлена аптымізацыяй кіруючых, фінансавых і творчых падраздзяленняў рэдакцыйных устаноў з мэтай эфектыўнага іх функцыянавання. Найбуйнейшыя медыяаб'яднанні краіны накіраваны не толькі на стварэнне медыяпрадукту, а і на атрыманне прыбытку ад яго распаўсюджвання. Падчас навукова-практычнай канферэнцыі «Нацыянальныя медыяхолдынгі ў кантэксце рэалізацыі дзяржаўнай інфармацыйнай палітыкі», якая адбылася ў Інстытуце журналістыкі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта 25 кастрычніка 2013 г., аўтарытэтнымі вучонымі і маладымі даследчыкамі былі прааналізаваны дасягненні і недахопы ў дзейнасці масмедыйных структур, параўноўваўся вопыт функцыянавання медыяхолдынгаў Рэспублікі Беларусь з вопытам медыякампаній блізкага і далёкага замежжа, былі выпрацаваны рэкамендацыі для журналістаў-практыкаў, якія працуюць у медыяаб'яднаннях, і даследчыкаў сучаснай журналістыкі, якія вывучаюць дадзеную праблему [2]. Падчас канферэнцыі навукоўцы звярталі ўвагу на тое, што адзінага, агульнапрызнанага вызначэння паняцця «медыяхолдынг» не існуе. У прыватнасці, В. Дуброўская характарызуе медыяхолдынг як «аб'яднанне сродкаў масавай інфармацыі з мэтай дыверсіфікацыі эканамічных рызык і ўзмацнення палітычнага ўплыву» [2, с. 59]. Абагульніўшы

вынікі даследчыкаў у сферы эканомікі і менеджменту СМІ, Дз. Нікановіч сфармуляваў наступнае вызначэнне медыяхолдынгу: «Кампанія, якая ажыццяўляе кантроль над некалькімі СМІ, або аб'яднанне кампаній, якія валодаюць медыярэсурсамі, звязаныя адзіным капіталам і кіруюцца яго ўласнікамі» [2, с. 94]. Падрабязна спецыфіка стварэння медыяаб'яднанняў Рэспублікі Беларусь прааналізавана ў манаграфіі Т. Падаляк «Аксіялогія сучаснай беларускай журналістыкі», дзе, у прыватнасці, удакладняецца, чаму рэдакцыйна-выдавецкую ўстанову некарэктна называць медыяхолдынгам. Даследчык спасылся на дырэктара РВУ «Выдавецкі дом “Звязда”» А. Карлюкевіча, які адзначае, што «холдынг – гэта сістэма камерцыйных арганізацый. Яна ўключае ў сябе “кіруючую кампанію”, якая валодае кантрольнымі пакетами даччыных кампаній, і самі даччыныя кампаніі. Кіруючая кампанія можа выконваць не толькі кіруючыя, але і гаспадарчыя функцыі» [3, с. 66].

Першым і найбуйнейшым медыяаб'яднаннем краіны стала Нацыянальная дзяржаўная тэлерадыёкампанія (Белтэлерадыёкампанія). На працягу свайго існавання структура Белтэлерадыёкампаніі мянялася. Па стане на студзень 2023 года ў яе ўваходзяць тэлеканалы «Беларусь 1», «Беларусь 2», «Беларусь 3», «Беларусь 4», «Беларусь 5», міжнародны спадарожнікавы канал «Беларусь 24», «НТВ-Беларусь», Першы Нацыянальны канал Беларускага радыё, радыёканал «Культура», радыё «Беларусь», радыёстанцыі «Сталіца» і «Радыус FM», пяць абласных тэлерадыёкампаній і спартыўны інтэрнэт-канал «Беларусь 5. Інтэрнэт».

Першым медыяаб'яднаннем друкаваных СМІ з'яўляецца рэдакцыйна-выдавецкая ўстанова «Літаратура і Мастацтва». Яна была заснавана Міністэрствам інфармацыі Рэспублікі Беларусь у 2002 г. На базе медыяаб'яднання выходзілі літаратурна-мастацкія і грамадска-палітычныя часопісы «Польмя», «Нёман», «Малодосць», «Бярозка», «Вожык», штотыднёвая газета «Літаратура і мастацтва», выдаваўся шырокі спектр літаратуры: ад мастацкай і дакументальнай да дзіцячай і вучэбнай. У лістападзе 2012 года рэдакцыйна-выдавецкая ўстанова «Літаратура і Мастацтва» была далучана да ўстановы «Рэдакцыя газеты “Звязда”», у выніку чаго была створана новая рэдакцыйна-выдавецкая ўстанова – Выдавецкі дом «Звязда». Першапачаткова ў медыяаб'яднанне ўваходзілі штодзённая грамадска-палітычная газета «Звязда», літаратурна-мастацкія і гра-

мадска-палітычныя часопісы «Польмя», «Нёман», «Малодосць» (з дадаткам «Бярозка»), «Вожык», штотыднёвая газета «Літаратура і мастацтва». У студзені 2015 г. адноўлена самастойнае выданне часопіса «Бярозка», які ў ліпені 2019 г. перайшоў у склад рэспубліканскага ўнітарнага прадпрыемства (РУП) «Дом прэсы». З 1 ліпеня 2021 г. выдаўцом часопісаў «Польмя», «Нёман» і «Малодосць» з'яўляецца дзяржаўнае выдавецтва «Мастацкая літаратура». Са студзеня 2022 г. прыпыніў выхад часопіс «Вожык»: яго выданне стала нерэнтабельным. Праблема-тэматычнае поле перыёдыкі Выдавецкага дома «Звязда» пашырылася, калі ў склад медыяаб'яднання ўвайшлі штотыднёвыя грамадска-палітычны і літаратурна-мастацкі часопіс для жанчын «Алеся» (кастрычнік 2014 г.) і навукова-папулярны экалагічны часопіс «Родная прырода» (студзень 2014 г.). Геаграфія карыстальнікаў медыяпрадукцыі Выдавецкага дома «Звязда» стала больш шматпланавай пасля далучэння да рэдакцыйна-выдавецкай установы выданняў для беларусаў замежжа: газеты «Голас Радзімы» (ліпень 2018 г.) і часопіса «Беларусь. Belarus» (ліпень 2018 г.), якія да гэтага выходзілі на базе ўстановы Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «Выдавецкі дом “Беларусь сёння”». Інфармацыйна-асветная газета для беларусаў замежжа «Голас Радзімы», заснаваная ў красавіку 1955 года, у маі 2022 года спыніла сваё існаванне як асобнае выданне і стала выходзіць у якасці дадатку да часопіса «Беларусь. Belarus».

Адзін з найбуйнейшых медыяхолдынгаў краіны – «Выдавецкі дом “Беларусь сёння”» – таксама прайшоў няпросты шлях трансфармацыі. У 2013–2015 гг. у склад грамадска-палітычнага медыяаб'яднання, створанага на базе рэдакцыі газеты «Советская Белоруссия», увайшлі штотыднёвыя газеты «Рэспубліка», «Белорусская нива» (са студзеня 2014 г. – «Сельская газета»), «Народная газета» і «Знамя юности», FM-радыёстанцыя «Альфа Радио», часопіс «Спецназ», беларуска-расійскія праекты «Союз» і «Союзное вече», штотыднёвая газета «The Minsk Times». Працэс аптымізацыі сістэмы цэнтральных друкаваных сродкаў масавай інфармацыі быў завершаны заснаваннем у верасні 2018 г. медыяхолдынгу Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «Выдавецкі дом “Беларусь сёння”». Яго ключавое выданне памянляла назву: з верасня 2018 г. самая тыражная газета краіны «Советская Белоруссия» стала называцца «Беларусь сёння».

вацца «СБ. Беларусь сегодня». Са снежня 2018 г. на базе Выдавецкага дома «Беларусь сегодня» працуе першае зарэгістраванае ў Рэспубліцы Беларусь сеткавае выданне sb.by.

Цэнтральныя медыяаб'яднанні фарміруюць інфармацыйную павестку краіны. Яны задаюць тон усёй медыйнай прасторы, з'яўляюцца арыенцірам у спосабах падачы інфармацыі, фарміраванні тэматычнага кантэнту, выбары герояў публікацый і сюжэтаў. Магчымасці медыяаб'яднанняў дазваляюць акумуляваць эканамічныя рэсурсы, максімальна задзейнічаць у стварэнні медыяпрадукцыі кадравы патэнцыял, шырока ахопліваць аўдыторыю.

Кардынальныя змены, характэрныя для сучаснай журналістыкі, звязаныя не толькі з аптымізацыяй сродкаў масавай інфармацыі шляхам іх рэарганізацыі ў медыяаб'яднанні. Развіццё медыя адбываецца ў шчыльным узамедзеянні з інфармацыйна-камунікатыўнымі тэхналогіямі (ІКТ). Сучасныя даследчыкі журналістыкі ўсё часцей звяртаюць увагу на ўздзеянне апошніх на трансфармацыю медыясістэм. Па меркаванні А. Вартанавай, «гэта вядзе да змянення як структуры і практык функцыянавання нацыянальных медыясістэм, так і прыроды і форм узамедносін СМІ, журналістыкі з грамадствам. Лічбавізацыя таксама ўзмацняе ўласціваю сучаснай медыяпрасторы пастаянную яе зменлівасць, «цякучасць», непрадказальнасць, нявызначанасць, што непазбежна адлюстроўваецца і на грамадскіх працэсах і з'явах» [4, с. 8]. Дзякуючы ІКТ друкаваныя медыя на пляцоўках сваіх інтэрнэт-рэсурсаў могуць канкуруваць у апэратыўнасці з радыё і тэлебачаннем. Аўдыторыі перыядычнага выдання не абавязкова чаканне выхаду газеты або часопіса: патрэбную інфармацыю можна атрымаць у дзень падзеі на сайце СМІ. Анлайн-версіі традыцыйных сродкаў масавай інфармацыі дазволілі максімальна змяшчаць той кантэнт, які з-за абмежаванасці газетнай плошчы або эфірнага часу не можа трапіць на традыцыйную пляцоўку.

Аб мабільнасці традыцыйных СМІ сведчыць і прысутнасць масмедыя ў сацыяльных сетках. Дзейнасць у альтэрнатыўных лічбавых асяроддзях – яшчэ адна з тэндэнцый, з якой у сучасных рэаліях сутыкнуліся нацыянальныя масмедыя. Паводле сацыялагічных даследаванняў, 63,2% жыхароў Беларусі атрымліваюць інфармацыю з інтэрнэт-крыніц, кожны другі карыстаецца сацыяльнымі сеткамі [5]. Гэтага нельга не ўлічваць, таму адна з прыярытэтных задач, пастаўленая перад сучаснымі

сродкамі масавай інфармацыі, звязана з працоўваннем кантэнту з дапамогай папулярных сацсетак і мэсэнджараў. У сувязі з гэтым дзяржаўныя сродкі масавай інфармацыі актыўна пашыраюць сваю аўдыторыю і нарошчваюць прысутнасць у новых медыя. Многія дзяржаўныя медыя там ужо прадстаўлены, аднак выкарыстоўваюць патэнцыял інтэрнэт-пляцовак не ў поўным маштабе. Аднак не ўсе СМІ, у тым ліку рэспубліканскія, свабодна адчуваюць сябе ў новых лічбавых асяроддзях. Некаторыя рэдакцыі, якія валодаюць буйным тэхналагічным патэнцыялам і багатым кадравым рэсурсам, прайграюць рэгіянальным медыя з меншымі магчымасцямі як па колькасці падпісчыкаў у інтэрнэце, так і ў цыгаванні, чыгальнасці. Напрыклад, у такой папулярнай сацыяльнай сетцы, як Instagram на афіцыйны акаўнт рэспубліканскай газеты «Звязда» па стане на студзень 2023 года падпісана звыш 900 карыстальнікаў, а колькасць падпісчыкаў у афіцыйнага акаўнта гарадской газеты «Гомельскіе ведомости» складае 11, 5 тысяч.

Калі ў інтэрнэт-рэсурсах акцэнт робіцца на апэратыўным інфармаванні аўдыторыі, то традыцыйныя сродкі масавай інфармацыі, у першую чаргу друкаваныя медыя, прыярытэт аддаюць публіцыстычным і аналітычным матэрыялам. Змяніліся рэдакцыйныя перавагі і ў падборы кантэнту, які прапаноўваецца шырокай аўдыторыі, карэнным чынам трансфармаваліся спосабы яго падачы. Любая падзея, працэс аналізуюцца або самім аўтарам, або экспертнай супольнасцю, да якой журналіст звяртаецца падчас падрыхтоўкі публікацыі або сюжэту. Канстатацыя факта часта не цікавіць сучасную аўдыторыю аўтарытэтных сродкаў масавай інфармацыі. Каб даведацца, што і дзе адбылося, медыяспажываўцы накіроўваюцца ў сацыяльныя сеткі. На пляцоўках жа традыцыйных СМІ інфармацыя ўсебакова аналізуецца. Пры гэтым журналісты не толькі звяртаюцца да экспертаў, а і самі не баяцца даваць ацэнку падзеям і працэсам, шырока транслююць сваю пазіцыю. Такім чынам, можна абзначыць сённяшняе медыяасяроддзе як «журналістыка меркаванняў».

Не падлягае сумненню, што журналістыка па-ранейшаму з'яўляецца дзейснай і эфектыўнай, аб чым сведчаць шматлікія прыклады вырашэння сродкамі масавай інфармацыі пытанняў, з якімі грамадзяне звяртаюцца як у дзяржаўныя органы, так і непасрэдна да прадстаўнікоў масмедыя. Сацыяльная адказнасць журналіста, аб'ектыўнасць і праўдзівасць,

добрасумленнасць, павага да агульначалавечых каштоўнасцей, прафесійная салідарнасць – гэтыя найважнейшыя прынцыпы прафесійнай этыкі журналіста, прапісаныя ў Кодэксе прафесійнай этыкі Беларускага саюза журналістаў [6], вылучаюць нацыянальную медыяпрастору.

Залежнасць ад інфармацыі з’яўляецца адметнай характарыстыкай сучаснага грамадства. Як заўважае міністр інфармацыі У. Пярцоў, «сродкі масавай камунікацыі аказваюць вызначальны ўплыў на фарміраванне каштоўнасных маральных установак, настрой грамадства, асобных людзей, сацыяльных груп і адносіны да тых ці іншых падзей. У гэтых умовах як ніколі значная роля сумленнай, адказнай журналістыкі, якая эфектыўна супрацістаяць спробам пасеяць варожасць, раскалоць грамадства. Глобальная лічбавізацыя нясе як новыя магчымасці, так і новыя пагрозы. Сродкі масавай інфармацыі здольныя як узбагаціць чалавека ведамі, так і дэзынфармаваць, пасеяць недавер і страх» (Звязда. 2021. 28 мая). Ад таго, якую пазіцыю зоймуць СМІ, іншыя крыніцы інфармацыі, залежыць дакладнасць інтэрпрэтацыі атрыманых звестак, што непасрэдна ўплывае на фарміраванне светапогляду медыяспажывцоў, на адносіны да тых ці іншых падзей, працэсаў, што адбываюцца ў грамадстве.

На прыкладзе падзей, якія адбываліся ў ходзе кампаніі па выбары Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь 2020 г., спажывцы інфармацыі пераканаліся: не ўсё, што выдаецца за ісціну, ёю з’яўляецца. Медыякарыстальнікі імкнуцца адрозніваць факты ад фэйкаў, якія апошнім часам запаланілі медыяпрастору, і часцей дэ-валююць правераемым крыніцам інфармацыі, а не прадстаўнікам так званай «грамадзянскай журналістыкі». Варта адзначыць, што ў сучасных даследаваннях па журналістыцы існуе нямала вызначэнняў гэтага тэрміна, прычым часта супрацьлеглых. Мы салідарызуюцца з меркаваннем навукоўцаў, якія вызначаюць «грамадзянскую журналістыку» як дзейнасць аматараў, што разгарнулася ў інтэрнэце [7]. Рэчаіснасць такая, што любы чалавек, які стварае з дапамогай мабільнага тэлефона кантэнт і выкладае яго ў інтэрнэце, называе сябе журналістам. Рацыянальнае зерне тут ёсць: аўтар кантэнту фарміруе пэўную інфармацыйную адзінку, транслюючы пры гэтым сваю пазіцыю адносна той ці іншай падзеі. Аднак нярэдка ў гэтых паведамленнях парушаецца не толькі прафесійная этыка журналіста, а ўвогу-

ле нормы агульначалавечай маралі. Прычым, у адрозненне ад прафесійных журналістаў, якія нясуць адказнасць за кожнае слова, блогерам яе ўдаецца пазбегнуць. Поўнасцю неконтрольнай «грамадзянская журналістыка» перастала быць пасля падзей 2020 г., калі на пляцоўках шэрагу інфармацыйных рэсурсаў вяліся заклікі да парушэння правапарадку на вуліцах гарадоў і іншых населеных пунктаў, да дэстабілізацыі абстаноўкі ў краіне. За падобныя дзеянні, якія прыраўноўваюцца да экстрэмізму, прадугледжана крымінальная адказнасць – адпаведныя змяненні былі ўнесены ў Закон «Аб супрацьдзеянні экстрэмізму», новая рэдакцыя якога была зацверджана 14 мая 2021 г. [8]. Блогерства нельга атаясамліваць з прафесійнай журналістыкай. Карэспандэнт-прафесіянал шукае тэму, праблему, цікавы факт, правярае інфармацыю на дакладнасць. Невыпадкова ў журналістыцы актуалізуюцца такія трэнды, як верыфікацыя, факт-чэкінг.

«Грамадзянская журналістыка» з’явілася пэўным выклікам для традыцыйных сродкаў масавай інфармацыі. Яны сталі больш мабільнымі ў спосабах падачы інфармацыі, апэратыўнымі і шматфункцыянальнымі. Можна сказаць, што жорсткая канкурэнцыя на медыярынку прывяла дзяржаўныя медыя ў «тонус»: яны вымушаны імкліва развівацца, каб быць цікавымі аўдыторыі. У першую чаргу, размова ідзе аб апэратыўнасці кантэнту і высокай якасці медыяпрадукту. Узмацніліся пазіцыі аўтарскай журналістыкі. Паводле А. Цяпляшынай, «аўтарская журналістыка ўяўляе сабой супольнасць творчых асоб, якія атрымалі розныя прафесіі, працуюць пастаянна або запрошаныя да супрацоўніцтва, якія пішуць водгукі на злобу дня, каментуюць падзеі ў некананічных, створаных уласнай думкай і талентам жанрах» [9, с. 49]. Сучасныя медыякарыстальнікі аддаюць перавагу якаснай інфармацыі, маюць патрэбу ў меркаванні прафесійнага журналіста.

З мэтай развенчвання фэйкаў у сродках масавай інфармацыі створаны адпаведныя рубрыкі, якія з’яўляюцца ўвасабленнем аўтарскай журналістыкі. Найбольш рэзультывымі аўтарскімі перадачамі, у якіх выкрываецца фэйкавая інфармацыя, на беларускім тэлебачанні з’яўляюцца «Антыфэйк», «Лаўроў. За гранню» (Глеб Лаўроў, АНТ), «Прапаганда» (Ігар Тур, АНТ), «Гэта іншае» (Ксенія Лебедзева, Беларусь 1), «Зразумелая палітыка» (Сяргей Гусачэнка, Беларусь 1), «Ордэн Іуды», «Азаронак. Тайныя спружыны палітыкі» (Ры-

гор Азаронак, СТБ), «Палітыка без гальштукаў і купюр» (Яўген Пуставой, СТБ), «Накіпела» (Андрэй Мукавозчык, СТБ). Аўтарскія праекты з'явіліся і ў друку. Найбольш папулярныя з іх – «Накіпела» А. Мукавозчыка ў газеце «СБ. Беларусь сегодня», «Па сутнасці» Я. Пуставога ў газеце «Звязда», аўтарская калонка Л. Гладкай на пляцоўцы сеткавага выдання sb.by і інш.

Заклучэнне

Аўтарскія рубрыкі ў друкаванай прэсе, праграмы на тэлебачанні, якія атаясамліваюцца з імем канкрэтнага журналіста, – менавіта такія кантэнт у пачатку 2020-х гг. найбольш запатрабаваны аўдыторыяй. Пры гэтым на старонках газет выступаюць вядомыя тэлежурналісты, выказваючы сваё меркаванне на тую ці іншую падзею, а на тэлебачанні сваю пазіцыю да шырокай аўдыторыі даносяць супрацоўнікі друкаваных СМІ. Журналіст з'яўляецца тым камунікацыйным лідарам, які фарміруе грамадскую думку, уплывае на разуменне ключавых працэсаў у краіне, у цэлым у свеце. Да меркавання супрацоўнікаў дзяржаўных СМІ прыслухоўваюцца, ім давяраюць, запрашаюць на мерапрыемствы ў якасці экспертаў. Даследчыкі журналістыкі, медыйныя асобы адзінагалосныя – настаў час аўтарскай журналістыкі.

Знаходзячыся на перадавой інфармацыйнага супрацьборства, важна не толькі змагацца з фэйкамі. Адметная роля сучасных сродкаў масавай інфармацыі яшчэ і ў клопаце аб захаванні суверэнітэту Рэспублікі Беларусь, у прапагандзе базавых каштоўнасцей беларускага народа. Высокая якасная журналістыка – тая, што працуе на развіццё дзяржавы і на карысць сваіх грамадзян.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Сведения о средствах массовой информации на 31 декабря 2022 года [Электронный ресурс] // Министерство информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mininform.gov.by/activities/statisticheskij/>. – Дата доступа: 31.12.2022.
2. Национальные медиахолдинги в контексте реализации государственной информационной политики : материалы науч.-практ. конф. / под общ. ред. канд. филол. наук, доц. С. В. Дубовика. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014. – 151 с.
3. *Падаляк, Т. У.* Аксіялогія сучаснай беларускай журналістыкі / Т. У. Падаляк ; навук. рэд. У. В. Гніламедаў. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2016. – 263 с.

4. *Вартанова, Е.* К вопросу о последствиях цифровой трансформации медиасреды / Е. Вартанова // МедиаАльманах. – 2022. – № 2. – С. 8–14.

5. Пярцоў: у Беларусі расце цікавасць аўдыторыі да праўдзівай інфармацыі і давер да дзярж-СМІ [Электронны рэсурс] // БелТА : беларус. інфармац. агенцтва. – Рэжым доступу: <https://blr.belta.by/society/view/pjartsou-u-belarusi-rastsettsikavasts-audytoryi-da-praudzivaj-infarmatsyi-i-daver-da-dzjarzhsmi-112612-2022/>. – Дата доступу: 30.07.2022.

6. Кодекс профессиональной этики журналиста [Электронный ресурс] // Интернет-портал Белорусского союза журналистов. – Режим доступа: <http://bsj.by/bszh/kodeks/>. – Дата доступа: 17.12.2022.

7. *Хлебникова, Н.* Гражданская журналистика: к истории становления термина / Н. Хлебникова [Электронный ресурс] // Интернет-портал российской научной электронной библиотеки КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-zhurnalistika-k-istorii-stanovleniya-termina/viewer>. – Дата доступа: 18.12.2022.

8. Об противодействии экстремизму : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&0=h10700203>. – Дата доступа: 06.12.2022.

9. *Тепляшина, А.* Жанровая модель авторской журналистики / А. Тепляшина // Журналистский ежегодник. – 2015. – № 4. – С. 49–54.

Паступіў у друк 05.01.2023 г.

Кантакты: veronika_kanyuta@mail.ru

(Канюта Вераніка Іванаўна)

Kaniuta V. I. THE MEDIA LANDSCAPE OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CURRENT TENDENCIES AND PERSPECTIVES

The article analyzes the main tendencies and priorities in the development of the national mass media of the Republic of Belarus in the first quarter of the XXI century. The origin and structure of the principal media unions are defined more precisely and their part in setting the information agenda of the country is assessed. The essential features of the functioning of today's journalism are reflected upon: the increased presence of the mainstream media in the modern media, the development of personal journalism, the preservation of principles of journalism ethics, a growing role of a journalist's social responsibility in the environment of media turbulence.

Keywords: journalism, mass media, media union, personal journalism, social responsibility.

УДК 81'42

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИТУАЦИИ ОТКАЗА ОТ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ЗАМЫСЛА

О. В. Марченко

аспирант кафедры общего языкознания

Минский государственный лингвистический университет

В статье рассматриваются модели развития диалога в ситуации отказа говорящего от реализации своего сформированного коммуникативного замысла. Выявляются основные факторы, влияющие на протекание речевого взаимодействия в том или ином направлении. Определяются речевые действия адресанта, которые он принимает в ответ на реакцию слушающего.

Ключевые слова: коммуникативный замысел, адресат, адресант, интерпретационная гипотеза, отказ, коммуникативная ситуация, модель развития диалога.

Введение

Диалогическое взаимодействие отличается своим изменчивым и динамическим характером, что означает, что в процессе общения могут возникать различного рода сбои, заминки, затруднения и т.д. В число таких речевых феноменов входит и ситуация отказа от реализации коммуникативного замысла (ОКЗ).

Следует отметить, что в рамках коммуникативной лингвистики активно изучаются сложности, сопряженные с осуществлением коммуникативного замысла. Однако не всем аспектам коммуникативных затруднений уделяется равное внимание. Самые подробно исследованные коммуникативные феномены включают в себя коммуникативные неудачи, т.е. ситуации, при которых у собеседника не получается верно интерпретировать полностью реализованный замысел адресанта сообщения (Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Т. Сабурова [1], Л. Голетиани [2], О. П. Ермакова, Е. А. Земская [3], Л. Ю. Иванов [4], А. Мустайоки [5], А. Ю. Серебрякова [6] и другие). Менее изученными являются такие феномены, как вербальные гезитативы (Н. В. Богданова-Бегларян [7], Д. О. Добровольский, И. Б. Левонтина [8], В. И. Подлеская [9]), недомолвки, или речевой акт умолчания (О. В. Пузанова [10], Г. А. Тезекбаева [11]) и другие.

К недостаточно исследованным ситуациям относится и ситуация ОКЗ. В частности, в

фокусе лингвистов еще не оказывалась специфика протекания речевого взаимодействия в таких диалогах. Сама ситуация ОКЗ характеризуется тем, что во время разговора один из собеседников, имеющий намерение совершить то или иное речевое действие, меняет свое решение и отказывается от реализации своего сформированного замысла. При этом соответствующее решение носит полностью самостоятельный характер, т.е. говорящий завершает реализацию замысла не под давлением извне, как это отмечается в случаях с запретом или захватом коммуникативной инициативы.

Цель данной работы заключается в выявлении моделей развития диалога в ситуации ОКЗ. Материалом исследования послужили 650 англоязычных контекстов, содержащих ОКЗ и отобранных из Британского национального корпуса (British National Corpus) и Корпуса современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English). В ходе исследования были применены метод контекстуального анализа, описательный метод, а также количественная обработка материала.

Основная часть

Решение адресанта отказаться от осуществления своего замысла способно оказывать влияние на дальнейший ход протекания диалогического взаимодействия. Данное воздействие заключается в том, что в ответ на возникшую ситуацию собеседники могут выбирать разные пути речевого поведения. Такое развитие коммуникативного процесса зависит от того, распознает ли слушающий факт отказа, как он реагирует на него и какие действия в дальнейшем предпринимают коммуниканты. В результате анализа поведения участников общения можно выделить несколько моделей развития диалога.

1. Факт ОКЗ не распознан

Прежде всего, в силу специфики исследуемого феномена вероятны ситуации, когда факт ОКЗ оказывается не распознанным адресатом. Доля подобных ситуаций составляет

60 %. Такой вариант отмечается в тех случаях, когда адресант принимает соответствующее решение на предвербальном этапе порождения речи, т.е. еще не успев ничего сказать, из-за чего собеседник просто не имеет возможности узнать о факте отказа и, следовательно, догадаться о коммуникативном замысле:

Seeing a tear make its way from the corner of her eye to her temple, Shunta was about to say something; but it occurred to him that she was probably thinking about her late son, and so he returned the dentures to her pillow, slipped from the room, and returned to his own roost (T. Miyamoto. From the People of Dream Street; COCA).

2. Факт ОКЗ распознан

Если адресант всё же вербализует фрагмент замысла, то второй коммуникант определяет факт отказа. Такая ситуация наблюдается в 36 % случаев. Далее возможны два направления развития диалога с учетом того, принимает ли слушающий решение реагировать на такое речевое поведение собеседника или нет.

2.1 Отсутствие реакции со стороны слушающего на ОКЗ

Подобное поведение адресата характерно для двух разновидностей ситуации, которые отмечаются в 30 % контекстов. В первом случае говорящий не завершает вербализацию своего первоначального замысла и не приступает к реализации другого. Собеседник, в свою очередь, распознает факт отказа, но не совершает никаких речевых действий в этой связи по тем или иным причинам. Например, в следующем контексте бездействие адресата обусловлено отсутствием смысла продолжать диалог в связи с уходом собеседника из коммуникативного пространства. Ср.:

Her voice was cracked, coming like a broken note from a rusty instrument; and again she appealed to him as she watched him move towards the bedroom door.

“Come... come back a minute. Oh Joe. Joe.”

He stopped with the door handle in his hand and quietly said, “Yes, I’ll come back some day when you are gone and I’ll find where you’ve hidden the gun, for you wouldn’t have dared take it outside this room, would you? And this—” he moved his arm slowly to the side as he was about to add, “This is going to be your grave,” but he stopped, for two reasons; the words sounded melodramatic, like those that might be used in an amateur play, and this was no amateur play; the second reason was that he felt sick. He was stumbling as he walked across the landing. There was no sound from behind now, and he leant against the bannisters for a moment, his upper body swaying over them, and his stomach began to heave (C. Cookson. My Beloved Son; BNC).

Во втором варианте адресант прерывает реализацию замысла, озвучив лишь его фрагмент, и сразу приступает к осуществлению следующего замысла. Слушающий идентифицирует отказ собеседника от первого замысла, но решает продолжить разговор, опираясь на последнее высказывание адресанта:

“Willie will get your things. I’m Mrs. Greaves. Come in and—” She stopped in mid-sentence. “I’m sorry, I thought you were that painter fellow. What do you want?”

“I am that painter fellow” (S. Wilson. Beauty; COCA).

Данный вариант протекания разговора можно представить в виде следующей схемы:

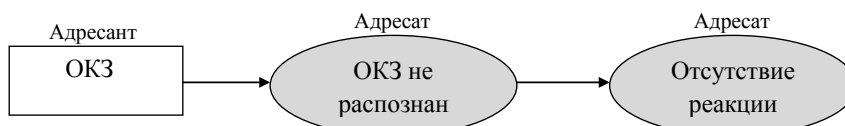

Рисунок 1. Модель развития диалога в случае отсутствия реакции со стороны слушающего

2.2 Слушающий реагирует на ОКЗ

Если же слушающий принимает решение прореагировать на факт отказа говорящего от реализации замысла, то диалог развивается разными путями в зависимости от того, смогли адресат сообщения построить интерпретационную гипотезу (ИГ) в отношении нереализованного замысла адресанта либо нет.

Анализ подобных контекстов, доля которых составляет 6 %, осуществлялся с опорой на классификацию моделей развития диалога,

содержащих реплики с неоднозначными имплицитными смыслами [12]. Такой вид диалога отличается от речевого взаимодействия с ОКЗ тем, что адресант полностью вербализует свой замысел. Тем не менее общим для них является то, что коммуниканты могут выбирать схожие модели поведения. Несмотря на обнаружение некоторых параллелей, в ситуации диалога с ОКЗ были выявлены и другие варианты протекания разговора.

2.2.1 ІГ не построена

Если слушающий смог распознать факт ОКЗ, но ему не удалось интерпретировать замысел (такой вариант отмечается в 2 % ситуаций), то он направляет адресанту запрос на завершение реализации замысла, и тот, в свою очередь, может выбрать один из двух путей поведения. Первый предполагает удовлетворение запроса:

“...*She seems to have been a girl who drifted into relationships because she didn't like upsetting people. Her so-called engagement to Rick was a disaster, and Eddie said...*” **She broke off, thinking that further revelations about Angy's sex-life would be a mistake, but Barney pounced.**

“**What did Eddie say?**”

“**That Angy had started an affair with Rodney Shergold, as a kind of quid pro quo for letting her take the art class...**” (B. Rowlands; K. Seve-noaks. *Finishing Touch*; BNC).

В соответствии со вторым вариантом адресант, прервавший реализацию замысла, отвечает отказом на просьбу собеседника:

“...*The way they were with me, I sometimes wondered—*” **He broke off. A quick flash of a glance from those blue eyes, then he turned away.**

“**You wondered?**”

“**Nothing. Nothing at all...**” **He stirred the peats, the Gaelic suddenly strong in his voice** (M. Stewart. *Stormy petrel*; BNC).

Что касается формы запроса, то побужде-ние завершить замысел может выражаться как в мягкой форме (см. примеры выше), так и но-силь более жесткий характер. Ср.:

Allyn had come out for the closing arguments and now approached Seth with an uneasy deference.

“*Your argument was surgery, kid. You had Stephens and the Pacific Sigma folks sweating bullets.*”

Allyn started to say something else, but stopped herself and began to scan the ceiling of the courtroom instead.

“*You lose something up there, Allyn?*” **Finish what you have to say.**”

“*Well, it seemed to me you danced close to the edge of the proof a few times, at least as I re-call the evidence*” (J. Martel. *Conflicts of Interest*; COCA).

Кроме того, в некоторых случаях реакция адресата на незавершенный замысел собеседника может выражаться в виде реплики отно-сительно состояния адресанта, которое, по предположению слушающего, могло послу-жить причиной отказа. Адресат может поин-тересоваться у собеседника, в каком он сейчас состоянии и/или предложить ему помощь.

Как правило, такие действия предприни-маются в ситуациях, когда адресант сообще-ния прерывает осуществление замысла из-за недомогания или переживания сильных эмо-ций. Далее он или заканчивает свое выска-зывание, или переходит к реализации нового замысла, или, как в примере ниже, решает не продолжать вербализацию начатого замысла:

“*I kept telling myself it would be all right. That when I got here they wouldn't be missing anymore. That they'd be among the lucky ones. I just couldn't conceive that... that...*” **She broke off to bite her lip.**

“**Drink some of this tea,**” *Maggie urged, handing it to Laura.*

Laura took several sips. Her face was screwed up with grief (E. Blair. *Maggie Jordan*; BNC).

Вариант развития диалога, при котором собеседник реагирует на факт отказа, но не строит ИГ, можно обобщить в следующей мо-дели:

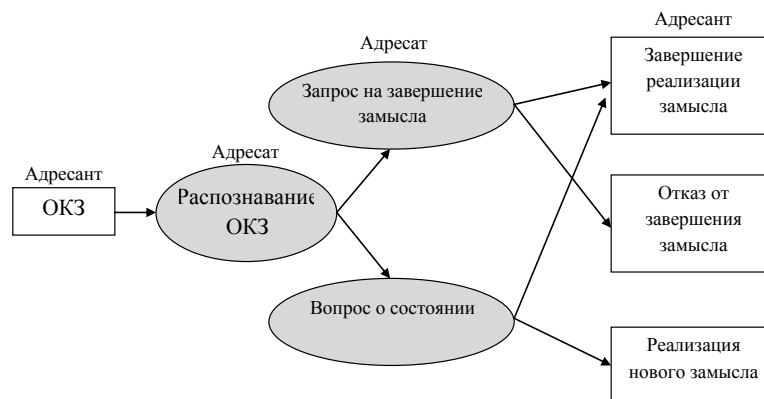

Рисунок 2. Модель развития диалога в случае отсутствия у слушающего ИГ

2.2.2 ИГ построена

Несмотря на сложность распознавания замысла в диалогах, содержащих ОКЗ, иногда слушающему удается построить ИГ, что происходит в 4 % случаев. В ситуации ОКЗ адресант не завершает свое речевое действие, в результате чего смысл высказывания остается невыраженным. Распознав сам факт отказа, адресат может предпринять попытку интерпретировать нереализованный замысел. В случае построения ИГ собеседник продолжает общение по одному из двух сценариев: не предполагающий проверки ИГ и предполагающий такую проверку.

• Развитие диалога без проверки ИГ

В рамках данного варианта продолжения речевого взаимодействия слушающий распознает, что замысел был полностью или частично не осуществлен, реконструирует содержание неозвученного высказывания собеседника, предполагая, что его ИГ является единственно верной, и продолжает диалогическое взаимодействие, опираясь на эту гипотезу. При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что интерпретация может осуществляться в случаях ОКЗ как на вербальном этапе порождения речи:

“It may seem stupid, but that’s the way it is. What happened the other day was wrong. I was drunk and I...” She fell silent, looking uncertainly at the students.

“Don’t worry,” I told her. “They won’t understand as long as you speak quickly. I was being tactful (M. Dibdin. Dirty Tricks; BNC);

так и на довербальном этапе:

“This town has a department of humanities?”

“Of course.”

“How strange,” I almost said before catching myself. After all, I had managed, so far, to avoid exclaiming how strange it was Dometown 26 had a department of efficiency. While I was happy to have the job, why it should exist was far from clear to me, even after poring over the job description. Dena noticed my puzzlement and said, “It might seem odd. But you know about Claude Onyell?” (M. Rich. Foe; COCA).

Кроме того, данная модель протекания разговора наблюдается и в тех ситуациях, когда адресат, вербализовав свою гипотезу, задает уточняющий вопрос относительно содержания неосуществленного замысла и сразу же, не дожидаясь ответа, продолжает диалог. Это характерно для ситуаций, когда слушающий не пытается на самом деле проверить правильность своей догадки, поскольку уверен в том, что другие варианты интерпретации невозможны:

“He is not my lover,” protested Joan. “And never will be, alas, alas! I hoped that when he returned in May...” She fell silent, leaving the sentence uncompleted and Anne looked curiously at her.

“You would not have, would you?” asked Anne. “Why, that would be dreadfully wicked!”

“Not when you love someone” (P. Wiat. The Child Bride; BNC).

• Развитие диалога с проверкой ИГ

Второй вариант продолжения общения предполагает выяснение слушающим смысла нереализованного высказывания адресанта посредством экспликации своей гипотезы. В ответ говорящий может либо отвергнуть ее, либо, как в примере ниже, подтвердить верность суждения своего собеседника:

“My father doesn’t—” She broke off the question, realizing she was heading into dangerous territory.

“Blame me for Abby’s death?” Shane finished, a hard note in his voice.

“Some days he does, some days he doesn’t. But he does blame me for your leaving and never coming back” (B. Freethy. On Shadow Beach; COCA).

Необходимо отметить, что не исключены случаи, когда слушающему не удается верно истолковать нереализованный замысел адресанта сообщения. Если интерпретатор уверен в своей правоте, то диалог может продолжиться по пути, который не является предпочтительным для адресанта, или же собеседник может указать на неверную догадку. Если же слушающий решает проверить свою гипотезу, то получает от собеседника отрицательный ответ и разговор идет далее с учетом этой информации.

Модель развития диалога с построением адресатом сообщения ИГ выглядит следующим образом:

Рисунок 3. Модель развития диалога в случае построения слушающим ИГ

В целом все пути продолжения разговора резюмировать в схеме, представленной ниже (рис. 4).

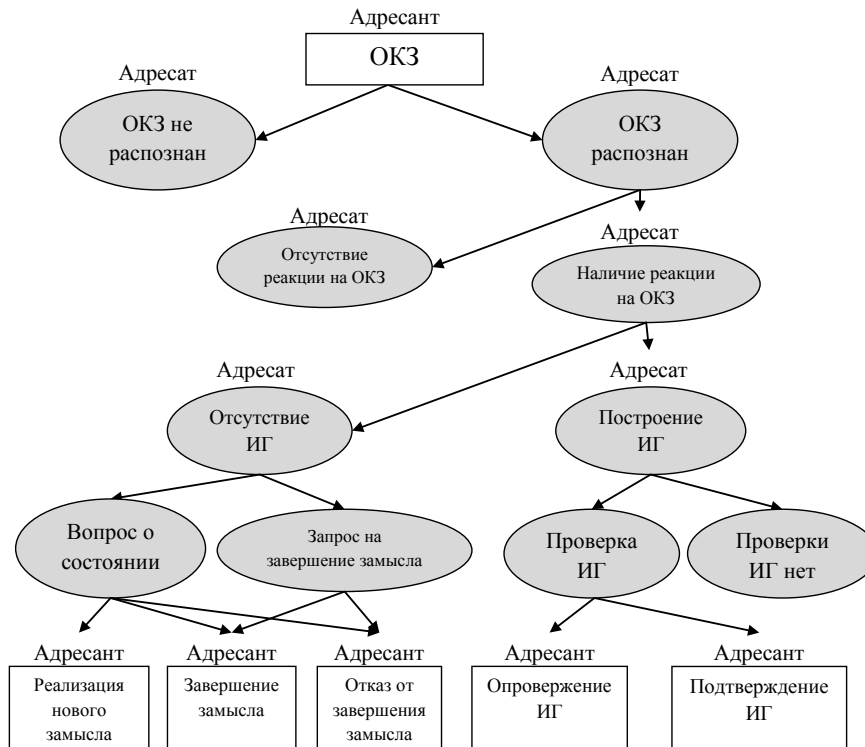

Рисунок 4. Полная модель развития диалога

Заключение

Таким образом, структура диалога в ситуации ОКЗ представляется довольно сложной, поскольку на процесс общения влияет несколько факторов. К главным элементам, определяющим дальнейшее развертывание разговора, относятся распознавание / нераспознавание адресатом факта ОКЗ, принятие им решения реагировать или не реагировать на данную ситуацию, наличие / отсутствие у слушающего построенной интерпретационной гипотезы и наличие / отсутствие желания проверить ее правильность. Что касается ответных действий адресанта, то они включают завершение первоначального замысла, реализацию нового замысла, отказ на удовлетворение запроса адресата, а также подтверждение либо опровержение гипотезы собеседника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Городецкий, Б. Ю.* К типологии коммуникативных неудач / Б. Ю. Городецкий, И. Г. Кобозева, И. Г. Сабуров // Диалоговое взаимодействие

и представление знаний : сб. ст. – Новосибирск, 1985. – С. 64–78.

2. *Голетиани, Л.* Коммуникативная неудача в диалоге: на материале русского и украинского языков / Л. Голетиани. – Мюнхен : Otto Sagner Verlag, 2003. – 412 с.

3. *Ермакова, О. П.* К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функционировании : коммуникативно-прагмат. аспект / О. П. Ермакова, Е. А. Земская ; отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев ; Рос. АН, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1993. – С. 30–63.

4. *Иванов, Л. Ю.* Коммуникативная неудача / Л. Ю. Иванов // Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник. – М. : Флинта, Наука, 2003. – С. 251–252.

5. *Мустайоки, А.* Неудачи сквозь призму потребностей говорящего / А. Мустайоки // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 543–560.

6. *Серебрякова, А. Ю.* Экстралингвистические причины коммуникативных неудач / А. Ю. Серебрякова // Вестник Южно-Уральского

государственного университета. Сер. Лингвистика. – 2015. – Т. 12, № 4. – С. 34–37.

7. **Богданова-Бегларян, Н. В.** Русские контактные глаголы в устной спонтанной речи: объем словника и функционально-семантическое разнообразие / Н. В. Богданова-Бегларян, Е. Р. Маслова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2019. – № 3. – С. 158–184.

8. **Добровольский, Д. О.** Дискурсивные частицы и способы их перевода: ну в романе Владимира Сорокина «Очередь» / Д. О. Добровольский, И. Б. Левонтина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 31 мая – 3 июня 2017 г. : в 2 т. / гл. ред. В. П. Селегей. – М., 2017. – Т. 2. – Вып. 16 (23). – С. 125–136.

9. **Подлеская, В. И.** Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования / В. И. Подлеская // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегод. Междунар. конф. «Диалог», Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г. : в 2 т. / гл. ред. В. П. Селегей. – М., 2013. – Т. 1. – Вып. 12 (19). – С. 631–643.

10. **Пузанова, О. В.** Прагматика и семантика умолчания : автореф. ... дис. канд. филол. наук : 10.02.04 / О. В. Пузанова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 1998. – 18 с.

11. **Тезекбаева, Г. А.** Прагматика недомолвок в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Г. А. Тезекбаева ; Тобол. гос. соц.-пед. акад. им. Д. И. Менделеева. – Тобольск, 2011. – 18 с.

12. **Задворная, Е. Г.** О вариативности интерпретации имплицитных смыслов и их роли в развитии диалога / Е. Г. Задворная // Эксплицитное и имплицитное в языке и речи. – Мн. : МГЛУ, 2017. – С. 35–37.

Поступила в редакцию 16.05.2023 г.

Контакты: march_home@mail.ru

(Марченко Ольга Владимировна)

Marchanka V. U. THE MODELS OF DIALOGUE INTERACTION IN THE SITUATION OF THE REFUSAL TO REALIZE THE COMMUNICATIVE INTENTION

The article deals with the models of dialogue development in the situation of speaker's refusal to realize his/her formed communicative intention. The main factors influencing the course of speech interaction in one direction or another are revealed. The speech actions that the addressee takes in response to the listener's response are identified.

Keywords: communicative intention, hearer, speaker, interpretative hypothesis, refusal, communicative situation, dialogue model.

ДЛЯ ЗАЎВАГ

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанав

Тэхнічны рэдактар *А. Р. Роскач*
Камп'ютарны набор і вёрстка *С. А. Кірыльчык*
Карэктар *Г. В. Карпянкова*

Падпісана да друку .2023 г.
Фармат 70x108¹/₁₆. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 10,2. Ул.-выд. арк. 12,6. Тыраж 50 экз. Заказ № .
Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Дзяржаўнае прадпрыемства
«Выдавецтва “Беларускі Дом друку”».
Пр. Незалежнасці, 79/1, 220013, г. Мінск.
ЛП № 02330/106 ад 30.04.2004.